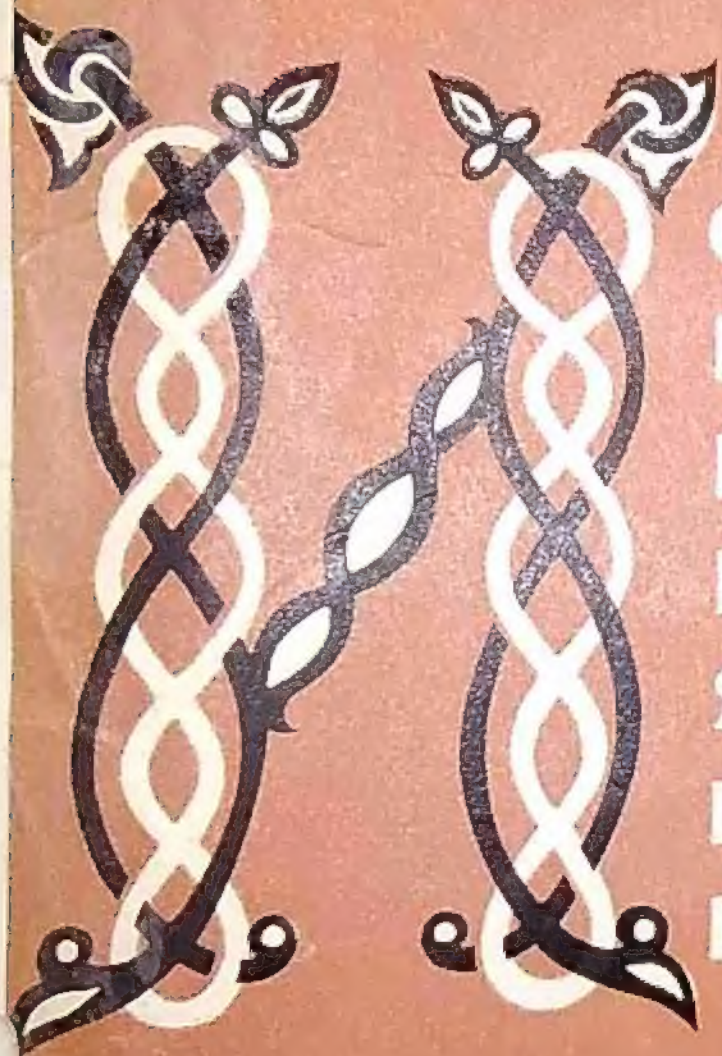

В.В. Иванов, З.А. Потиха

исторический
комментарий
к занятиям
по русскому
языку
в средней
школе

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

*В.В. Иванов,
З.А. Потиха*

Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе

Пособие для учителей

Москва
«Просвещение»
1978

Рекомендовано Министерством просвещения РСФСР

Условные знаки

- ' — мягкость звука: коп' (копъ)
- — долгота звука: адат' (отдать)
- // — чередование звуков: т//щ
- [] — в квадратных скобках указаны звуки или произношение части слова, всего слова: [а], [л'он] (лѣн)
- * — обозначение слова или формы, гипотетически восстанавливаемых для дописемной эпохи: * текти
- > — переход звука в звук: ъ > е
- < — происхождение звука из звука: у < ѡ

выходи ой — так обозначаются морфемы: приставка, корень, суффикс, основа, окончание.

Иванов В. В. и Потиха З. А.

И 20 Исторический комментарий к запискам по русскому языку в средней школе. Пособие для учителей. М., «Просвещение», 1978.
159 с.

В книге дано краткое описание звукового и грамматического строя древнерусского языка в сопоставлении с современным русским языком. Это позволяет проследить историю фонетических, морфологических и синтаксических явлений, изучаемых в школьном курсе русского языка, разобраться в происхождении того или иного слова, обосновать его написание, понять логику исключений из орфографических правил и т. д.

И 60501—819
103 (03)—78 93—78

4P (07)

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Общеизвестно, что предметом школьного изучения является современный русский литературный язык, тогда как история русского языка как специальная дисциплина в программу средней школы не входит. Однако не менее известно и то, что учителю-словеснику в школьной практике постоянно приходится сталкиваться с такими фактами современного русского языка, объяснение которых требует знания исторической грамматики.

Многие лингвисты и методисты в прошлом (Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов и др.) настойчиво стремились связать преподавание русского языка в школе с его историей. Однако историзм как обязательный принцип преподавания получил всеобщее признание лишь в советской школе, со времени известного Постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г., в котором предлагалось «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями».

Знание исторических процессов в развитии русского языка необходимо учителю-словеснику. Обучая школьников современным языковым нормам, учитель должен сам хорошо знать процесс их становления, историческую их обусловленность, а также тенденции в развитии современного языка. Без этих знаний немислимо сознательное и успешное преподавание такого важного и трудного школьного предмета, каким является русский язык. Совершенно справедливо отмечает член-корр. АН СССР Ф. П. Филин: «Придавая первостепенное значение исследованиям современного русского языка, мы в то же время не должны расценивать изучение его истории как дело второстепенное. Историзм, основывающийся на марксистско-ленинском мировоззрении, — одна из важнейших особенностей советского языкознания. Без внимательного и всестороннего исследования прошлого нельзя правильно понять и предвидеть будущее... Чем больше знаний у учителя по истории русского языка, тем самостоятельнее его лингвистическое мышление, тем лучше он осмысливает строй современного языка»¹.

¹ Филин Ф. П. Изучение русского языка на современном этапе — «Русская речь», 1976, № 1, с. 15.

Нет необходимости доказывать полезность для учащихся некоторых исторических экскурсов и сравнений при изучении языка. Такие экскурсии и сравнения помогут школьникам сознательно усваивать учебный материал и покажут им, что современные нормы языка являются результатом длительного процесса его развития и совершенствования.

Однако при отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено его практической направленности. В преподавании современного языка необходимо привлекать только такие исторические сведения, которые освещают процесс развития языка, объясняют внутреннюю логику и обусловленность существующих теперь лексических, грамматических и орфографических явлений. При этом в центре внимания учителя должен быть один из важнейших принципов дидактики — доступность, учет возрастных особенностей и уровня развития учащихся данного класса.

Естественно, что историческое освещение фактов русского языка в научной и в то же время доступной форме требует от учителя достаточно высокой подготовки. Задача настоящего пособия и заключается в том, чтобы дать учителю необходимую систему знаний по истории русского языка.

При подготовке к очередному занятию учителю необходимо продумать следующие вопросы:

1) Какие исторические явления в развитии русского языка связаны с темой данного урока и как увязывается материал школьного учебника с историческими сведениями?

2) Какие конкретные исторические экскурсии можно и нужно включить в урок с учетом возрастных особенностей и уровня развития учащихся данного класса?

3) Какие положения и выводы будут сообщены учащимся и что целесообразно рекомендовать для запоминания?

4) Какую воспитательную роль могут играть сообщенные учащимся исторические факты?

Можно привести некоторые примеры использования исторических экскурсов при изучении русского языка в школе.

Так, вполне доступна для учащихся IV класса история появления беглых *е* и *о*. Именно это языковое явление часто обуславливает изменение звуко-буквенного состава многих корней родственных слов (ср. *сон* — *сна*, *шел* — *шла*), суффиксов (ср. *бережок* — *бережка*, *паренек* — *паренька*, *замочек* — *замочка*). Только уяснив природу беглых *е* и *о*, учащиеся поймут внутреннюю логику правила о написании суффиксов *-ек* и *-ик* (*цветочек* — *цветочка*, но *ключик* — *ключика*): ведь есть беглое *е*, но нет беглого *и*!

В своей языковой практике учащиеся встречаются со стилистическими вариантами корней, например в словах: *ворота* — *врата*, *голова* — *главарь*, *здоровый* — *здравница*, *сторож* — *страж*, *короткий* — *краткий*, *берег* — *безбрежный*, *молочный* —

Млечный (путь) и т. п. Небольшая историческая справка о старославянском происхождении неполногласных форм даст учащимся возможность уяснить природу этого явления в современном русском языке и обогатить свои стилистические навыки.

Краткий экскурс в историю русских гласных позволит учащимся понять природу таких чередований, как *я(ня) — им(ним) — ем(ём)* (типа *поднять — поднимать — подъём*), *я(а) — ии* (типа *замять — заминать, начать — начинать*), *я — ен* (типа *время — времени*), *я — у* (типа *трясти — тряс*) и т. д.

Исторические справки могут явиться ценным средством создания на уроках проблемной ситуации. Так, например, в IV классе учащиеся узнали, что краткие прилагательные не склоняются, но изменяются по числам, а в единственном числе — еще и по родам; в предложении же они обычно выступают в качестве сказуемых. В VI классе учащимся стало известно, что краткие страдательные причастия, так же как и краткие прилагательные, изменяются по числам, а в единственном числе — еще и по родам и в предложении являются сказуемыми. Установить логическую связь между этими правилами, разделенными двумя годами обучения в школе, поможет следующая беседа.

Учитель. В чем сходство кратких страдательных причастий и кратких прилагательных?

Ученик. Краткие страдательные причастия, так же как и краткие прилагательные, не склоняются. В предложении и те и другие являются сказуемыми.

Учитель. Почему краткие прилагательные и причастия не склоняются?

Ученик. Они не склоняются потому, что являются сказуемыми, а сказуемые согласуются с подлежащими, которые всегда стоят в именительном падеже. Например: *Наша страна велика и могуча; Рекорд достигнут.*

Учитель. Вы, ребята, как видно, обратили внимание на то, что в учебнике для IV класса о кратких прилагательных сказано, что они обычно являются сказуемыми. Почему «обычно»?

Безусловно, учащиеся сами не сумеют достаточно полно ответить на этот вопрос. И в этом случае учитель объяснит, что в древние времена краткие прилагательные могли быть не только сказуемыми, но и определениями. Это ясно видно на примере словосочетания *нов город* (новый город), от которого образовалось собственное название *Новгород*. В современном русском языке сохранились лишь отдельные фразеологические обороты, в которых краткие прилагательные выступают в роли определения (даже в косвенных падежах): *среди бела дня, на босу ногу, добра молодца, красну девицу, отчего сыр-бор загорелся* (сырой бор). Вот почему в учебнике и сделана оговорка «обычно».

Исторические экскурсии помогают уяснению современных явлений и в произношении. Так, известно, что в современной орфо-

графин буквой *е* может обозначаться как звук [e], так и звук [ʼo] после мягкого согласного (его можно было бы обозначить буквой *ё*), например *лес* и *нес* [nʼos]. Звук [ʼo] вместо [e] произносится теперь в определенных словах и формах, но в современном языке нет законов, которые помогли бы установить, когда надо произносить [o], а когда [e]. Однако в прошлом действовал закон, согласно которому звук [e] определенного происхождения изменялся в [o] перед твердыми согласными. Этот закон в современном языке уже не действует, а произношение под ударением [e] или [o] диктуется традицией.

Точно так же история языка помогает объяснить многие явления в правописании. Например, известно, что шипящие и [ц] в древнерусском языке были мягкими согласными. Эта их особенность и сейчас еще отражается в нашей орфографии. Так, мы пишем *жизнь*, *шило*, *рожь*, *несешь*, *цифра*, хотя произносим [ж], [ш], [ц] твердо. Подобные написания называются историческими или традиционными; иными словами, мы продолжаем писать так, как писали в эпоху мягкости шипящих и [ц].

На протяжении развития русского языка произошло отвердение [ж], [ш] и [ц], причем первые два согласных отвердели раньше, а [ц] — значительно позже; звуки же [ч] и [щ] сохранили свою мягкость и в современном языке.

Любопытно, что это различие в судьбе шипящих отразилось и на произношении [e] в положении перед [ш], [ж] и [ц], [ч], [щ]. В современном русском языке слова типа *несёшь*, *дёшево*, *грабёж*, *ёжик* произносятся с [ʼo] (*ё*) перед [ш] и [ж], следовательно, в период действия закона об изменении [e] в [o] звуки [ж] и [ш] уже были твердыми, так как в противном случае (т. е. перед мягкими согласными) такого изменения быть не могло. С другой стороны, слова типа *отец*, *конец* свидетельствуют о том, что в период действия указанного закона согласный [ц] был еще мягким, так как в противном случае (т. е. перед твердым согласным) здесь осуществилось бы изменение [e] в [ʼo]. Вместе с тем на всем протяжении истории русского языка вплоть до настоящего времени сохранилась мягкость звуков [ч], [щ], что обусловило отсутствие изменения [e] в [o] в словах типа *овечка*, *колечко*, *меч*, *лещ*, *клев* и т. п.

§ 2. Характеристика тех исторических языковых процессов, которые отражены в современном русском языке и которым посвящена настоящая книга, не предусматривает строгой их хронологизации. Например, хронологически не разграничиваются чередования согласных и явления, связанные с упрощением групп согласных, несмотря на то, что по происхождению эти явления разновременные. Такой подход вполне оправдан, так как при изучении современного языка в школе нет необходимости последовательно излагать его историю. Задача заключается только в том, чтобы помочь учителю в доступной форме объяснить школьникам происхождение и природу того или иного современного

языкового явления, аргументированно ответить на вопросы учащихся.

Ученики нередко встречаются с различными языковыми фактами, которые трудно объяснить материалами современного языка. Происхождение того или иного слова, обоснование его написания, объяснение логики некоторых грамматических правил и, наоборот, обоснование имеющихся исключений из правил — все это требует обращения к истории языка.

В школьном учебнике отсутствуют исторические справки, так как он дает только обязательный для усвоения материал. Однако программа требует вдумчивого отношения к фактам языка. Объясняя то или иное языковое явление, учитель по возможности постарается раскрыть его закономерности, его взаимосвязь с другими языковыми процессами. Выявление закономерностей — одна из основных проблем любой науки.

Особенно благодарным материалом для исторического комментирования являются реликтовые формы и различные случаи отклонения от типичных форм современного языка.

Сведения по истории языка необходимы также и на уроках русской литературы. При изучении художественного произведения, в котором встречаются грамматические или лексические архаизмы, учитель может обратить на них внимание учащихся. Подобная работа целесообразна в двух отношениях: во-первых, учащиеся обратят внимание на устаревшие слова и грамматические формы; этот прием противопоставления важен для овладения нормами грамматического строя и лексической системы современного языка; во-вторых, при изучении художественной литературы учащиеся встречаются со случаями использования архаизмов в различных стилистических функциях — от создания высокого, а иногда и граждански-патетического стиля (Радищев) до пародирования (Фонвизин, Достоевский).

§ 3. Историческое комментирование фактов современного русского языка требует использования ряда основных понятий, на которых строится историческое изучение языка и которые используются в настоящей книге. К этим понятиям относятся следующие.

Общелиндоевропейский язык-основа. Этот язык, прародитель современных индоевропейских языков, существовал в глубокой древности и распался за несколько тысячелетий до нашей эры. В результате его распада появились ветви индоевропейских языков и в конечном счете сформировались современные языки, относящиеся к индоевропейской языковой семье.

Праславянский язык. Он выделился из общелиндоевропейского языка-основы примерно пять тысяч лет тому назад и являлся средством общения древних славянских племен. Этим языком пользовался славянский пранарод, еще не разделившийся на разные славянские группы. В эпоху праславянского языка не было письменности, поэтому его структура реконструируется

по данным сравнительно-исторического изучения разных славянских языков.

Праславянский язык является предком всех древних и современных славянских языков: восточных (русского, украинского, белорусского), западных (польского с кашубским, чешского, словацкого, лужицкого) и южных (болгарского, сербского, хорватского, словенского, македонского). Близость славянских языков между собой, объясняемая не только родством их по происхождению, но и относительно недавним временем распада праславянского языка, проявляется во всех сторонах их языковой структуры: в словарном составе, в словообразовании, в звуковом и грамматическом строе.

Общевосточнославянский (или древнерусский) язык. Это язык древних восточных славян, который примерно полторы тысячи лет тому назад выделился из праславянского языка. Древнерусским этот язык называют потому, что восточные славяне, создав самостоятельное государство — Киевскую Русь, образовали единую древнерусскую народность, из которой позднее, примерно 600 лет тому назад, выделяются русская (или великорусская) украинская и белорусская народности.

В истории русского языка условно различаются дописьменный (или доисторический) и исторический периоды. Так как первые памятники восточнославянской письменности относятся к XI в., в науке принято считать этот век водоразделом между дописьменным и историческим периодом развития языка.

Эти периоды различаются не тем, что на их рубеже возникли какие-то специфические языковые изменения, а тем, что есть различие в источниках, на которых строится изучение языка этих периодов. Основным источником для реконструкции языка восточных славян дописьменной эпохи (как и праславянского языка) являются данные сравнительно-исторического изучения славянских языков, т. е. данные, получаемые в результате сравнения родственных славянских языков в их историческом развитии. При изучении же языка исторического периода наука главным образом привлекает языковые факты, зафиксированные в древнейших памятниках письменности, а также в народных говорах.

Таким образом, русский язык в своем развитии прошел два основных периода: а) дописьменный (до XI в.), б) исторический (с XI в. до наших дней).

Общее развитие русского языка может быть представлено следующей таблицей:

1. Дописьменный (доисторический) период:

1) общепалеоевропейский язык-основа (примерно до третьего тысячелетия до н. э.);

2) праславянский язык (примерно до V—VII вв. н. э.);

3) общевосточнославянский (древнерусский) язык (дописьменный период, до XI в. н. э.).

II. Исторический период:

1) общевосточнославянский (древнерусский) язык (письменный период, с XI до XIV в.);

2) язык великорусской (русской) народности (XV—XVI вв.);

3) формирование и развитие русского национального языка (XVII — начало XIX в.);

4) современный русский язык (от Пушкина до наших дней).

Как известно, при изучении истории русского языка часто ссылаются на язык старославянский. Для того чтобы понять такие ссылки, надо знать, что старославянский язык — это самостоятельный книжный письменный язык, созданный на живой основе одного из южнославянских говоров. На старославянском языке ни один народ никогда не говорил, так как он был создан для нужд церковного богослужения, но он был понятен всем древним славянам. Письменность на этом языке была создана известными славянскими просветителями Кириллом и Мефодием (863 г.), которые при помощи старославянского языка распространяли христианство, создавая различные богослужебные книги.

Языковой анализ старославянских памятников письменности имеет большое значение для изучения всех славянских языков, так как в этих памятниках зафиксированы наиболее древние славянские языковые особенности, отражены наиболее древние черты в звуковом и грамматическом строе славянских языков. Кроме того, необходимо учитывать длительное и плодотворное непосредственное влияние старославянского языка на русский литературный язык.

Славянская письменность имела не одну, а две азбуки: глаголицу и кириллицу. Название *глаголица* происходит от славянского слова *глаголати* — «говорить». *Кириллица* была названа по имени одного из двух братьев — составителей первого славянского алфавита (Кирилла).

В Древней Руси первоначально употреблялись обе азбуки, но с течением времени кириллица, как более совершенное письмо, вытеснила глаголицу, остатки которой обнаруживаются в древнейших памятниках преимущественно новгородского происхождения.

Кириллицей написаны памятники, которые являются важнейшими источниками изучения истории древнерусского языка. Следует учесть, что буквы кирилловского алфавита обозначали не только звуки речи, но и числа. Лишь при Петре I вводятся арабские цифры для числового обозначения.

Приспосабливаясь к восточнославянской фонетической системе, кириллица постепенно на протяжении веков изменялась: уменьшалось количество букв, упрощалось их начертание. Так, из алфавита были устранены юсы (большой и малый), кси, пси, фита,

пикица, зело, ять. Кроме того, были введены *э, й, е*. Постепенно создавалась русская азбука (от названия начальных букв древнеславянского алфавита — *аз, буки*), или *алфавит* (от названий начальных букв греческой азбуки — *альфа, вета*), в котором в настоящее время насчитывается 33 буквы (среди них 10 гласных, 21 согласная и 2 знака — *ъ* и *ь*). Не все буквы одинаково употребительны. Так, очень немногие русские слова начинаются с *а* или *э*; для древнерусского языка эти буквы в начальной позиции были не характерны.

Небезынтересно отметить, что большие буквы в кирилловском письме употреблялись только в начале абзаца. В этом случае большая прописная буква затейливо разрисовывалась. Недаром первая строка абзаца называлась *красной* (в значении «красивая») строкой.

§ 4. Авторы поставили перед собой задачу дать не отдельные разрозненные сведения из исторической грамматики, а описание целостной системы грамматического строя древнерусского языка в развитии. Эта система, в первую очередь, нужна учителю. Объем и характер сообщаемых учащимся отдельных исторических сведений зависит от конкретных условий, уровня подготовленности и степени загруженности учащихся, эрудиции и опыта самого учителя. Так, часть материала при благоприятных условиях может быть дана учащимся при первичном изучении той или иной грамматической темы, а также на уроках русской литературы. Другую часть материала можно предложить при повторении уже усвоенной темы. Некоторые сведения из истории языка рекомендуется перенести в старшие классы.

В последнее время большое внимание уделяется проведению факультативов и кружковой работы в школе, где также могут быть раскрыты некоторые исторические факты языка. Особо следует подчеркнуть, что далеко не весь изложенный в настоящем пособии материал может быть предложен учащимся. Некоторые исторические сведения останутся на вооружении самого учителя, послужат расширению его лингвометодического кругозора.

Можно надеяться, что умеренное и рациональное привлечение фактов исторической фонетики, грамматики, лексикологии на уроках русского языка, а также на факультативных занятиях и в языковедческих кружках поможет учащимся улучшить орфографическую грамотность, более сознательно и прочно усвоить нормы современного русского языка, развить интерес к его глубокому изучению, лучше понять закономерности и пути его развития и совершенствования.

В. И. Ленин учил, что для правильного подхода к вопросам общественной науки самое важное — «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные

этапы
этого
Эт
и к г
явлен
вопро
истор

§ 5.

дась в
гом от
В про
верни
Оха
в срав

§ 6.

пости, с
Слова
должны
русском
согласно
ваться
шинство
ла *э* *ъ* *ка*,
ние на те
звуки. П
Если
то можно
жения зву
т. е. слог
звучным
ваться на
оказался
В этом
ных внутр
дятся ряд
гласные бо
норные [p]
хих; поэто

1 Ленин
2 Там же

этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Эти важные указания В. И. Ленина в полной мере применимы и к глубокому изучению языка как важнейшего общественного явления, так как при изучении общественных наук ко всякому вопросу «можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом»².

ФОНЕТИКА

§ 5. Звуковая система современного русского языка сложилась в результате длительного исторического развития и во многом отличается от звуковой системы древнерусского языка. В процессе развития языка одни звуки исчезли, а другие подверглись качественным изменениям.

Охарактеризуем звуковую систему древнерусского языка в сравнении ее с современной.

СТРОЕНИЕ СЛОГА

§ 6. В первую очередь необходимо рассмотреть закономерности, связанные со структурой слога.

Слова в древнерусском языке, как и в современном русском, делились на слоги. Однако, в отличие от современного, в древнерусском языке действовал закон открытого слога, согласно которому каждый слог в слове должен был оканчиваться на слогообразующий звук, т. е. в подавляющем большинстве случаев на гласный, например: *до'мъ, бра'тъ, съ'нъ, лав'ъ/ка, се'стра, не'сти, мо'гъ, дв'нь* (следует обратить внимание на то, что *ъ* и *ь* в древнерусском языке обозначали гласные звуки. Подробнее см. ниже, § 8, 10—20).

Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, то можно считать, что закон открытого слога требовал расположения звуков в слове по *в о з р а с т а ю щ е й з в у ч н о с т и*, т. е. слог начинался с наименее звучного и оканчивался наиболее звучным звуком. В древнерусском языке слова не могли оканчиваться на согласные звуки, так как в этом случае конечный слог оказался бы закрытым.

В этом плане особый интерес представляют сочетания согласных внутри слова. В пределах одного слога звуки могли находиться рядом только в определенной последовательности: если гласные более звучные, чем согласные, то среди согласных согласные более звучные, чем согласные, а звонкие более звучные, чем глухие; поэтому при сочетании в слове согласные располагались от

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 67.

² Там же, с. 68.

менее звучного к более звучному, а затем — к гласному звуку. Например, *гра/мо/та*, *сиѣ/гѣ*, *жи/знь* и т. п. Из примеров ясно видно, что слоги *гра-*, *сиѣ-*, *-знь* начинаются менее звучными [r], [c], [z], далее идут более звучные сонорные [p], [n] и, наконец, гласные [a], [ѣ], [ѣ].

Следовательно, этот закон ограничивал в словах возможные сочетания согласных.

В современном языке, как известно, этот закон утратил свою силу: слоги могут быть и открытыми, и закрытыми, т. е. оканчиваться и гласным, и согласным звуком. Вместе с тем в современном русском языке можно обнаружить факты частичного сохранения закона открытого слога. Чтобы установить это, достаточно провести следующий эксперимент. Если просмотреть даже самый полный словарь русского языка, то можно убедиться, что там нет слов, начинающихся, например, такими сочетаниями звуков, как *нс*, *лс*, *рш* и др. (т. е. сонорный + глухой), тогда как слова с обратными звуко сочетаниями *си*, *си*, *шр* (т. е. глухой + сонорный) вполне возможны.

§ 7. Второй особенностью слоговой структуры древнерусского языка была тенденция к объединению в пределах одного слога звуков однородной артикуляции: мягкие согласные сочетались только с гласными переднего ряда ([и], [е] и др.), а твердые — только с гласными заднего ряда ([а], [о] и др.). Например, могло быть *къ то* и *чѣ то*, но сочетания *къ чѣ* в древнерусском языке были невозможны. Если же в пределах одного слога оказывались звуки разнородной артикуляции (например, твердый согласный + гласный переднего ряда), то в этом случае возникали различного рода приспособления артикуляций гласного и согласного звуков (например, *нога* — твердый [n] + передний [а], но дат. пад. *на нозѣ* — мягкий [z'] + передний [ѣ]). Это явление называется законом слогового сингармонизма (от греч. *syn* — «вместе» и *harmonia* — «созвучие, связь»).

Обе закономерности, характеризующие структуру слога, появились очень давно, еще в дописьменный период истории русского языка. В эпоху возникновения письменности они продолжали действовать.

Перейдем к анализу системы гласных и согласных.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

§ 8. В современном русском языке, как известно, 6 основных гласных звуков: [a], [o], [e], [и], [ы], [y], которые обозначаются на письме соответствующими основными буквами. В русском алфавите, кроме того, есть еще 4 гласные буквы: *я*, *ю*, *е*, *ѣ*, которые могут обозначать или те же звуки, что и основные буквы, или сочетания двух звуков. Например, буква *я* обозначает либо звук [ʲa] после мягкого согласного: *ряд* [pʲad], либо сочетание [ja]: *яма* [jama].

Иная система гласных была в древнерусском языке. В него входили, во-первых, те же 6 гласных звуков, какие существуют и в современном языке, т. е. [а], [о], [е], [и], [ы], [у]; обозначались эти звуки соответствующими буквами, так же как и теперь. Не было только буквы э, и для обозначения этого звука использовалась буква е, имевшая такое же значение, что и в современном алфавите. Буква ю в древнерусской письменности тоже имела такое же значение, что и теперь, а буквы я и ё тогда не существовало. Во-вторых, в древнерусском языке были 2 так называемых редуцированных¹ (т. е. кратких, ослабленных) звука [ъ] и [ь], обозначавшихся буквами ъ и ь, звук [ѡ] (т. е. закрытый, напряженный и более долгий звук [о]), обозначавшийся на письме буквой Ѣ («ять»), а в древнейшую пору еще и два носовых (т. е. произносившихся с носовым призвуком) гласных — [о̃] носовое и [е̃] носовое; которые в кириллице обозначались соответственно буквами ꙗ: (юс большой) и я (юс малый).

§ 9. Итак, в древнерусском языке в эпоху перед возникновением письменности (X в.) было 11 гласных звуков, получавших соответствующие обозначения на письме. Все они делились на гласные полного образования (а, о, е, и, ы, у, Ѣ, ѡ, я) и неполного образования, или редуцированные (ѣ, ѥ), которые произносились очень кратко. По характеру образования различались гласные переднего ряда (и, е, Ѣ, ѥ, я) и непреднего ряда (а, о, у, ы, ѡ, ѡ̃).

Эта система может быть представлена следующей схемой:

Как образованы	Где образованы	
	Передний ряд	Непередний ряд
1. Полное образование:		
а) чистые	и, е, я	ы, а, о, у
б) носовые	ѡ	ѡ̃
2. Неполное образование (редуцированные)	ѣ	ѥ

В отличие от древнерусского языка, современный русский язык имеет только гласные полного образования, которые также делятся на гласные переднего ряда (и, е) и непреднего ряда.

При изучении фонетики в IV классе учащиеся обратят внимание на то, что в русском языке всего 6 основных гласных звуков. Путем самостоятельного наблюдения над небольшим текстовым отрывком и несложного подсчета дети могут прийти к выводу о значительном преобладании в нашей речи согласных звуков. Подаром в русских словах возможны сочетания четырех и даже

¹ От латинского слова *reductio* — «ослабляю, сокращаю».

пяти согласных (ср. *взгляд, встреча, бодрствовать*), а сочетания даже трех гласных в исконно русских словах почти невозможны (ср. редкое сочетание гласных *поаукаться*).

Если, как говорилось, в древнейшую пору в нашем языке было 11 гласных звуков, то в процессе исторического развития языка их количество сократилось почти вдвое: исчезли из языка два носовых гласных (см. § 26), два редуцированных гласных (см. § 12—13) и один звук (ѣ) в историческом развитии полностью совпал с другим звуком (см. § 21). Оставшиеся гласные вполне удовлетворяют потребности современного языка.

Рассмотрим характер и судьбу утраченных древнерусских гласных звуков.

ъ, ь

§ 10. В современном русском письме употребляются два буквенных знака: ъ и ь, которые не служат для обозначения самостоятельных звуков. Твердый знак употребляется только как разделительный после приставок на согласный (ср.: *сели — съели*). Мягкий же знак используется: а) как разделительный во всех остальных случаях (например, *вьюга, соловьи, колья*), б) для обозначения мягкости согласного (например, *конь, кость, сельдь*), в) по традиции, как средство выражения какого-либо грамматического значения (например, *дочь, беречь, пишешь, режь, вскачь*).

§ 11. В древнерусском письме ъ обозначал краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [о], а ь — такой же краткий, ослабленный звук, близкий к [е]; например, в памятниках древнерусской письменности можно найти написания вроде *съиъ* (сон), *дьнь* (день), *вълкъ* (волк), *крѣсть* (крест), *бръвню* (бревно) и т. д.

§ 12. Гласные звуки [ъ] и [ь] в древнерусском языке употреблялись в различных словоформах, могли находиться в сильных и слабых позициях (или положениях). В сильных позициях в определенный период истории языка (первоначально, в XII — начале XIII в.) [ъ] изменился в [о], а [ь] — в [е]; в слабых же позициях [ъ] и [ь] сократились до полного исчезновения.

Какие же позиции [ъ] и [ь] были сильными? Сильными позициями [ъ] и [ь] были: а) положение их под ударением (например, *дѣску, мѣньшѣ*), б) положение их перед слогом с редуцированным [ъ] или [ь] в слабой позиции (например, *отѣць, прасѣдѣ*), в) сочетание с предшествующим или последующим [р] или [л] между согласными (например, *гърло, вѣла, крѣзь, слѣза*). Остальные позиции были слабыми.

§ 13. В конце слова редуцированные всегда были в слабой позиции и, следовательно, исчезли, в результате чего во многих словах сократилось количество слогов. Так, в древнерусском языке не было знаменательных слов, состоящих из одного слога, а в современном языке появилось большое количество однослоговых знаменательных слов и словоформ типа *сон, дом, кот, петух, волн, мест, дел* (род. п. мн. ч.), *добр, смел* и т. п. Это явление

вполне закономерно и отвечает общей тенденции развития языков — экономии речевых средств.

Кроме этого, в устной речи в конце слова произошло оглушение звонких согласных: мороз — моро[с], дуб — ду[п], здоров — здоро[ф] и т. п.

Наконец, исчезновение редуцированных в конце слова привело к появлению нулевых окончаний (т. е. таких, которые не выражены звуками; см. «Русский язык. Учебник для IV класса», с. 128—129).

§ 14. Часто в языке происходило так: [ъ] и [ь] в одних формах какого-либо слова оказывались в сильной позиции, а в других формах этого же слова — в слабой, и поэтому в одних формах на месте [ъ] и [ь] появились [о] и [е], а в других [ъ] и [ь] исчезли, оставив после себя «нуль звука».

Например, в словах *снѣтъ*, *пнѣтъ* гласные [ъ] и [ь] в корнях падаются в сильной позиции — под ударением и перед слогом с конечным редуцированным в слабой позиции. Поэтому в истории языка в этих формах [ъ] и [ь] в корне заменились в [о] и [е], а на конце исчезли. Так возникли современные формы *сон*, *пень*.

§ 15. Теперь посмотрим, что было в других формах этих двух существительных. Например, род. п. в древнерусском языке оканчивался у них на -а или -я: *сѣна*, *пѣня*. В этой форме [ъ] и [ь] оказались в слабой позиции, поэтому они утратились. Получились формы *сна*, *пня*.

Нетрудно заметить, что в результате чередования сильной и слабой позиций [ъ] и [ь] в пределах одного слова в русском языке появились беглые [о] и [е]¹. Ср. еще примеры: др.-русск. *куськъ* — *куська* > совр. *кусок* — *куска*; др.-русск. *отѣць* — *отѣца* > совр. *отец* — *отца*; др.-русск. *рѣтъ* — *рѣта* > совр. *рот* — *рта*; др.-русск. *сѣто* — *сѣтъ* > совр. *сто* — *сот*; др.-русск. *пѣса* > совр. *пес* — *пса*; др.-русск. *шѣтъ* — *шѣта* > совр. *шел* — *шла*; др.-русск. *тѣтъ* — *тѣта* > совр. *темя* — *тѣта* (где *ѣ* сейчас только указывает на мягкость согласных [м'] и [т']).

Говоря об исчезновении редуцированных *ѣ*, *ѣ*, необходимо иметь в виду, что в современном русском языке *ѣ*, *ѣ* сохранились как буквы, как знаки, но они больше не обозначают самостоятельных звуков.

Изучая беглые гласные (см. учебник русского языка для IV класса, с. 140), полезно для закрепления этой темы дать учащимся два ряда слов:

- а) лоб, рот, ложь, сон, мох, песок;
лев, день, весь, мечь, восемь;
- б) дом, год, лом, стол, нос, конь;
свет, тепло, мель, село, дело, стена.

¹ Еще М. В. Ломоносов — автор первой русской грамматики (1755 г.) — называл эти звуки беглыми в отличие от обыкновенных гласных.

Случаи появления беглых [o], [e] не из [ъ], [ь], а по аналогии или для ликвидации труднопроизносимых сочетаний согласных в русском литературном языке довольно редки, и, следовательно, нет необходимости о подобных случаях специально сообщать учащимся.

§ 17. Гораздо чаще «пезаконные» беглые гласные появляются не в корнях, а в суффиксах слов позднего происхождения. Так, упомянутые выше слова *американец* (*американца*) и *комсомола* (*комсомолок*) образованы с помощью древних по происхождению суффиксов -ец- (<-ьц-) и -к- (<-ък-), которым свойственна беглость гласных.

Ниже приведены суффиксы существительных и прилагательных, в которых наблюдаются беглые [o], [e].

1. Суффиксы имен существительных:

-к(а) — казачка — казачек, самоучка — самоучек, комсомолка — комсомолок, шоколадка — шоколадок, зенитка — зениток, пятилетка — пятилеток, березка — березок;

-к(и) — очистки — очисток;

-к(о) — крылечко — крылечек;

-овк(а), -евк(а) — курсовка — курсовок, путевка — путевок;

-ек, -ок — орешек — орешка, паренек — паренька;

-ышек, -ишек — соробышек — соробышка и воробышек — воробышка;

-енек — муженек — муженька;

-ежк(а) — бомбезка — бомбежек;

-лк(а) — веялка — веялок;

-ок — ветерок — ветерка, дружок — дружка;

-енок, -онок — спученок — спучонка, орлёнок — орлёнка;

-чонок — китайчонок — китайчонка;

-ичок — новичок — новичка;

-ерк(а) — табакерка — табакерок;

-урк(а) — снегурка — снегурок;

-етк(а) — оперетка — опереток, танкетка — танкеток;

-ютк(а) — малютка — малюток;

-ечк(о) — местечко — местечек;

-очк(а) — вазочка — вазочек;

-ячк(а) — гордьячка — гордьячек;

-ашк(а) — старикашка — старикашек;

-ешк(а) — рыбешка — рыбешек;

-ишк(а), -ышк(а) — братишка — братишек, малышка — малышек;

-ишк(о) — домишко — домишек;

-ишк(а), -юшк(а) — дедушка — дедушек, зверюшка — зверюшек;

-ышк(а) — гнездышко — гнездышек;

-яшк(а) — стекляшка — стекляшек;

-и(я) — сотня — сотен, колоколыя — колоколен;
 -ень — баловень — баловня, перстень — перстня;
 -вень — ливень — ливня;
 -и(я) — песня — песен;
 -льи(я) — купальня — купален;
 -ец — космолет — космолетца, земледелец — земледельца,
 резец — резца, морозец — морозца;
 -авец — красавец — красавца;
 -овец, -евец — спартаковец — спартаковца, метростроевец —
 метростроевца;
 -лец — владелец — владельца;
 -инец — республиканец — республиканца;
 -енец — младенец — младенца;
 -инец — кубинец — кубинца.

П р и м е ч а н и е. Нетрудно заметить, что беглые [о] или [е] наблюдаются, главным образом, в суффиксах -и(я) и -ец, а также в их производных, так как в древности эти суффиксы включали в свой состав редуцированный гласный (-ѣк, -ѣк, -ѣц), который в слабой позиции выпадал, а в сильной переходил в гласный полного образования.

Учитывая, что беглыми звуками могут быть только [о], [е], но не [и]¹, учащиеся легко поймут логику известного школьного правила, согласно которому для определения правильного написания гласного в суффиксах -ек и -ик надо просклонять эти существительные. Если при склонении гласный выпадает, т. е. оказывается беглым, то в суффиксе надо писать букву е; если же беглости гласного не наблюдается, то в суффиксе надо писать букву и, например: *звончек* — *звончка*, но *ключик* — *ключика*.

II. Суффиксы имен прилагательных:

-ский — авторский; вариантный суффикс -еск(ий) появляется после шипящих; ср. *человеческий*;
 -к(ий) — близкий, резкий; в кратких формах появляется беглый о; ср. *близок*, *резок*;
 -н(ый) — заметный — *заметен*, *понятный* — *понятен*;

¹ Кажущееся наличие беглого [и] в слове *третий* — *третьего* в действительности является лишь затейливой орфографией фактом беглости [е]. Дело в том, что окончание -ий в этом слове возникло на месте -ей, произошедшего в безударном слове как [ий] (так же как в прилагательных типа *синий*). Такое написание объясняется старославянской орфографической традицией (см. § 133). Что касается соотношения таких фактов, как варианты суффиксов -ие — -ье, -ние — -нье (*веселие* — *веселье*, *сомнение* — *сомненье*) или *Наталия* — *Наталья*, то здесь нет явления беглости гласных, а есть лишь соответственно книжных и разговорных образований, причем последние обязаны своим происхождением редукции (ослаблению) безударного [и] до нуля звука.

-сбн(ый) — враждебный — враждебен;
 -нвн(ый) — объективный — объективен, прогрессивный — прогрессивен;
 -овн(ый) — виновный — виновен;
 -озн(ый) — религиозный — религиозен;
 -арн(ый) — легендарный — легендарен;
 -тн(ый) — знатный — знатен;
 -ичн(ый) — демократичный — демократичен;
 -ональн(ый) — эмоциональный — эмоционален;
 -абельн(ый) — транспортабельный — транспортабелен;
 -тельн(ый) — убедительный — убедителен;
 -ительн(ый) — спасительный — спасителен.

П р и м е ч а н и е. Нетрудно заметить, что беглое [о] в прилагательных наблюдается, главным образом, при суффиксе -н- и его многочисленных производных. Это объясняется тем, что в древнерусском языке данный суффикс (-н-) включал в свой состав редуцированный [ь], который в слабой позиции выпадал, а в сильной изменялся в гласный полного образования. Само собой разумеется, что [ь] в сильной позиции в этом суффиксе мог появиться лишь в краткой форме прилагательных мужского рода — единственной сильной позиции [ь] в этой категории образований (ср. *страшный* — *страшен* < *страшьнъ*).

§ 18. В результате утраты слабых [ъ] и [ь] в древнерусском языке расширились возможности в сочетаемости согласных. Появились также сочетания, в которых рядом с глухим согласным оказался звонкий, и наоборот, например: из др.-русск. *просьба* возникло *про[с'б]а*, из др.-русск. *лавъка* — *ла[вк]а* и т. д. Как только возникли такие сочетания, в них начались процессы оглушения и озвончения. Происходило уподобление первого из стоящих рядом согласного второму по признаку глухости-звонкости. Поэтому в современном русском языке произносят *про[з'б]а*, *ла[фк]а*.

Уподобление согласных могло проходить и по другим признакам, например по месту и способу образования. Так, из др.-русск. *сѣштити* после утраты [ъ] возникло [сш]ити, откуда в результате уподобления — [шш]ить (сшить), *расшевелить* > *ра[шш]евелить* > *ра[ш]евелить*, *разжевать* > *ра[жж]евать* > *ра[ж]евать*¹.

Развитие процессов уподобления согласных в их сочетании друг с другом привело к серьезным расхождениям в произношении и написании слов. Например, в слове *травка* пишется буква *в*, при этом произносится не [в], а парный глухой звук [ф], так как он на-

¹ В учебнике для IV класса это явление называется оглушением и озвончением согласных. С нашей точки зрения, лучше говорить об уподоблении (полном или частичном), так как этот термин охватывает и такие случаи, как *расшевелить* и *разжевать*.

ходятся перед глухим [к] — *тра[фк]а*. А в слове *молотба* пишется *м*, но произносится звонкий звук [д'], так как он находится перед звонким [б] — *моло[д'б]а*.

§ 19. Утрата слабых [ъ] и [ь] вызвала, наконец, и еще одно явление, широко отражающееся в современном русском языке. Речь идет о появлении в некоторых словах непронизносимых согласных. Утрата слабых [ъ] и [ь] привела к возникновению таких сочетаний согласных, произношение которых оказалось затруднительным. Например, в древнерусском языке в словах *стѣныце*, *лѣстный*, *сърдыце*, *устный*, *жыстько*, *поздыко*, *вѣстникъ*, *чѣстность*, *праздникъ*, *костный*, *лѣстница* и т. п. не было сочетаний трех согласных, ибо в них выступал слабый редуцированный гласный [ъ] или [ь]: после же утраты этого [ъ] или [ь] образовались труднопроизносимые сочетания трех согласных [лщ], [стн], [рдц], [стк], [зди], которые и упростились, ср. современное произношение [со́щ]е, [м'эсн]ый, [с'эри]е, [в'есн]ый, [жоск]о, [п'обан]о, [в'эс'н']ик, [ч'эсн]ость, [п'раз'н']ик, [к'осн]ый, [л'эс'н']ица.

§ 20. При изучении темы «Непроизносимые согласные» (см. учебник русского языка для IV класса, с. 8) необходимо обратить внимание учащихся на то, что и а п и е б м е могут наблюдаться сочетания трех и даже четырех согласных букв: *поздний*, *местный*, *гигантский* и т. п. Однако в произношении таких слов один из согласных выпадает.

Как известно, и уподобление согласным, и непронизносимые согласные являются причиной орфографических ошибок в школе. Чтобы избежать таких ошибок, школьный учебник для IV класса предлагает учащимся известное им еще с начальных классов правило:

«Чтобы не ошибиться в правописании согласной в конце слова, нужно изменить слово или подобрать такое родственное слово, в котором после проверяемой согласной стоит гласная. *Дорожка* (*дороженька*)» (с. 8).

«Чтобы не ошибиться в правописании слова с непронизносимым согласным, нужно подобрать такое проверочное слово, в котором этот согласный произносится отчетливо. *Поздний* (*опоздать*), *устный* (*уста*)» (с. 9).

Пользуясь этим правилом, учащиеся сумеют объяснить написание таких слов с непроверяемыми согласными, как *сестник* (ср. *весть*), *честность* (ср. *честь*), *тросник* (ср. *трось*), *непастный* (ср. *непасть*), *костный* (ср. *кость*), *радостный* (ср. *радость*), *захолустный* (ср. *захолусть*), *здравствовать* (ср. *здравый*). Написание же таких слов, как *чувство*, *праздник*, *лестница*, надо просто запомнить.

Желательно, чтобы учитель обратил внимание учащихся на логику данных правил. Учащимся известно, что при образовании гласных звуков выдыхаемый воздух проходит через рот свободно. Поэтому гласные звуки состоят только из голоса. При образова-

нии же согласных звуков выдыхаемый воздух встречает во рту различные препятствия, что создает шум. Вот почему согласные в сочетании с гласными (и сопорными согласными [м], [н], [л], [р]) произносятся более четко.

Проясняя непронизносимые согласные, мы подбираем такие родственные слова, в которых исчезают трех- и четырехчленные сочетания согласных. Следует учесть, что непронизносимые согласные чаще всего появляются на стыке разных частей слова, обычно корня и суффикса:

вестник [], *честность* [], *тростник* [], *местный* [],
солнц [е] (ср. *солнышк* [о]), *гигантск* [ий] и т.п.

Следовательно, учитель может подвести учащихся к следующему выводу: вдумываясь в состав слова и правильно подбирая проверочные слова, можно преодолеть орфографические трудности, связанные с сочетанием согласных в слове.

[ê] (ѣ)

§ 21. В современном русском языке на месте гласного звука [e] в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением произносятся то [e], то [o] (орфографически — ё). Например, с одной стороны, *лес*, *белый*, *снег*, *бедный*, а с другой — *нѣс* [н'ос], *вѣл* [в'ол], *береза* — *бе[р'ó]за*, *сѣла* — [с'ó]ла; в безударном положении гласный в этих словах произносится совершенно одинаково: *в лесу*, *белок*, *снежок*, *бедняга* и *несу*, *веду*, *березняк*, *село*. Чем же объясняется различие гласных под ударением?

Объясняется это тем, что современный звук [e] имеет различное происхождение: в одних словах этот звук является исконным — он произносился в них и в древнерусскую эпоху, — таков [e], например, в *нести*, *сести*, *село*, *березняк*; в других он развился на месте редуцированного [ь] в сильной позиции, — таков [e], например, в *день* (др.-русс. *дьнь*), *конец* (др.-русс. *коньць*) и др.; в третьих, наконец, современный звук [e] развился из особого древнерусского гласного [ê] — напряженного долгого [e], обозначавшегося на письме буквой ѣ («ять»), например *лес* (др.-русс. *льсь*), *снег* (др.-русс. *снѣзь*).

Когда в определенный период развития русского языка (приблизительно в XIII—XIV вв.) вместо гласного звука [e] в положении после мягкого перед твердым согласным стал произноситься [o] (ѣ), такое изменение коснулось и исконного [e], и того [e], в которое изменился сильный редуцированный [ь] (например, *нѣсь* > [н'ос] *нѣс*, *вѣль* > [в'ол] *вѣл*, *береза* > *бе[р'ó]за* *берѣм* и *нѣсь* > [п'ос] *нѣс*, *льнь* > *лен* > [л'он] *лѣн*¹).

¹ Звук [o] на месте [e] произносится под ударением и в конце слова (например, *сѣл* [с'ѣо], *бѣль* *бе[л'jó]*, *моѣ* [м'jó] и т. п.). Такое произношение объясняется влиянием твердого варианта склонения местоимений и существительных.

§ 22. Почему же такое изменение не пережили слова типа *лес, белый, снег, колено* и т. д.? Потому, что в тот период, когда на месте [e] стали произносить перед твердым согласным [o], в этих словах был другой гласный, отличный от [e]. Этим гласным и был звук [ѣ]: *лѣсъ, бѣлый, снѣгъ, колено*. Когда же позже (в литературном языке не раньше XVIII в.) [ѣ] совпал по качеству с [e], процесс изменения [e] в [o] уже закончился, и поэтому в словах с бывшим *ѣ* сохранилась произношение [e].

Следует иметь в виду, что *ѣ* выступал прежде всего в определенных корнях слов, наиболее частотными из которых в современном языке являются следующие:

- апрѣль*;
- бѣг*- в *бег, бежать* и т. д.;
- бѣд*- в *беда, победа, убедить* и т. д.;
- бѣл*- в *белый, белка, бельмо* и т. д.;
- бѣс*- в *бес, беситься* и т. д.;
- бѣлд*- в *бледный* и т. д.;
- бѣстѣд*- в *беседа* и т. д.;
- вѣд*- в *весть, известия, поведать* и т. д.;
- вѣж*- в *невежа, невежда* и т. д.;
- вѣк*- в *веко*;
- вѣк*- в *вѣк, вечный, увечить* и т. д.;
- вѣн*- в *вена*;
- вѣн*- в *венки, венец, веник* и т. д.;
- вѣр*- в *вера, верить* и т. д.;
- вѣс*- в *вес, повесить* и т. д.;
- вѣтвь*;
- вѣтѣ*- в *завет, совет, отъет, присет, сецать, извѣщение* и т. д.;
- вѣтер*;
- вѣять*;
- встрѣтѣ*- в *встреча, встретить* и т. д.;
- гнѣв*- в *гнев, гневаться* и т. д.;
- гнѣд*- в *гнедой*;
- гнѣзд*- в *гнездо*¹;
- грѣх*- в *грех, грешник* и т. д.;
- дѣ*- в *дело, деятель, действие, неделя, злодей* и т. д.;
- дѣ*- в *дѣть, раз(о)дѣть, раз(о,на)дѣвать, издѣваться*;
- дѣв*- в *девушка, девичий* и т. д.;
- дѣд*- в *дед, дедушка* и т. д.;
- дѣл*- в *делить, деление, раздел* и т. д.;
- дѣтѣ*- в *дети, детский* и т. д.;
- ѣд*- в *еда, есть* — «кушать», *ем* и т. д.;
- ѣзд*- (*ѣх*-, *ѣд*-) в *езда, ехать, еду* и т. д.;

ных (так, *всѣ, моѣ* — под влиянием *то, оно*; *бѣлыѣ, вѣсрьѣ* — под влиянием *гнѣдо, окно*). Фонетически же закономерпо [o] на месте [e] только перед твердым согласным.

¹

В словоформах *гнѣзда, звѣзды* ѣ появился по аналогии с *вѣсн, вѣсны*.

В пе
в и (ср. ук
название го
ности в это
ные Минск
В отдел
литературн
жизнь, с

жельз- в железо, железный и т. д.;
 затьятъ;
 звьзд- в звезда;
 звьр- в зверь;
 змьй- в змей, змея и т. д.;
 зрь- в зрелый, созреть и т. д.;
 зьв- в зевота, зевать и т. д.;
 калык- в калека, калечить и т. д.;
 кльт- в клетка, клетчатый и т. д.;
 колыи- в колено;
 крьи- в крепость, крепкий и т. д.;
 льв- в левый;
 льз- в лезть, лестница и т. д.;
 льк- в лекарство, лечить и т. д.;
 льи- в лень, ленивый и т. д.;
 льи- в лепить, великолепный и т. д.;
 льс- в лес, полесье, леший и т. д.;
 льт- в лето, лета, многолетний и т. д.;
 мьд- в медь, медянка и т. д.;
 мьл- в мел, меловой и т. д.;
 мьи-¹ в менять, измена, перемена и т. д.;
 мьр- в измерять, мера, лицевмер и т. д.;
 мьс- в месь, месиво и т. д.;
 мьст- в место, вместо, поместье, предместье и т. д.;
 мьсяц- в месяц, месячный и т. д.;
 мьх- в помеха, мешать и т. д.;
 мьх- в мех, мешок и т. д.;
 нь- в некто, нечто, некоторый и т. д.;
 невьст- в невеста, невестка и т. д.;
 ньг- в нежный, нега;
 ньдр- в недра;
 ньи- в немой, немец и т. д.;
 орьх- в орех, орешник и т. д.;
 пь- в петь, петух, певица, пение, песня и т. д.;
 пьи- в пена, пениться;
 пьх- в пехота, пеший, пешком и т. д.;
 пльи- в плен, пленять и т. д.;
 пльс- в плесень;
 пльи- в плешивый;
 польи- в полено;
 посьт- в посетить, посещение и т. д.;

¹ В некоторых говорах (и особенно в украинском языке) *ль* перешел в *и* (ср. укр. *дльдъ*—*дід*, *льсь*—*ліс*, *дльо*—*діло* и т. п.). Предполагают, что название города Минск произошло от слова *мьна* — Менск, так как в древности в этом месте обменивались товарами (деньги появились позже). Впервые Минск упоминается в историческом документе 1067 г.

В отдельных словах звук *и* на месте древнего *ль* наблюдается и в русском литературном языке: *дитя*, *мизинец*, *сидеть* и др. (ср. др.-русск.: *дѣтя*, *мѣзинець*, *сѣдѣти*).

рѣ- в реать, река, поречье и т. д.;
 рѣд- в редкий, редька и т. д.;
 рѣз- в резать, порез, резкий и т. д.;
 рѣзв- в резвый, резвиться и т. д.;
 рѣк- в речь, изречение, наречие, нареченный и т. д.;
 рѣн- в репа;
 рѣсн- в ресница;
 рѣт- в обрести, приобретение, изобретение и т. д.;
 рѣх- в прореха, решето, решетка;
 рѣх- в решить, разрешение и т. д.;
 свирѣн- в свирель;
 свѣж- в свежий, освежить и т. д.;
 свѣт- в свет, светлый;
 сѣ- в сев, сеять, сено;
 сѣвер- в север;
 сѣд- в сесть, седло, оседлый, сосед и т. д.;
 сѣд- в седина, сидеть и т. д.;
 сѣк- в сечь, секу и т. д.;
 сѣн- в сено;
 сѣр- в серый, серость;
 сѣр- в сера;
 сѣт- в сеть, сетка и т. д.;
 слѣд- в след, следовать, следователь и т. д.;
 слѣп- в слепой;
 смѣх- в смех, смешной, смеяться и т. д.;
 смѣг- в снег, подснежник и т. д.;
 смѣл- в спелый, поспевать, успех и т. д.;
 смѣх- в спешка, спешить и т. д.;
 стѣн- в стена, простенок, застенчивый и т. д.;
 стрѣл- в стрела, стрелять, пострел и т. д.;
 тѣл- в тело, телесный и т. д.;
 тѣльга;
 тѣн- в тень;
 тѣсн- в тесный, потеснить и т. д.;
 тѣст- в тесто;
 тѣх- в потеха, утеха, утешить и т. д.;
 хлѣб- в хлеб;
 хлѣв- в хлев;
 хрѣн- в хрен;
 цвѣт- в цвет, цветок и т. д.;
 цѣл- в целый, целовать, исцелять, целковый и т. д.;
 цѣл- в цель;
 цѣн- в цена;
 цѣн- в цепь, цепкий и т. д.;
 человек.

¹ В словоформе приобрѣл ѣ по аналогии с сѣл.

² В словоформе цѣлѣ ѣ появился по аналогии с сѣл.

Кроме
 возмѣ, здѣ
 при обра
 здѣнный.
 § 23.
 перед тве
 и други
 собствен
 слова, кот
 произнос
 плен, сквер
 совершенн
 ских слова
 менном яз
 крест и кр
 Печора (р
 яое); надеж
 совершенн
 вселенная и

Под вл
 [е] в [о] не
 и особенно
 ршо уви
 ковского, А
 Расселне
 Он всё -

Когда в
 На лад

С потоко
 В послед
 На мир з

На холма
 Прервали

Приготовь
 Для насзд
 Сок кину
 Виноградн

§ 24. Во-вто
 дается в знач

Кроме того, *ь* выступал также на конце паречий: *вездь, вить, соаль, здь, здьсь, кроль, ниль, подль, послъ, разь* — сохранялся при образовании от этих паречий прилагательных: *сильный, зльный, крольшый, нильшый*.

§ 23. Однако отсутствие изменения [e] в [o] под ударением перед твердым согласным в современном языке может объясняться и другими причинами. Во-первых, такое изменение не было свойственно церковнославянскому произношению, и поэтому слова, которые проникли в русский язык из церковнославянского, произносятся с [e], а не с [o], например: *крест, небо, жертва, плен, скверный, перст, пещера, набожста, одежда, прежде, надеж, совершенный, истекший* и др. Любопытно, что в некоторых русских словах, точнее — в некоторых из корней этих слов в современном языке наблюдается и [o] на месте [e]: ср. *перст* и *напёрсток*, *крест* и *крестины*, *рестурелок*, *небо* и *нѣбо* (во рту), *пещера* и *Печора* (река), *надежда* и *набѣжелый*, *одежда* и *одежа* (просторечье); *надежда* (именительный) — *наѣж* (скота), *совершенный* (вид) — *созерцѣнный* (поступки), *перелетный* (год) — *истѣкший* (кровью), *оселенная* и *оселѣнная* (в квартиру) и др.

Под влиянием церковнославянского произношения изменения [e] в [o] не происходило и в широком кругу книжных слов, в особенности в поэтической речи XVIII—XIX вв. Это можно хорошо увидеть в поэмах П. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина:

Расселнсь, начали *квартет*,
Он всё -таки на лад *нейдет*.

(Крылов. «Квартет».)

Когда в товарищах согласья *нет*,
На лад их дело не *пойдет*...

(Крылов. «Лебедь, Щука и Рак».)

С потоком благодарных *слез*
В последний раз с *полунебес*
На мир земной она возрела.

(Жуковский. «Шери и ангел».)

На холмах пушки, *присмирив*,
Прервали свой голодный *рев*.

(Пушкин. «Полтава».)

Приготовь же, Дон *заветный*
Для наездников *лихих*
Сок кипучий, *искрометный*
Виноградишков твоих.

(Пушкин. «Дон».)

§ 24. Во-вторых, произношение [e] без изменения в [o] наблюдается в значительном числе русских слов, в которых звук [e]

обладал перед твердым согласным в тот период, когда процесс фонетического изменения [e] в [o] уже не действовал. В более ранний период, когда этот процесс был живым, [e] в данной группе слов находился не перед твердым, а перед мягким согласным и потому не изменялся в [o].

К таким словам прежде всего относятся те, которые в древнерусском языке имели в корне сочетание редуцированного [ь] с последующим [r] между согласными: *вьр'ый, вьр'ъ, зьр'ало, вьр'ба, съм'р'ть, четвьр'гъ, сьр'нъ, кьс'р'нать, дьр'аситъ* и др. В этих словах [ь] всегда находился в сильной позиции и изменялся в [е], но последующего изменения [е] в [о] здесь не было, так как еще до перехода в [е] гласный [ь] (как звук переднего ряда) смягчал последующий [r] (т. е. слово *вьр'ъ*, например, произносилось как [в'ьр'хъ]), и эта мягкость мешала изменению [е] в [о].

В дальнейшем мягкий [r'] отвердевал, но перед одними согласными раньше, а перед другими позже. Перед твердыми переднеязычными согласными [t], [tʃ], [k], [kʃ], [l] отверждение [r'] проходило рано, еще в период донесения процесса изменения [e] в [o], и поэтому в словах *мороз, морозы, зерна, черный, мёрзнуть, жёрна, чёрт* и т. п. сохранился старый [o]. Наоборот, когда после [r'] шел твердый заднеязычный или губной согласный, отверждение наступало очень поздно, и в наши дни у старых москвичей можно слышать *чёрт, чёртёнок*, т. е. произношение типа [чёр'кѣф'], [в'ер'х] и т. п.). В XV—XVIII в. произношение таких слов с [r'] было р. н. и было очень широко. На памятнике Петру I в Ленинграде написано: *Петру Первому Екатерина Вторая* (с обозначением мягкости [r] в слове *первый*). Следовательно, современное произношение *первый, серг, зернало, серп* и т. д. с сохранением [e] — это свидетельство позднего отверждения [r'].

К словам с поздно отвердевшими согласными относятся и такие, которые имели в своем составе суффиксы, начинавшиеся с *ь*: *-ьск-*, *-ьн-*: [*ь*] подействовал на предшествующий согласный, смягчая его. Например, в древнерусском слове *жельский*, фонетически [*жѣн'ьск-*], после утраты [*ь*] в слабой позиции мягкость [*и'*] долго сохранялась, и это мешало изменению [*е*] в [*о*]; поэтому и в современном языке произносят *жельский*, хотя *жель*. Ср. еще др.-русс. *деревьня*, фонетически [*д'ѣр'ѣв'ьн'а*] — совр. *деревня*, *деревенский*, без изменения [*е*] в [*о*].

§ 25. Произношение [e] без изменения в [o] под ударением перед твердым согласным наблюдается также в поздних заимствованиях из других языков: *концерт, антенна, рентг, пробки, газета, тема, секция* и др.

[o] носовое (н)
[ɐ] носовое (я)

Х в., т. е. до появления первых памятников письменности русского языка: [о] носовое появилось уже в дописьменную

21

этого в [y], а [э] этому уже в слове
изменяются с букви-
чные звуки; с
того согласного.
одно произноше-
отношение [э]
§ 27. Если с
делаются об
и прое что яв
и черерусском
каже-либо фак
языка, которые
гласных в языке
но для того, что
углубиться в не
схových гласны
§ 28. В дале
ых славянских
гласного с после
были особую суд
и не шел гласны
за ним следовал
соединенный. При эт
перединого ряда
были гласные по
Так, например, п
с горнем звон- по
случае сочетание
образовании суще
свалясь согласны
в [o] носовое: зай
ворень мог выступ
чередованием o//e)
свер *звенеть*, по
Нетрудно пони
в тех случаях, ко
составляло закры
таба в древних
гласного на месте
вания открытого с
гол 1-го л. ед. ч. и
среднеютой ико
ажм/ти, что про
почему из сочетан
даст возможность
и мн-ну, по *мн
ой-ти > дуть и

эпоху в [y], а [e] носовое — в [a] после мягкого согласного. Поэтому уже в самых ранних памятниках XI в. буквы Ѣ и я сменяются с буквами у и а, как буквы, обозначающие одни и те же гласные звуки; Ѣ и у обозначали [y], а я и а — [a] после мягкого согласного. Иначе говоря, написания *ѣбѣ* и *зубѣ* отражали одно произношение [зубь], а написание *часть* и *часть* — одно произношение [ч'асть].

§ 27. Если самые ранние восточнославянские памятники свидетельствуют об отсутствии особых носовых гласных, возникает вопрос: что является доказательством наличия этих гласных в древнерусском языке хотя бы в очень отдаленные эпохи? Есть ли какие-либо факты в звуковой системе современного русского языка, которые можно объяснить только существованием носовых гласных в языке древних восточных славян? Такие факты есть, но для того, чтобы разобраться в них, нам необходимо немного углубиться в некоторые вопросы, связанные с происхождением носовых гласных у древних славян.

§ 28. В далеком прошлом, еще в языке-предке всех современных славянских языков — в языке праславянском — сочетания гласного с последующим носовым согласным [и] или [м] переживали особую судьбу: если в составе словоформы за таким сочетанием шел гласный, то оно сохранялось без изменения, но если за ним следовал согласный, то это сочетание заменялось в носовой гласный. При этом если перед [и] или [м] находились гласные переднего ряда, то возникал носовой гласный [o], а если здесь были гласные заднего ряда, возникал носовой гласный [e]. Так, например, при образовании неопределенной формы глагола с корнем *звон-* после [и] оказывался гласный: *звон-и-ти*; в этом случае сочетание [он] не изменилось: ср. совр. *звонить*. Если при образовании существительного с этим же корнем после [и] оказывался согласный (**звон-и-ъ*), то в этом случае [он] изменялось в [o] носовое: *звѣкъ*, из которого далее др.-русс. *звукъ*. Тот же корень мог выступать в виде *звен-* (с обычным для русского языка чередованием *o/e*). И его судьба была такой же, ср.: *звен-ѣ-ти* — совр. *звенеть*, но *звен-к-ъ* > *звѣкъ* (т. е. *звѣкъ*), совр. *звякнуть*.

Нетрудно понять, что носовые гласные образовывались лишь в тех случаях, когда сочетание «гласный + носовой согласный» составляло закрытый слог, что противоречило закону открытого слога в древних славянских языках. Появление же носового гласного на месте такого сочетания являлось средством образования открытого слога. Так, например, в словоформе *жьму* (глагол 1-го л. ед. ч. наст. времени) два открытых слога: *жь-му*. В неопределенной же форме должен был появиться закрытый слог: **жьм/ти*, что противоречило бы закону открытых слогов. Вот почему из сочетания [ьм] образуется носовой гласный, который дает возможность открыть слог: *жѣ/ти* > *жѣть*; ср. то же самое в *мь-ну*, но **мьн-ти* > *мѣти* > *мѣть*, *дѣ-му*, но **дѣм-ти* > *дѣти* > *дуть* и т. д.

§ 29. Если присмотреться к приведенным примерам, то можно установить, что в праславянском языке возникли чередования «сосетание» типа [ou] .. [o] носовое и «сосетание» типа [eu] .. [e] носовое. Когда в древнерусском языке носовые гласные исчезли, сочетания типа [ou], [iu], [eu], [yu] ([ьм]) стали чередоваться с «чистыми» [y] и [a], например: *звонити* // *звукъ*, *начинати* // *начати*, *звонити* // *звонити*, *разминати* // *размити*, *жму* // *жати*.

§ 30. Точно так же было в истории небольшой группы существительных (в нее входит 10 слов) среднего рода, которые в современном языке в им.-вин. пад. оканчиваются на -мя (из древнего -мъ), а в остальных приобретают суффикс *ен*: *племь* — *племенн*, *знамя* — *знаменн*, *семь* — *семьенн* и т. д. Исконно, в праславянском языке и в ранней истории русского языка, им.-вин. пад. этих слов оканчивался на [e] носовое, возникшее из сочетания [eu] перед конечными согласными.

§ 31. Надо иметь в виду еще и то обстоятельство, что чередования [ьп] и [ьм] с [a] сохранялись до тех пор, пока древнерусский язык имел редуцированный [a]. Когда он был утрачен, эти чередования преобразовались, и в русском языке появились чередования согласных [п] и [м] с [a]; например, современное *жму* *жати*, *жму* *жати*, *жму* *жати* и т. д. относятся к нетипичным, но вполне объяснимым законам русского языка.

§ 32. Носовые гласные образовались не только в корнях и суффиксах, но и в префиксах-предлогах, *съ*, *въ*, *къ*, если они присоединялись к корням, начинающимся на согласный. Так в языке появилась приставка *су* (от *су* > *сѣ*), например *су* + *мракъ* > *сумракъ*. Хотя теперь эта приставка по существу уже не выделяется и тем более не служит средством образования новых слов, все же в русском языке (в особенности в говорах) сохранилась целая группа образований с этой древней приставкой: *сусрабъ*, *суставъ*, *сумерки*, *супругъ*, *супружеск*, *судорогъ*, *сутки*, *сунесокъ*, *суполок*, *супровица*, *супомъ*, *супротивъ*, *супрой*, *сумет* и др.

Однако приставки-предлоги могли присоединяться и к корням, начинающимся гласным звуком. В таких случаях, как и следовало ожидать, носовой гласный звук не образовывался, но происходило перераспределение состава слова, а именно часть приставки, а иногда вся приставка воспринималась как часть корня; например: *съ* + *имъ* > *съ* *имъ* > *с* *имъ*; *въ* + *емъ* > *въ* *емъ* > *в* *емъ*; *къ* + *ему* > *къ* *ему* > *к* *ему*; *въ* + *имати* > *въ* *имати* > *внимати*; *съ* + *имати* > *съ* *имати* > *снимати*; *въ* + *утрь* (ср. *утроба*) > *въ* *утрь* > *внутрь* (ср. *внутри*); *съ* + *ѣдъ* (ср. *еда*) > *съ* *ѣдъ* > *снѣдъ*; *въ* + *уши* > *въ* *уши* > *внуши* (ср. *уши*) и т. д. Из примеров видно, что звук [и] в этих словах по происхождению не является корневым, а входит в состав древних предлогов-приставок. В результате происшедших изменений звук [и] стал восприниматься как корневой и по аналогии начал появляться между корнем и другими приставками, которые в своем составе исконно не имели

этого звука.
§ 33. В
следующие
с историей

я (из)
жеть
жеть
жеть
(ср.)принят
жеть (из)
жеть
жеть, жеть
жеть
жеть
обнять (ср.
тие, необъя

жеть
перенести
поднять
почать, почать
(пр.)принят
(пр.)принят
принять
разнять
(за-, пере-, оп-
-нять
унять

этого звука. Ср. *восприятие* — *воспринять*, *воспринимать*; *поды-
мать* (разг.) — *поднять* — *поднимать* и т. д. (см. § 121).

§ 33. В словах современного русского языка наблюдаются
следующие типы чередований, связанных в своем происхождении
с историей носовых гласных:

I	я (ня)	ны (ним)	ем (ём)	м
	жать	сжимать	дпал. жом	жму
	езать	озимать		
	внять	оинмать, оинмание		
	(вос)принять	(вос)прикимать		
	вынуть (из вынять)	вынимать	выем, выемка	
	донять	докимать		
	занять, занятие	занимать	заём	
	изъять	изымать		
	нанять	нанимать	наём	
	обнять (ср. объа- тие, необъятный)	обнимать	объём (ср. также бесприставочн. ёмкий)	
	отнять	отнимать	отъём	
	перенять	перенимать		
	поднять	поднимать	подъём	
	понять, понятие	понимать		
	(пред)принять	(пред)прикимать	приём, приёмник	
	(при)поднять	(при)поднимать	подъём	
	пронять	пронимать	проём	
	разнять	разнимать	разъём	
	(за-, пере-, от-, с-) -нять	(за-, пере-, от-, с-) -нимать	съём, съёмка	
	унять	унимать (ср. разгов. уйма)	неуёмный	

II	л (а)	ли	п
	(за-, на-, под-, при-, раз-, с-, у-)мать	(за-, на-, под-, при-, раз-, с-, у-)минать, заминка, раз- минка	
	начать, начало	начинать	
	пожсать	пожинать	
	распять	распинаать	
	(у)помянуть	(у)поминаать	пожну распнут

Заметим, что сочетания [им] и [ин] всегда находится перед суффик-
сом -а-.

я	ен ¹
бремя	бремени
время	времени
омя	омени
знамя	знамени
имя	имени
пламя	пламени
племя	племени
семя	семени
стремя	стремени
темя	темени

Значит также чередование [y] с [м] (на чужой — надменный).

§ 34. В современном русском языке сохраняются также чередования, восходящие к древнейшему чередованию носовых гласных — [e] носового с [o] носовым; это прежде всего чередование [a] с [y] в корнях слов. В связи с тем что такое чередование является для современного русского языка необычным, слова с данным чередованием в настоящее время воспринимаются как слова с разными корнями. К тому же количество слов с чередованием [a] // [y] в современном языке весьма ограничено:

а (я)	у
вязать	узы
вякать	звук, звучать
мятеж, смятение	мутить, смута
погрязнуть, грязь	грузнуть, груз
напрягать, напряжение, спрягать, пряжка	пружина, супруг, упругий
тряска, трястись	трус, трусить
тягать, тяга	тугой

Чередование [a] // [y] встречается не только в корневых морфемах, но и в суффиксах и окончаниях. Например, в суффиксах прилагательных: *лежащий* (горячий) — *живущий* (горячий);

¹ Об исторических изменениях и о современном склонении этой группы слов см. § 107.

в суффиксах
нающих);
(думают).

§ 35. В
языка боль
твердости-м
Если сра
согласных
ка, как о
(X — начал
оглащия.

Табл

Твердые
Мягкие

Из таблиц
языке могут
только тверд

П р
гласным
ном ру
гласным
положе
[ii] про
слога)

П р
обознач
который
эч, эч

Таблиц

Твердые
Мягкие

в суффиксах причастий: *лежащий* (горящий) — *живущий* (начинающий); в глагольных окончаниях: *держит* (просит) — *пишут* (думают).

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

§ 35. В системе согласных современного русского языка большинство звуков объединяются в пары по признаку твердости-мягкости и глухости-звонкости.

Если сравнить по описанным признакам современную систему согласных с системой согласных древнерусского языка, как она существовала к эпохе появления письменности (X — начало XI в.), то можно установить их значительные отличия.

Таблица твердых-мягких парных и непарных согласных современного русского языка

Твердые	б в г д з к л м н п р с т ф х; ж ш ц
Мягкие	б' в' г' д' з' к' л' м' н' п' р' с' т' ф' х'; ч' щ' й'

Из таблицы видно, что 15 согласных в современном русском языке могут быть и твердыми и мягкими, 3 согласных (*ж, ш, ц*) только твердыми и 3 (*ч, щ, й*) — только мягкими.

Примечание 1. Буквой *й* может обозначаться согласный [j] («йот», см. подробно ниже), который в современном русском языке выступает только в положении перед гласным под ударением: *яма* [йám]а, *я* [йá], *моя* мо[йá]; в положении же перед и после безударного гласного на месте [й] произносится краткий (неслоговой, т. е. не образующий слога) гласный [й], ср. *мою* мо[йу], *тройка* [трóй]ка.

Примечание 2. Буквой *щ* в современном языке обозначается долгий согласный звук [ш'] (или [ш'ч']), который произносится также на месте буквосочетаний *сч, зч, жч* (*переносчик, извозчик, мужчина*).

Таблица твердых-мягких парных и непарных согласных древнерусского языка

Твердые	с з л п р; п б в м т д к г х
Мягкие	с' з' л' п' р'; ч' ц' ш' ж' щ' й'

На таблицам видно, что в древнерусском языке было всего 5 парных по признаку твердости-мягкости согласных, 9 непарных согласных были твердыми, а 6 — мягкими.

Таблица глухих-звонких парных и непарных согласных современного русского языка

Глухие	п п' ф ф' к к' т т' с с' ш; х х' ц ч' щ'
Звонкие	б б' в в' г г' д д' з з' ж; л л' м м' н н' р р' й'

Звуки [л, л'], [м, м'], [н, н'], [р, р'], [й], которые не имеют пары по глухости, называются сонорными и характеризуются большой звучностью.

Таблица глухих-звонких парных и непарных согласных древнерусского языка

Глухие	п т с с' ш' к; х ч' ц' щ'
Звонкие	б д з з' ж' г; л л' и п' р р' в м й

Из таблицы видно, что в древнерусском языке было 6 парных по признаку глухости-звонкости согласных, 4 непарных согласных были глухими и 9 — звонкими.

Итак, в современном языке существует 36 согласных, из которых 30 входят в пары по признаку твердости-мягкости, а 22 — в пары по признаку глухости-звонкости.

В древнерусском же языке было всего 25 согласных, из которых только 10 были парными по твердости-мягкости и 12 — парными по глухости-звонкости.

Рассмотрим некоторые отдельные согласные звуки древнерусского и современного русского языков.

§ 36. Шипящие [ж], [ш], [ч'] и [ц] появились еще в праславянском языке в результате смягчения определенных согласных звуков. По этому шипящие и [ц] в древнерусском языке были только мягкими. Это подтверждается орфографией древних памятников: *лужь, ложю, душа, лечю, отъць* и т. п.

Наша современная орфография также отражает мягкость шипящих и [ц]: *жизнь, ложь, широкий, несешь, цифра* и т. д. Так как такие написания уже противоречат современному произношению, этот принцип орфографии называется традиционным или историческим.

В истории русского языка [ж], [ш] и [ц] отвердели, а [ч'] сохранила мягкость.

...определенности
...происхождения
...закономерности
...шипящих и [ч']
§ 37.
а) в
...[ш]
...переднего ряда

в словах типа *суша*, *душа* — *сушу* — *суша*, *душа* — *ношу* — *ноша*.
Таким образом. [ш]
§ 38.
Звук [ж] а) в
...переднего ряда
...служить — служебный

Примечание
изменялся в [з']
в словах *друг* —
языке;

б) в словах типа *друг* — *слуга* — *служу*);
в) в словах типа *воза* — *возу*, *возить* — *вожу*);
г) в словах типа *воза* — *возу*, *водит* — *вожу*.
Примечание. С
...и *водит*.
Таким образом, [ж]
Звук [ч'] § 39.
а) в с

б) в словах типа *лечу* — *лечу*);
в) в словах типа *лечу* — *лечу*, *лечу*, *лечу*.
Примечание
мой от *лететь* и

б) в словах типа *берег* — *берег*);
в) в словах типа *берег* — *берег*.
Таким образом

Если шипящие и [ц] возникли в результате изменений (смягчения) определенных согласных, то, следовательно, можно установить происхождение каждого из этих согласных. Это поможет выявить закономерности существующих в современном языке чередований шипящих и [ц] с другими согласными.

§ 37. Звук [ш] возникал:

Звук [ш] а) в словах типа *глушить* из сочетаний [х] + гласный переднего ряда (ср. *глухой* — *глушить*, *пастух* — *капустинский*);

б) в словах типа *сушу* — *суша* из сочетаний [х] + [j] (ср. *сухой* — *сушу* — *суша*, *дух* — *душу* — *душа*);

в) в словах типа *ношу* — *ноша* из сочетаний [с] + [j] (ср. *носить* — *ношу* — *ноша*).

Таким образом, [ш] восходит к [х] или [с].

§ 38. Звук [ж] возникал:

Звук [ж] а) в словах типа *дружить* из сочетаний [г] + гласный переднего ряда (ср. *друг* — *дружить* — *дружеский*, *слуга* — *служить* — *служебный*).

Примечание. В редких случаях согласный [г] изменялся в [з], о чем свидетельствует чередование г/з в словах *друг* — *друзья*, *княгиня* — *князь* в современном языке;

б) в словах типа *дружу* из сочетаний [г] + [j] (ср. *друг* — *дружу*, *слуга* — *служу*);

в) в словах типа *вяжу* из сочетаний [з] + [j] (ср. *вязать* — *вяжу*, *возить* — *вожу*);

г) в словах типа *вожу* из сочетания [д] + [j] (ср. *твердить* — *твержу*, *водить* — *вожу*).

Примечание. Словоформа *вожу* является омоформой от *возить* и *водить*.

Таким образом, [ж] восходит к [г], [з] и [д].

§ 39. Звук [ч'] возникал:

Звук [ч'] а) в словах типа *плачешь* из сочетания [к] + гласный переднего ряда (ср. *плакать* — *плачешь*);

б) в словах типа *лечу* (*лечить*) из сочетания [к] + [j] (ср. *лечкарь* — *лечу*);

в) в словах типа *лечу* (*лететь*) из сочетания [т] + [j] (ср. *лететь* — *лечу*, *платить* — *плачу*).

Примечание. Словоформа *лечу* является омоформой от *лететь* и от *лечить*;

г) в словах типа *беречь*, *течь* из сочетания [г] или [к] + [тн] (ср. *берегу* — **берегти* > *беречи* > *беречь*; *пеку* — **пекти* > *печи* > *печь*).

Таким образом, [ч'] восходит к [к], [т] и сочетаниям [гт] и [кт].

§ 40. Звук [ц] является результатом изменения [к]. В современном русском языке сохраняется несколько слов с чередованием *к* и *ц*, подтверждающим такое происхождение [ц]: *кратко* — *вкратце*, *лик* — *лицо*, *восклик-*

§ 41. Как было показано выше, в составе согласных древнерусского языка отсутствовали звуки [ф] — [ф']. Эти согласные исконно были

Звуки [ф] — [ф']
[w] — [w']

неизвестны вообще всем древним славянам. Однако они могли проникать в книжный язык через письменность в составе заимствованных из греческого языка слов (слова *философъ*, *фарисей*, *фонярь*, *порфира*, *Филиппъ* и т. п.). Такие слова отмечаются в памятниках древнерусского языка, однако в народно-разговорной речи согласных [ф] — [ф'] не было. Об этом свидетельствует тот факт, что греческие слова с [ф], если они и попадали в такую речь, закреплялись в ней в измененном виде: вместо [ф] в этих словах восточные славяне произносили [w]. Например, вместо греч. *faros*, *Iosif*, *Stefanos* в древнерусском языке появились *парусъ*, *Осипъ*, *Степанъ*. С другой стороны до сих пор в ряде говоров, которые так и не усвоили [ф], вместо *фабрика*, *фасон* и т. п. произносят *кохта*, *хвабрика*, *хвасон*¹.

Звуки [ф] — [ф'] как собственно древнерусские возникли не ранее XIII—XIV вв. в результате оглушения [w] — [w']. Как известно, между [w] и [ф] нет никакой разницы в образовании (оба они зубные и фрикативные) и отличает их только то, что [w] — звонкий, а [ф] — глухой. До определенного времени в древнерусском языке не могло осуществляться оглушение [w]; оно могло возникнуть только после утраты редуцированных гласных (в абсолютном конце слова или в положении перед глухим согласным), ибо до этого в древнерусском языке в связи с действием закона открытого слога слова никогда не оканчивались на согласный и не могло быть сочетаний звонкого согласного с глухим (см. подробнее § 18).

В результате утраты редуцированных в конце слова и перед глухим согласным вместо звука [w] стал произноситься [ф]. Так, например, род. пад. мн. ч. от слова *голова* в древнерусском языке оканчивался на [ъ] — *головъ*; когда этот гласный утратился, [w] оказался в абсолютном конце слова и оглушился. А в слове *лапка* согласный [w] после утраты [ъ] оказался перед глухим [к]. Так возникло произношение *ла[ф]ка*. Еще примеры: слово *кровь* мы произносим как *[кроф']*, *ставка* — как *ста[ф]ка* и т. д.

¹ В некоторых говорах известны случаи обратной замены, а именно люди, не владеющие литературным языком, но знающие, что произносить [x] и [xw] — [kw] вместо [ф] «некультурно», произносят [ф] даже в тех случаях, когда надо произносить [x] или [xw] и даже [kw]. Например, вместо *хулиган*, *хвост*, *квартира* они произносят «фулиган», «фост», «фа-тера».

Т. е.
ими [ф]
бенно в
могли о
усвоение
вело в к
кие же
согласны
Любо
собой за
слово пу
произнос
русским
§ 42.

ществуют
звонкие [ф]
[графка],

Следует
своеобраз

звонкими
[w] — [w']

свет, а
[w] — [w']

чается (ср

Подчер

тель може

тельно по

заимствова

входят в те

объяснить

ний русск

наблюдени

А. С. Пуш

поэтов не

[j] (пот

в современ

согласным,

признаку т

В связи

чения спец

собами:

а) В нач

обозначает

(др.-русс

е, ъ), вмес

Иными сло

звук, а це

2

Так на восточнославянской почве появились новые согласные [ɸ] — [ɸ']. Постепенно эти звуки укреплялись в языке, особенно в связи с усвоением их в заимствованных словах, где они могли оказаться в любом фонетическом положении. Широко усвоение таких слов, как *фон*, *форум*, *фарс*, *фокус* и т. п., привело в конце концов к тому, что [ɸ] — [ɸ'] превратились в такие же самостоятельные звуки, как и другие твердые и мягкие согласные.

Любопытно, что современные слова *нуо* и *фунт* представляют собой заимствование одного и того же слова, но в разные эпохи: слово *нуо* появилось в древнерусском языке тогда, когда вместо [ɸ] произносили [н], а слово *фунт* — тогда, когда [ɸ] уже стал новым русским самостоятельным звуком.

§ 42. Итак, в современном русском литературном языке существуют четко различающиеся соотносительные пары звуков: звонкие [в] — [в'] и глухие [ɸ] — [ɸ'] — типа *трав*, но *травк* [тра́фка], *кров*, но *кровь* [кроф'].

Следует отметить, что звуки [в] — [в'] ведут себя несколько своеобразно: хотя обычно в русском языке глухие согласные перед звонкими озвончались (ср. *спайка*, но *сборка* [зборка]), перед [в] — [в'] глухие сохраняются — мы произносим и пишем *сварка*, *свет*, а не «зварка», «свѣт». Это своеобразие сближает звуки [в] — [в'] с сонорными, перед которыми глухой также не озвончается (ср. *стимок*, *смять*, *слом*, *срыв*).

Подчеркнув особую природу [ɸ] — [ɸ'] в русском языке, учитель может на конкретных примерах при помощи словаря убедительно показать, что слова с этими звуками (буквами) обычно заимствованы из различных европейских языков (многие из них входят в терминологические системы различных наук). Этим можно объяснить отсутствие слов с буквой [ɸ] в целом ряде стихотворений русских поэтов. Например, учащиеся путем самостоятельного наблюдения могут убедиться в том, что во многих стихотворениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и других поэтов нет слов с этой буквой.

[j] (йот)

§ 43. Особое место в системе согласных занимает звук [j] (йот). Как в древнерусском, так и в современном языке [j] является самостоятельным звонким согласным, неударным ни по признаку глухости-звонкости, ни по признаку твердости-мягкости.

В связи с тем что звук [j] не имеет и не имел для своего обозначения специальной буквы, на письмо он передается разными способами:

а) В начале слога [j] вместе со следующим за ним гласным обозначался и обозначается одной буквой: вместо [ja] пишут *я* (др.-русск. ѧ, ѡ), вместо [ju] — *ю*, вместо [je] — *е* (др.-русск. е, ѣ), вместо [jo] — *ё*, например: *яма*, *ель*, *поехать*, *ёлка*, *объём*. Иными словами, буквы *я*, *ю*, *е*, *ё* здесь обозначают не отдельный звук, а целый слог, состоящий из [j] и гласного.

Примечание. Следует учесть, что я, ю, е, ё после согласных (м^яч, л^юди, п^ел, м^ёд) не содержат в своем составе [j], а показывают, что предшествующая буква должна читаться как мягкий согласный звук: [м'ач'], [л'уд'и], [п'ел], [м'от].

б) Между согласным и гласным наличие звука [j] сигнализируется в современном языке разделительными знаками ъ, ь.

Примечание. Различное изображение звука [j] на письме иногда затемняет морфологический состав производного слова. Так, в словах типа *загорь*, *лисья*, *зверё* мягким знаком обозначается суффикс -j-:

загор'j[е], *лис'j[а]*, *звер'j[о]*; в словах типа *армия* буква

я обозначает конечный согласный корня (j) и окончание -а:

армиj[а]; в словах типа *движение* буква е обозначает ко-

нечный согласный суффикс и окончание -е:

движен'j[е]

и т. п.

Иными словами, написание ъ, ь в положении между согласным и гласным сигнализирует, что следующие за ними буквы л, ю, е, ё, и надо читать как сочетание [j] - гласный.

Однако согласный [j] в русском языке может изображаться на письме и при помощи буквы й. Эта буква используется для передачи на письме йота после гласных, например *мой*, *май*, *зайка*. Здесь надо иметь в виду, что перед ударными гласными [j] звучит четко и ясно (например, *сей*), а в других положениях он ослабляется и на его месте произносится неслоговой [i] - й. Ср. *мой* - мой [majá] - [моi], *яма* - *ямка* [jam] - [jájka].

§ 44. В современном русском литературном языке согласный звук может стоять перед [j]. Такое соседство стало обычным после утраты слабых редуцированных, ср. *сьемна* [s'jémna], *разъезд* [raz'jézd], *листья* [lis'e't'jla], *рыбный* [r'jábnyj] и т. п. До этого процесса согласный п [j] были отделены друг от друга слабым [ъ] или [ь].

Говоря другими словами, исконно древнерусский язык не знал сочетаний согласных с [j]. Это объясняется тем, что еще в ранний праславянский период все сочетания согласных с [j] слились с изменением. Эти изменения заключались в том, что [j] слился с предшествующим согласным. Слияясь с [j] и потому смягчаясь (так как [j] был всегда мягким), этот согласный изменял свое качество (выше данный процесс был показан при рассмотрении про-

школе
зубчатое
при обра
слово "сид
связи
в [ч'] - с
русский я
корня *свѣ*
дствитель
ый корен
ных соглас
[р] + [j] п
ср. *бурный*
§ 45. В
определени
четкая с и
а) Задис
к/ч (сеп
туший).

П
[г], [г
(см.

б) Соглас
[бл']: лю
[пл']: ку
[вл']: ло
[мл']: зе
В более
звук [ф], по
срабл^ю.
в) Соглас
д. ж: хо
т/ч: св
В старосл
иначе: [д >
[т > п'т'
Поэтому
с д и т, в с
судить -
ходить -
водить -
свет - све
Современн
стоящего врем
ского происхо

исхождения шипящих согласных, см. § 36—39). Например, в результате объединения праславянского корня *ськ-* с суффиксом */а* при образовании существительного женского рода возникло слово **ськ ја*, в котором оказалось сочетание **к/ј*. Согласный [к], слившись с [ј] и смягчившись, изменил свое качество и перешел в [ч'] — *сьча*. В таком звуковом виде это слово вошло в древнерусский язык и дожило до наших дней. Вместе с тем согласный [к] корня *ськ-* сохранился в глагольных формах *ську*, *ськут*, в существительном *ськыра* (др.-русск. *ськыра*), и таким образом данный корень стал выступать с чередованием *к/ч*. Только при сопоставлении согласных [р], [л], [н], смягчаясь, не меняли своего качества: [р] ÷ [ј] — в [р'], [л] ÷ [ј] — в [л'], [н] ÷ [ј] — в [н'], ср. *бурный* — *бура*, *колоть* — *колю*, *угол* — *голю*.

§ 45. В связи с тем что согласные в сочетании с [ј] изменялись определенным путем, в современном языке и обнаруживается четкая система чередований согласных.

а) Заднеязычные [к], [г], [х] чередуются с шипящими:

кнч (*ссыу* — *ссыа*), *блч* (*блс* — *блчий*), *хш* (*пастух* — *пастуший*).

Примечание. Следует учесть, что заднеязычные [г], [к], [х] чередуются с шипящими и в других условиях (см. об этом § 36—39).

б) Согласные [б], [п], [м] чередуются с сочетаниями

[бл']: *любить* — *люблю*, *истребить* — *истреблю*;

[пл']: *купить* — *куплю*, *копить* — *коплю*;

[вл']: *ловить* — *ловлю*, *давить* — *давлю*;

[мл']: *земной* — *земля*, *разгромить* — *разгромлю*.

В более позднюю эпоху, когда у восточных славян появился звук [ф], по аналогии возникло и чередование *ф/фл'*: *графить* — *графлю*.

в) Согласные [д] и [т] чередуются с [ж] и [ч']:

д/ж: *ходить* — *хожу*, *бродить* — *брожу*;

т/ч: *свет* — *свеча*, *прятать* — *прячу*.

В старославянском языке сочетания [д] и [т] с [ј] изменились иначе: [д > ж/д'] *ходить* — *хождение*, *родить* — *рождение*;

[т > ш/т'] *свет* — *освещение*, *глотать* — *поглощать*.

Поэтому многочисленные слова с *жд* и *щ*, чередующимися с *д* и *т*, в современном русском языке — старославянизмы. Ср.:

судить — *сужу* — *суждение*,

ходить — *хожу* — *хождение*,

водить — *вожу* — *вождение*,

свет — *свечение* — *освещение*.

Современные суффиксы причастий действительного залога настоящего времени *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) также старославянского происхождения, так как [щ] здесь по происхождению из

... [и с [j]: например: *полающий, ведающий, лежачий, горящий* (др.-с.-древнерусскими причастными формами: *полающа, ведающа, лежача, горяща*), в которых [ч'] также встречается в значении прилагательных).

а) Согласные [с] и [з] чередуются с шипящими [ш] и [ж], например: *нести — ншу, носить — ншу, сзати — сжу, грузить — гружу*.

б) Сочетания согласных [ск] и [ст] чередуются с [ш]: *искати — шати, прешати — прешу*.

§ 46. Таким образом, в результате различных фонетических процессов, которые произошли еще в праславянском языке, а также в результате влияния старославянского языка на русский в современном языке появились следующие ряды чередования согласных:

к ч' / ц: <i>воскликнуть — клич — восклицать;</i>	с' ш: <i>носить — ншу;</i>
г ж / з: <i>друг — дружеский — друзья;</i>	з ж: <i>вязать — вяжу;</i>
х ш: <i>пастух — пастушка;</i>	ч' ш' / ж' ш': <i>рубить — рублю;</i>
т ч' / ц: <i>свет — свеча — освеще- ние;</i>	ч' ш' / ж' ш': <i>купать — куплю;</i>
	ч' ш' / ж' ш': <i>земля;</i>
	ч' ш' / ж' ш': <i>кровь — кровлю;</i>
д / ж / жд: <i>ходить — хожу — хождение;</i>	ф' фл': <i>графить — графлю.</i>
ск / ш: <i>искать — ишу;</i>	
ст / ш: <i>простой — проше;</i>	
ск / ст / ц: <i>пускать — пустить — пуцу;</i>	

* * *

Завершая рассмотрение системы согласных древнерусского и современного русского языков, необходимо подробнее остановиться на характеристике двух важнейших категорий этой системы — на категории глухости-звонкости и категории твердости-мягкости. Именно на эти категории обращается особое внимание при характеристике системы согласных в школьном учебнике русского языка.

§ 47. Древнерусский язык отличался от современного не только количеством пар глухих-звонких согласных (см. § 35), но и соотношением этих парных звуков. В современном русском языке между парными глухими-звонкими согласными имеются глубокие внутренние связи, каких не было прежде. Дело в том, что в современном языке парные глухие-звонкие отличаются друг от друга, или противопоставляются друг другу, только в определенных фонетических положениях, а именно в положении перед гласными, перед сонорными

... [и с [j]: например: *полающий, ведающий, лежачий, горящий* (др.-с.-древнерусскими причастными формами: *полающа, ведающа, лежача, горяща*), в которых [ч'] также встречается в значении прилагательных).

а) Согласные [с] и [з] чередуются с шипящими [ш] и [ж], например: *нести — ншу, носить — ншу, сзати — сжу, грузить — гружу*.

б) Сочетания согласных [ск] и [ст] чередуются с [ш]: *искати — шати, прешати — прешу*.

§ 46. Таким образом, в результате различных фонетических процессов, которые произошли еще в праславянском языке, а также в результате влияния старославянского языка на русский в современном языке появились следующие ряды чередования согласных:

к ч' / ц: *воскликнуть — клич — восклицать;*

г ж / з: *друг — дружеский — друзья;*

х ш: *пастух — пастушка;*

т ч' / ц: *свет — свеча — освеще- ние;*

д / ж / жд: *ходить — хожу — хождение;*

ск / ш: *искать — ишу;*

ст / ш: *простой — проше;*

ск / ст / ц: *пускать — пустить — пуцу;*

* * *

Завершая рассмотрение системы согласных древнерусского и современного русского языков, необходимо подробнее остановиться на характеристике двух важнейших категорий этой системы — на категории глухости-звонкости и категории твердости-мягкости. Именно на эти категории обращается особое внимание при характеристике системы согласных в школьном учебнике русского языка.

§ 47. Древнерусский язык отличался от современного не только количеством пар глухих-звонких согласных (см. § 35), но и соотношением этих парных звуков. В современном русском языке между парными глухими-звонкими согласными имеются глубокие внутренние связи, каких не было прежде. Дело в том, что в современном языке парные глухие-звонкие отличаются друг от друга, или противопоставляются друг другу, только в определенных фонетических положениях, а именно в положении перед гласными, перед сонорными

Перед гласным

Перед глухим согласным

Перед звонким согласным

Таких

хлосности-звонкости

[ц], [ч'],

тических

совпадающих

§ 48.

его исторический

языка.

Как

и древнерусский

оглушения

(как и не

сопоставим

согласным

перед сонорными

хлосности-звонкости

были так

кошья —

биты и т.

в которых

член той

часть, что

не обр

согласными [р] — [р'], [л] — [л'], [ш] — [ш'], [м] — [м'], перед [в] — [в'] и перед [ж]. Это значит, что в таких положениях равно может употребляться как глухой, так и звонкий парный согласный, например: *сало* — *дал*, *шиса* — *жиса*, *кроме* — *гром*, *плюшка* — *блюдо*, *кнут* — *гнут*, *шес* — *жесачка*, *ню* — *бы* и т. д. В других же фонетических положениях парные глухие-звонкие не различаются, не противопоставляются: на конце слова и перед глухими согласными выступают только парные глухие, а перед звонкими только парные звонкие. Например, *род* и *рот* произносятся равно как [рот], *рог* и *рок* — равно как [рок], *мышь* и *нож* — равно с [ш] на конце: [мыш] — [нош]; *кошка* и *лошадь* — равно с [ш] перед глухим [к]: ко[шк]а, ло[шк]а; *просьба* и *режьба* — равно с [з'] перед звонким [б]: про[з'б]а, ре[з'б]а и т. д. В результате этого в современном языке выстраивается соотношение следующий ряд парных глухих-звонких, который может быть представлен в следующем виде:

Перед

гласным

Перед
глухим
согласным

Перед
звонким
согласным

п	б	п'	б'	ф	в	ф'	в'	т	д	т'	д'	с	з	с'	з'	к	г	к'	г'	ш	ж
п	п'	ф	ф'	т	т'	с	с'	к	к'	ш	ш										
б	б'	п	п'	в	в'	д	д'	з	з'	г	г'	ж	ж								

Таких внутренних связей нет у непарных по признаку глухости-звонкости согласных, например у сонорных или у глухих [ц], [ч'], [щ'], [х]: эти согласные могут выступать в разных фонетических позициях, сохраняя в них свои основные признаки и не совпадая в произношении с другими согласными.

§ 48. В этом отношении древнерусский язык ранних периодов его истории принципиально отличался от современного русского языка.

Как уже говорилось, до утраты редуцированных [ъ] и [ь] в древнерусском языке не было условий для развития процессов оглушения или озвончения согласных: парные глухие-звонкие (как и непарные по этому признаку) не могли оказываться в абсолютном конце слова и в положении перед глухими или звонкими согласными. И поэтому они выступали или перед гласными, или перед сонорными согласными, т. е. в таких положениях, где глухость-звонкость различалась. Например, в древнерусском языке были такие пары слов, как *шити* — *жити*, *родъ* — *ръть* (рот), *кошька* — *ложька*, *сватьба* — *городьба*, *рогъ* — *рогъ*, *пити* — *бити* и т. д. Иначе говоря, древнерусский язык не имел позиций, в которых мог выступать или только глухой, или только звонкий член той или иной пары глухих-звонких согласных. А это означает, что в раннем древнерусском языке парные глухие-звонкие не образовывали соотносительного ряда и что отноше-

тот же между парными по признаку глухости-звонкости согласными ничем не отличается от отношений между непарными по этому признаку звуками.

§ 49. Возникновение относительного ряда глухих-звонких согласных и развитие принципиально новых отношений между ними связано с утратой редуцированных, т. е. с эпохой XII—XIII вв., когда создались условия появления согласных в абсолютном конце слова и в положении перед глухими-звонкими шумными (см. подробнее § 10—20).

§ 50. Возникновение и развитие современного состава твердых и мягких согласных и современных отношений между ними связано со сложными процессами в истории русского языка и охватывает длительный исторический период.

В современном русском языке парные твердые-мягкие согласные образуют с относительным ряд, т. е. эти согласные, как и парные глухие-звонкие, в одних позициях различаются, или противопоставляются друг другу, а в других — не различаются, не противопоставляются. В этих позициях выступает только один член той или иной пары. С относительный ряд парных твердых-мягких согласных современного русского языка может быть представлен в следующем виде:

Перед [a], [o], [y] и члн п' б' ф' д' с' з' ш' ж' ч' ц' х' г' л' р' т' н'
Перед [e] члн п' б' ф' д' с' з' ш' ж' ч' ц' х' г' л' р' т' н'

Все парные твердые-мягкие согласные различаются в позициях перед гласными [a], [o], [y]. В позиции перед [e] выступает в основном только мягкий согласный. Правда, в современном русском языке, в связи с наличием некоторых заимствованных слов с твердым согласным перед [e] и в связи с развитием аббревиатур, положение согласных перед [e] начинает становиться таким, в котором твердость-мягкость также различается; см., например, *сэр* и *сер* (серый), *мэр* и *мер*(а), *ЛЭП* и *леп*(ка), *пер* и *пер*(ед), *СЭВ* и *сеа* и т. д. Однако это явление остается пока на периферии языка и позиция перед [e] в целом сохраняется как позиция неразличения твердости-мягкости.

§ 51. В древнерусском языке раннего этапа его истории (приблизительно до середины XI в.) состав мягких согласных был ограничен только неконными мягкими звуками. К ним присоединились шипящие [ш'], [ж'], [щ'], аффрикаты [ц'], [ч'], сонорные [л'], [р'], [н'] и свистящие [с'], [з']. Эти согласные называются неконными мягкими потому, что они как мягкие были унаследованы древнерусским языком от праславянского языка. Иначе говоря, эти согласные развились как мягкие в очень древний период истории славян, а не в истории самого древнерусского языка. Выше уже рассматривались те процессы, которые привели

к появлению
славян (см. §
[a'] появились
(ср. древнеру-
с. ч. послуги)
§ 52. В р-
[ш'], [ж'], [ч']
согласные, не-
сонорные и
твердых толь-
кошних с
[л] — [л'], [п]
древнерусский
современного
мягких согла-

Однако и
уже в ранний
гласные, пона-
не с мягч-
[e], и, следоват-
согласными: и
своего рода ср-
в современном
твердость-мягк-
мягкий парны
периода его м-
дости-мягкости
ные твердые-м-
посительного Р

§ 53. Дальше
между твердым
было связано
ных и с возни-
кости, во-втор-
в-третьих, с от-
Эти процессы п-
вливающие на ист-

§ 54. Самым
к середине XI в.
Твердые соглас-
смягчились, в
новые мягкие с-
[ш'], [ж'], [щ'],
на твердых пере-
в парные отно-
ском языке возн-
[б] — [б'], [л] —
[а] — [а'], [л] —

к появлению неконно мягких согласных в системе языка древних славян (см. § 35—46). Добавим к этому еще то, что мягкие [с'], [з'] появились в результате смягчения соответственно [x] и [r] (ср. древнерусские формы *послужь* — «свидетель» и им. пад. мн. ч. *послуси*, а также отношения *княгиня* — *князь*).

§ 52. В ранний период истории древнерусского языка звуки [ш'], [ж'], [ч'], [щ'], [ц'] выступали как самостоятельные мягкие согласные, непарные по признаку твердости-мягкости. Мягкие же сонорные и мягкие свистящие, отличаясь от соответствующих твердых только признаком мягкости, оказывались в парных отношениях с ними по признаку твердости-мягкости: [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н'], [с] — [с'], [з] — [з']. В этом отношении древнерусский язык на первый взгляд ничем не отличается от современного языка, в котором тоже есть такие пары твердых-мягких согласных.

Однако в действительности здесь были глубокие различия, ибо в ранний период истории древнерусского языка твердые согласные, попадая в положение перед гласными переднего ряда, все смягчались, как это происходит с ними теперь перед [е], и, следовательно, не совпадали по качеству с мягкими согласными: в этих положениях твердые согласные становились своего рода средними между твердыми и мягкими. Значит, если в современном русском языке есть позиция перед [е], в которой твердость-мягкость не различается и в которой выступает только мягкий парный согласный, то в древнерусском языке раннего периода его истории позиций различения твердости-мягкости не было, а следовательно, древнерусские парные твердые-мягкие согласные не образовывали сопоставительного ряда.

§ 53. Дальнейшее движение в изменении состава и отношений между твердыми-мягкими согласными в истории русского языка было связано, во-первых, с увеличением состава мягких согласных и с возникновением позиций неразличения твердости-мягкости, во-вторых, с возникновением новых согласных [ф] и [ф'], в-третьих, с отвердением некоторых неконно мягких согласных. Эти процессы проходили в разное время и по-разному оказывали влияние на историю твердости-мягкости согласных.

§ 54. Самым ранним процессом, относящимся приблизительно к середине XI в., был процесс развития новых мягких согласных. Твердые согласные перед гласными переднего ряда полностью смягчились, в результате чего в древнерусском языке появились новые мягкие согласные. К этим согласным относятся [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], а также [с'], [з'], [л'], [н'], [р'], развившиеся из твердых перед гласными переднего ряда. Новые мягкие встали в парные отношения с твердыми согласными, т. е. в древнерусском языке возникли пары твердых-мягких согласных [ш] — [ш'], [ѣ] — [ѣ'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [л] — [л'], [н] — [н'], [р] — [р'].

§ 30. Однако еще более важно то, что в результате смягчения твердых перед гласными переднего ряда в этой позиции перестали различаться твердые и мягкие согласные: здесь стали выступать только мягкие согласные. В результате этого в древнерусском языке возник соотносительный ряд твердых-мягких согласных, характерный и для современного языка: парные твердые-мягкие в одних позициях различаются, а в других (теперь только перед [e]) не различаются. Например: *пора — буря*, но *поре — буре*.

§ 56. Что касается мягких [к'], [г'], [х'], то их история оказалась более сложной. В связи с тем что [к], [г], [х] исконно не выступали перед гласными переднего ряда, они не могли в языке восточных славян развить мягкость, как это случилось с другими твердыми согласными.

Появление смягченных [к', г', х'] в древнерусском языке было связано, во-первых, с заимствованием из других древних языков слов с такими согласными. Например, в таких словах, как *нитъ*, *гигантъ*, *хитонъ*, пришедших к нам из греческого языка, были смягченные [к', г', х'], которые заимствовались языком восточных славян. Однако в самом древнерусском языке сочетаний *ни*, *ги*, *хи* не было — на их месте выступили сочетания *кы*, *гы*, *хы*: *кысень*, *гыбрьль*, *хытрый*.

Во-вторых, смягченные задние гласные могли возникать в самом древнерусском языке в результате выравнивания парадигм. Что это за явление? Рассмотрим пример. При склонении существительного *рука* во всех падежах основа оканчивалась на [к], а в дат. и предл. пад. ед. ч. — на [к']: *рука* — *руки* — *руку* — *руками* — *рукаѣ*, но *руцѣ*; под влиянием господствующих форм с [к] появляется *рунь* > *руке* со смягченным [к'] перед [ѣ]. Ср. в муж. р.: *рогъ* — *рога* — *рогу* — *рогѣ*, но предл. пад. *роѣ*, откуда далее *рогъ* > *роге*.

Позже у восточных славян происходит изменение *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*: *Кысь* > *Киев*, *гыбля* — *гибля*, *хытрий* > *хитрий*, *руки* > *руки*, *ногы* > *ноги*, *сохы* > *сохи* и т. д. Таким образом, мягкие [к'], [г'], [х'] появляются на самой древнерусской почве. В том, что они

Но своеобразие судьбы этих мягких сказалось в том, что с самого своего появления и почти до наших дней были возможны только перед гласными переднего ряда [и] и [е] (например, перед другими гласными они не выступали. Иначе говоря, существовало строгое распределение: перед [а], [о], [у], а также до определенного времени перед [ъ] выступали твердые [к], [г], [х], а перед [и] и [е] (например) — мягкие [к'], [г'], [х']. Из этого правила было лишь одно исключение: в формах наст. времени глагола ткать [к'] выступал (и выступает) перед [о] — [тк'ом], [тк'от], [тк'ом], [тк'оте]. И только значительно позже в связи с притоком новых заимствований в русский язык мягкие [к'], [г'] стали возможны и перед [а], [у], [о]; ср., например, *Кяхта*, *гяур*, *манжур*, *кюре*, *гюря*, *ликёр*, *Кёльн*, *Гёте*. Это обстоятельство и дало воз-

мощность говорить о парных твердых-мягких заднеязычных в современном языке.

Таким образом, когда в русском языке равно стали возможны *кара* и *Кякта*, *курица* и *маникур*, *кури* и *Кюри*, *корка* и *ликёр*, *зак* и *зур*, *гул* и *гюры*, т. е. когда равно стали возможны [к] — [к'] и [л] — [л'] перед одними и теми же гласными, — тогда эти пары твердых-мягких согласных встали в один ряд с остальными парными твердыми-мягкими.

§ 57. Процессы, связанные с появлением [ф] — [ф'], в древнерусском языке уже рассматривались выше (см. § 41). К сказанному следует добавить только то, что в результате возникновения и становления [ф] — [ф'] как самостоятельных согласных в русском языке появилась еще одна пара твердых-мягких, вставшая в ряд с остальными парными по тому признаку согласными, хотя и здесь, как и в области заднеязычных, отношения несколько иные, чем между другими парными твердыми-мягкими, так как распространенность [ф] и особенно [ф'] в русском языке очень мала.

§ 58. Что касается парных по твердости-мягкости согласных, то они, являясь по происхождению мягкими¹, в истории русского языка не все сохранили это свое качество (см. выше § 51). Однако это обстоятельство сыграло принципиальной роли в истории твердых-мягких согласных, так как и сохранившие исконную мягкость, и отвердевшие мягкие как были, так и остались непарными по признаку твердости-мягкости согласными.

Изменения коснулись лишь того, что первоначально эта группа непарных по твердости-мягкости согласных состояла только из мягких, а теперь она состоит как из мягких, так и из твердых согласных.

§ 59. Приводим сравнительную таблицу классификации согласных в современном русском и древнерусском языках. Прямым шрифтом обозначены звуки современного русского языка, а курсивом — древнерусского (см. стр. 44).

§ 60. Мы рассмотрели основные фонетические явления, характеризующие состав и систему гласных и согласных современного русского языка в сравнении с составом и системой языка древнерусского. Такое внимание к фонетике объясняется тем, что очень многие и важные факты в лексике, морфологии, словообразовании, а также в орфографии современного языка находят свое объяснение в исторических процессах, происшедших в различные периоды длительного развития фонетической системы русского языка. Разобраться во всех таких фактах возможно только при условии достаточно полного представления об особенностях звуковой стороны русского языка, определяющих сходство и разли-

¹ Мы не останавливаемся здесь на согласном [ж], так как он не пережил существенных изменений в своей истории и поэтому его судьба не оказала влияния на историю твердых-мягких согласных.

Сравнительная таблица классификации согласных в современном и древнерусском языках

	Губные				Переднеязычные				Средне-язычные		Задне-язычные			
	твердые		мягкие		твердые		мягкие		мягкие	звонные	твердые		мягкие	
	глух.	звон.	глух.	звон.	глух.	звон.	глух.	звон.			глух.	звон.		
Смычные	п	б	п'	б'	т	д	т'	д'			к	г	к'	г'
	ч	ц			ш	ж		ж'			х	ж		
Аффрикаты														
Щелевые	ф	в	ф'	в'	с	з	с'	з'			х	з		
Дрожащие														

...ни фонетически
...ном состояни
...ение строится
...ставляя древнер
...объяснить некото
...словообразования
...общие представл
...русского и совр
Вместе с тем
...ли некоторые
...и языке отражают
...системы, а как ф
...фонетические пр
...зей однокорешны
...и новых словооб
...отнести явления,
...е языке результаты
...ных. В других
...группы лексики,
...строением; и эти
...ских фактах сов
...ских явлениях,
...а лишь определе
...кого полногласия
...К рассмотрению
Упрощение групп
...согласных
...и разрыв
...этимологических
...связей
...родственных слов
...образовательных,
Рассмотрим эт
§ 62. В прасла
...привел к упроще
...а выпадении после
...зультате выпадени
...позволило обогащен
...при помощи прист
...разовано слово *
...люсь оборот, став
...глагола видѣти и
...об-видѣти > обид
...видеть кого-либо»
Древний корен
слов: завет (завещ
(присутствие), слав
приставки об- бл

ция фонетических систем прошлых периодов его истории и в современном состоянии. Именно поэтому все предшествующее изложение строилось таким образом, чтобы, с одной стороны, сопоставляя древнерусские и современные фонетические явления, объяснить некоторые факты в современной фонетике, морфологии, словообразовании и лексике, а с другой — дать определенные общие представления о характере фонетической системы древнерусского и современного русского языка.

Вместе с тем в истории звуковой стороны русского языка произошли некоторые процессы, результаты которых в современном языке отражаются не как особенности собственно фонетической системы, а как факты иного характера. В одних случаях давние фонетические процессы привели к разрыву этимологических связей однокоренных слов и к появлению новых корней, а отсюда — и новых словообразовательных связей. К таким случаям можно отнести явления, связанные с отражением в современном русском языке результатов древних процессов упрощения групп согласных. В других случаях в языке образовались определенные группы лексики, характеризующиеся своеобразным фонетическим строением; в этих случаях можно говорить о лексико-фонетических фактах современного русского языка, т. е. о фонетических явлениях, характеризующих не саму звуковую систему, а лишь определенный круг слов. Таковы явления так называемого полногласия (и противопоставленного ему неполногласия). К рассмотрению этих явлений и необходимо теперь обратиться.

Упрощение групп
согласных
и разрыв
этимологических
связей
родственных слов

§ 61. В результате действия закона открытого слога еще в праславянскую эпоху происходило упрощение групп согласных, что приводило к изменению структуры тех или иных слов. В современном русском языке также, ранее родственные слова не обнаруживают ни словообразовательных, ни семантических связей друг с другом.

Рассмотрим эти явления.

§ 62. В праславянскую эпоху закон открытого слога (см. § 6) привел к упрощению сочетания [бв], что отразилось прежде всего в выпадении после приставки *об-* звука [в] в начале корня. В результате выпадения [в] образовались новые корни слов, т. е. произошло обогащение словарного состава языка. Так, например, при помощи приставки *об-* от существительного *воротъ* было образовано слово **обворотъ*; в результате выпадения [в] появилось *оборот*, ставшее новым корнем словом. Точно так же от глагола *видѣти* при помощи приставки *об-* образовался глагол **об-видѣти* > *обидеть* (т. е. первоначально в значении «не желать видеть кого-либо»).

Древний корень *вьт-* > *вет-* выступает в ряде однокоренных слов: *завет* (*завещание*), *ответ* (*ответить*, *отвечать*), *привет* (*приветствие*), *совет* (*совещание*). И от этого же корня при помощи приставки *об-* было образовано слово **об-вьтъ*, из которого после

затемств, обязательный и т. п. Здесь необходимо объяснить, что имеющиеся в учебнике правила о написании разделительного твердого знака в словах с приставкой на согласную перед корневыми *з, е, ё, ю* в данном случае не применимы.

§ 64. Таким же древним процессом, как упрощение группы [бв], было выпадение согласных [б], [ш], [д], [т], [г], [к] перед глагольным суффиксом *-ну-*, в результате чего в современном языке обнаруживается чередование этих согласных с нулем звука:

гибель — сги^{ну}ть
заги^бать — заги^{ну}ть
капать — ка^нуть (ср. ка^{ну}уть)
спать — зас^{ну}ть
утопать — уто^{ну}уть
глядеть — гла^{ну}уть
кидать — ки^{ну}уть
увядать — у^ва^{ну}уть
блестеть — бл^ни^{ну}ть

шептать — шеп^{ну}уть
брызгать — брыз^{ну}уть
дегустать — дег^{ну}уть
дергать — дер^{ну}уть
трепать — треп^{ну}уть
тягать — тя^{ну}уть
спрыскивать — спрыс^{ну}уть
плескать — плес^{ну}уть
тискать — тис^{ну}уть
трескаться — трес^{ну}уться

Выпадение взрывных перед суффиксом *-ну-* в современном русском языке необязательно; ср.: *создавать* — соз^на^{ну}уть, *достигать* — дости^гну^{ть}, *ослабеть* — осла^бну^{ть}, *погибать* — погиб^ну^{ть}, *стучать* — сту^чну^{ть}, *топать* — топ^ну^{ть} и др. Но все это поздние образования, относящиеся к тем периодам в истории русского языка, когда такие сочетания согласных стали возможны по законам фонетической системы.

§ 65. В эпоху утраты редуцированных в древнерусском языке еще раз прошли процессы упрощения групп согласных, вызвавшие различные результаты; иногда и в этот период возник разрыв этимологических связей родственных слов, а иногда значительно подвергалась лишь морфологическая структура слова.

Можно привести следующие примеры образования новых корней:

берцовая (кость) — из *бедрыцевая*, ср. *бедро*;
гончар — из *гърънчаръ*, ср. *горн*;
кочегар — из *кочергаръ*, ср. *кочерга*;
полтора — из *полъвътора*, ср. *пол(овина) + второго*;
чан — из *дъщанъ*, ср. *доска*. (*дъщанъ* > *дищан* > *тищан* > *чан*)
(ни)зги — из *стыги*, ср. *стежка* (*стыга* > *стга* > *сга* > *зга*).

Проиллюстрируем некоторыми фактами упрощение морфологической структуры слов. Как известно, в современном языке *-л-* является глагольным суффиксом прошедшего времени: *писал* — *писала* — *писали*, *купил* — *купила* — *купили* и т. п. Однако этот суффикс сохраняется лишь в том случае, если ему предшествует

и и за ним следует гласный. Если же глагольная основа обобщается на согласный, то суффикс -л- в форме мужского рода выпадает. Это явление также связано с утратой редуцированных, приведшей к образованию в конце этих глаголов группы согласных, подвергшейся упрощению:

везать > везл > вез

гребать > гробл > гроб

девать > делл > дел

нести > нелл > несл

нести > некл > нех

нести > терл > тер

§ 66. В несколько ином положении находятся процессы изменения двух групп согласных, произошедшие также после утраты редуцированных, но вызванные не исчезновением одного из согласных группы, а упрощением его артикуляции в результате распада звонкости (диссимилации) с другими согласными. Речь идет о группах [ч'] и [чн]. В связи с тем что [ч'] по своему образованию есть сочетание двух элементов — смычного [ч] с фрикативным [ш'], распад звонкости с последующим [т] или [н] привело к утрате смычного элемента [ч']: это обусловило изменение сочетания [чт] в [шт] и [чн] — в [шн]. В современном языке по литературным нормам требуется произносить что как [шт], что-то как [штó], кое-что как кое[што], конечно как коне[шн]о, скучно как ску[шн]о и т. д. Однако, во-первых, произношение [чт] как [шт] не распространяется на книжное слово *печать*, сохраняющее [чт]; во-вторых, в наши дни под влиянием орфографии широко распространяется произношение всех образований с *что* без изменения в [шт], и это становится вариантной нормой литературного языка. Само собой разумеется, что в словах с [чт], не относящихся к образованиям с *что*, это сочетание сохраняется: *печать, мечта, мечта*. Сочетание [чн] сохраняется в словах книжного характера (типа *порошний, аличный, уличный*), а также в тех случаях, когда действует аналогия со стороны родственных слов: так в *ночь* сохраняется [чн], потому что есть слово *ночь*, в *дачный* — потому что есть *дача*, в *начинать* — потому что есть *начать*. Иногда изменению [чн] в [шн] мешала возможность воизволения омологии; ср., например, *мечный* и *мечный*, *наушный* и *наушный*.

В поэзии XVIII—XIX вв. наблюдались колебания в произношении слов *конечно, парочно, скучно*: судя по рифмам, они произносились и с [чн], и с [шн]. Например:

Упал вдруг горюх — уж парочно!

А хохот пуще: он и в третий, так же точно.

(Грибоедов. «Горе от ума».)

Давно он знал ее заочно.

С его глазами непарочно

Глазами встретила она.

(Баратынский. «Цыганка».)

На дороге
Гройка бор
Колокольчи
Утомилась

О древней
Слышали к
Но как ск
Все дело п
То я вам т
Хочу пред

Ну что ж,
И муш на

Не спит
Открой о
— «Что,

Вы отгада
Кто этот
Немного,
Любовник

Нужно иметь в
закрепилось
(переулок
Шошников и т.
по литературе у
фабрики, куман
Бриг. Москвы);
(Кр. М. «Совет
вами легкой кор
но и грустно, и

§ 67. Характ
ается и о л и о
кони русских,
древности и в

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

(Пушкин. «Зимняя дорога».)

О древней верности, конечно,
Слышали как-нибудь и вы!
Но как сказания молвы
Все дело перепортят *вечно*,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец!

(Лермонтов. «Незабудка».)

Ну что ж, ей, может быть, единообразие *скучно*,
И муж на то глядеть обязан *равнодушно*.

(Грибосдов. «Молодые супруги».)

«Не спится, няня: здесь так *душно*!
Открой окно да сядь ко мне!»
— «Что, Таня, что с тобой?» — «Мне *скучно...*»

(Пушкин. «Евгений Онегин».)

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, *поспешно*
Любовник смелый поступил.

(Лермонтов. «Тамбовская казначейша».)

Надо иметь в виду, что произношение [чи] как [ши] в ряде случаев закрепилось в орфографии, например: *дсурушник*, *Столенников* (переулок в Москве), фамилии *Свешников*, *Пранциных*, *Шапошиников* и т. д. Колебания в орфографии таких слов известны по литературе XIX в., например: «Давно известны коломенские фабрики, *кумашные*, *полотняные*, *шелковые...*» (Карамзин. «Вокруг Москвы»); «И, наконец, в *мушном* зале открыто заседание...» (Крылов. «Совет мышей»); «Под этими атласными веками, окруженными легкой *корнишевой* тенью...» (Лермонтов. «Вадим»); «И *скучно* и грустно, и некому руку подать...» (Лермонтов).

ПОЛНОГЛАСИЕ

§ 67. Характерной звуковой особенностью русского языка является *п о л н о г л а с и е*, которое проявляется в том, что в исконно русских, по происхождению общеславянских словах (и древности и в настоящее время) выступают сочетания *ою (ело)*,

ср.: *сре* между согласными в корнях слов (и в некоторых приставках). Например: *голоса, город, борода, дерево, береза, пере-* и т. д. Вместе с тем почти каждому русскому слову с полногласием можно найти соответствующее однокоренное слово со старославянским (т. е. южнославянским) неполногласным сочетанием *ла, ра,* чтением *оло (ело)* соответствуют еще и старославянские слова с неполногласным сочетанием *ле* (ср. *волочить* — *увлекать, мило-ко* — *милый (путь); шлем* — *шлем*) ¹.

Следовательно, по происхождению в современном русском языке слова с неполногласными сочетаниями являются старославянскими, однако многие из них в процессе исторического развития прочно вошли в русский язык, первоначально главным образом через церковные книги. Обычно заимствованные из старославянского языка слова с неполногласием носят более отвлеченный, книжный характер, чем соответствующие им исконно русские слова, ср.: *гражданин* (страны) и *гражданин*, в *руин* *страж* (отпизны) и *сторож*: *влачить* (жалкое существование) и *сломить* (поги) и т. п.

В поэтической речи XIX в. были распространены неполногласные формы, носившие отпечаток высокопарного торжественного стиля и в обычной речи не встречавшиеся. Так, например, в известных строках поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» старославянские неполногласные формы придают стику торжественность и пафосную интонацию:

Прошло сто лет, и юный *град*,
Полнощных *стран* краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи *блат*
Вознесся пышно, горделиво...

§ 68. Проникнув в русский язык из старославянского, слова с неполногласными сочетаниями вступили в контакт с соответствующими русскими словами с полногласием. Результаты взаимодействия русских и старославянских слов оказались различными, причем в одних случаях сохранились оба слова, в других же — одно слово осталось в языке, а второе утратилось, причем не всегда победу одерживало исконно восточнославянское слово.

Некоторые неполногласные формы оказались настолько активными, что полностью вытеснили старые русские формы с полно-

¹ Несколько похожее явление наблюдается и в русском языке и ряде с начальными сочетаниями *ра, ла* и *ро, ло*, представляющими собой разноречие одних и тех же сочетаний праславянского языка у южных и восточных славян. Здесь мы также сталкиваемся с парами слов, из которых одно — с начальным сочетанием *ра* или *ла* — является старославянизмом в русском языке, а другое — с начальным *ро* или *ло* — исконно восточнославянским словом. Так, ст.-слав. *равный* — др.-русск. *равный*, ст.-слав. *лава* — др.-русск. *лодка*, ст.-слав. приставка *раз(рас-)* — др.-русск. *роз(рес-)*; ср. *собрать*, *рблнн* при *разливать, расписки*.

гласием. Т
... *горн*
... *грабр*
... *значени*
... *Когда в*
... *оры и ког*
... *лю их ле*
... *славянск*
... *разных з*
... *напр*
... *орона, в*
... *раж и с*
§ 69. М
... *лов с пол*
... *етном рус*
1 г р у
... *полногласн*
... *не паралле*
... *а) семан*
... *лей;*
... *б) разно*

Слов
зн
... *берег,*
... *сережь, береж*
... *решать, сбер*
... *мочить,*
... *сломить*
... *сержба, с*
... *сорт, сор*
... *решивый,*
... *лиса*
... *сорта, по*
... *слово, сло*
... *собрание,*
... *слово, голо*
... *слова*
... *сорт, го*
... *между славян*
... *ро, пригород*
... *сродить, от*
... *дерево, де*
... *осеребрила*

гласнем. Так, например, вместо исконно русских *вермя*, *веред*, *ворог*, *хоробрый*, *солодкий*, *сором* в современном русском языке употребляются старославянские по происхождению *время*, *вред*, *враг*, *храбрый*, *сладокий*, *срам* (ср. сохранившееся в диалектах *веред* в значении «болячка», производное *ворожба*, спец. *солод*).

Когда взаимодействие не приводило к утрате одного из членов пары и когда язык сохранял оба слова, — в этих случаях происходило их лексическое или стилистическое размежевание, т. е. старославянское и соответствующее ему русское слово закреплялись в разных значениях или с разными стилистическими оттенками. Так, например, произошло со словами: *прах* и *порох*, *страна* и *сторона*, *власть* и *белость*, *зранить* и *лоронить*, *глас* и *голос*, *страж* и *сторож* и т. п.

§ 69. Можно наметить три группы наиболее употребительных слов с полногласными и неполногласными сочетаниями в современном русском языке.

1 г р у п п а. Исторически однокорневые полногласные и неполногласные формы, существующие в современном русском языке параллельно. Для этой группы слов характерны:

- а) семантический распад одинаковых по происхождению корней;
- б) разнородное стилистическое употребление.

Слова с полногласными звукосочетаниями	Соотносительные слова с неполногласными звукосочетаниями
берег, березолой, набережная беречь, березливый, оберегать, сбе- регать, сберегательная (касса)	безбрежный, прибрежный, небрежный, пренебрежение, пре- небречь
волочить, проволока, наволочка, во- локипа	владить, завлекать, извлекать, призлекать, развлекать
ворожба, ворожить	враг, вражда, враждовать
ворот, воротник, посорот, изво- ротливый, бесспорный, сороч- чатся	возрат, возратить, возвращение, граждать, граждатьный, гражде- ние, прераждать, оторочить, от- отращивание
ворота, подворотня	ератарь, ерата (науки), ерарати- ник
голова, головой, головачик, голо- вокружение, головастик, заголовок	глава, главенство, главный, главарь, заглавие, заглавный, воздавать
голос, голосной, голосистый, голо- сование	возлас, приглашение, согласие, ласный, согласный
город, городской, иногородний, междугородный, горожанин, приго- род, пригородный, загородный,	градоверительство, гражданин, гражданство, награждать (награди- тельные награждать городом), Наго- град, Ленинград
городить, отгородить, огород	оград, оградить, ограждение
березо, березяный, березенный, березообрабатывающий	оросный, оросина, ороснажде- ние, оросо

Слова с полногласными звукосочетаниями	Соотносительные слова с неполногласными звукосочетаниями
сторож, сторожить, сторожка, осторожный, предосторожность сторона, сторониться, посторон- ний	страж, стража страна, странник, странство- вать, пространство, распростра- нять, иностранный
теребить	требовать, потребность, упот- реблять, потреблять
холод, холодный, холодец, холо- дильник, холодить, похолодеть	охладить, хладнокровие, прохлад- ный, прохладный
хорамы	храм
хоронить, похороны	хранить, охрана, сохранить, хра- нилище, предохранять
чередование, очередь, очередной, по- очередно	учредить, учреждение
через, чересполовица, чересполы- ник, чересчур	чрез, чрезвычайный, чрезмерный

2 группа. Слова, выходящие в русском литературном языке только с полногласными сочетаниями, неполногласные варианты полностью утрачены:

береза, березняк, береста, берестяной, подберезовик;
болото, болотистый, болотный;
борода, бородавка, бородастый, бородач, подбородок (ср. устар.
брадобрей в знач. «парикмахер»);
борозда, бороздить, бороздчатый (ср. выражение бразды пра-
вления);
борона, боронить, бороновать;
сережк (вечнозеленый кустарник), вересковый;
серетено, веретеници;
волос, волосатый, волосок, волосяной (ср. устар. власяница —
«грубая одежда из волос»);
воробей, воробыный, воробушек (воробышек);
ворон, сорока, воронье, вороний, сороченный, воронить, сорочий;
ворох, ворошить;
голод, голодать, голодный, голодовка;
горох, гороховый, горошек, горошина;
долото, долотный;
дорога, дорожка, бездорожье, дорожный, подорожник;
жглоб, жглобок, жглобчатый;
жGREбец, жGREбенок, жGREбячий;
колода, колодка, колодочный;
колодец, колодезный;
колокол, колокольный, колоколья, колоколыш;

колос, колосистый, колоситься, колосья;
 колотить, колотушка;
 короб, коробейник, коробить, коробка, коробок;
 корова, коровий, коровник;
 коростель;
 мереза (рыболовецкая сеть), мереза (род плетивки);
 молот, молоток, молотобоец (ср. у А. С. Пушкина: «Так тяж-
 кий млат, дробя стекло, куст булат»);
 молоть, молотый, молотьба;
 мороз, морозить, морозный, неморозь, морозиться;
 моросить, изморось;
 ожерелье, ожерельице;
 окорок, окорочный;
 папоротник, папоротниковый;
 перенел, перепелиный, перепелка;
 переполох, всполошиться, чертополох;
 полосья;
 полоса, полосатый, полоска, полосовать, полосовой;
 полоскать, полоскательница;
 полоть, выполоть;
 порог, порожек, порожистый, запорожек;
 поросенок, порослячий;
 сковорода, сковородник;
 соловей, соловьиный, соловеть, осоловеть;
 солома, соломенный, солончак;
 сорочка, сорочий;
 стеречь, предостеречь, предостережение;
 тетерев, тетеревиный;
 толочь, толочько;
 торонить, оторонеть, оторонь, расторонный, торонига;
 хворост, хворостина;
 холостой, холостяк, выхолощенный.

3 группа. Слова, которые в русском литературном языке
 выступают только с неполногласными сочетаниями; соответствующие
 им полногласные варианты полностью отсутствуют:

благо, блаженство, блажь (чаще в слоганых словах: благода-
 рить, благозвучный, благоразумный, благородный); полногласие со-
 хранилось лишь в названии станции Вологос;

влага, влажность, влажный (полногласие сохранилось лишь в
 названии города Вологда);

владеть, владыка, власть, властный, обладать, область, Вла-
 димир (ср. Володя);

время, временный, времянка, современный, современник;
 глагол, глагольный, глагольность;

врачок, призрак, призрачный, прозрачный, псевзрачный;

крамола, крамольный, крамольник, крамольничать;
 мрамор, мраморный;

пламя, пламенный, воспламенить (ср. выраж. «Из огня да в полымя» — из др.-русск. *поломя*);
претить, воспретить, запретить, запрещение;
срам, срамить;
презвый, выпрезвитель;
храбрый, храбрость, храбриться;
член, членить, членский, вычленение;
чрево, чреватый, чревоугодник.

§ 70. Внимание к словам с полногласием и неполногласием не только будет способствовать успешному проведению словарно-стилистической работы в школе, но и, безусловно, повысит орфографическую грамотность учащихся. Именно поэтому выше были даны по возможности исчерпывающие списки слов с полногласием и неполногласием. Зная, что слова типа *борона, воробей, корова, поросенок, соловей, асфальтина, укоротить, проволока, наводочка* и др. относятся к словам с полногласными сочетаниями, учащиеся легко усвоят их написание. То же относится и к словам с неполногласием типа *отылекать, уылекать, прылекать, сокращать, сокра- щение, оторащение* и т. п., орфографическая трудность которых — в написании безударных гласных.

Учащимся полезно дать два ряда слов и предложить самостоятельно ответить, чем различаются родственные слова этих двух рядов:

- а) берег, голова, волочить, ворота, город, короткий;
- б) безбрежный, глава, влечь, врата, градостроительство, краткий.

СИСТЕМА БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ОРФОГРАФИЯ

§ 71. В заключение целесообразно остановиться на одном явлении в истории звуковой стороны русского языка, важном не только потому, что развитие этого явления определило общий характер фонетической системы русского литературного языка в области гласных, но и потому, что оно оказало определенное влияние на орфографию ряда русских слов. Речь идет об изменении в произношении безударных гласных.

§ 72. Исконно в древнерусском языке все гласные выступали в одном и том же качестве как в слоге под ударением, так и в безударных слогах. Иначе говоря, древнерусский язык не знал ослабления, или редукции, безударных гласных, какое знает современный русский литературный язык.

§ 73. В современном литературном языке гласные [a], [o] и [e], попадая в безударное положение, ослабляются (редуцируются) и изменяют свое качество, причем это изменение приводит к тому, что после твердых согласных [a] и [o], а после мягких — [o], [a]

сти и языке следующие слова, в которых написание безударной буквы а появилось под влиянием аканья:

опóрт (сорт яблок) (восходит к *опорт*, от названия г. Опорто в Португалии, или от названия р. Опороть в б. Черниговской губ.);

агинея (восходит к *охинея*, производному от *хинить* — «бранишь, хаять» с приставкой *о-*; *хинить* — от *хинь* — «вздор, чепуха»);

балаболка (восходит к *болоболка*, из праслав. **болбола*, в котором сочетание *оа* > *оло*; **бол-* — это звукоподражательный корень, как **гол-* в **голголъ* > *глагол* — «речь, слово»);

балагур (восходит к *балогур*, произведено с помощью соединительной гласной *о* от *бал-* (ср. укр. *балакать* — «говорить», бел. *бал-* — «разговор») + *гур* (ср. днал. *гуркать* — «рассказывать»);

балабайка (восходит к *балобайка*, см. *балагур*);

баламут (восходит к *баломут*, произведено с помощью соединительной гласной *о* от *бал-* (см. *балагур*) и *мѣть*, ср. (*возмутить*));

баран (восходит к *боран*, с тем же корнем, что *боров*);

барсук (восходит к *борсук*, заимствовано из казахского языка);

баян (восходит к *баян*, являющемуся переосмыслением собственного имени *Воян*, известного по «Слову о полку Игореве»);

ватрушка (восходит к *готрожька*, которое в свою очередь — результат метатезы *тѣсорожька*; кроме метатезы, в образовании современного слова сыграло свою роль влияние слов на *-ушка*);

галдеть (восходит к *голдетъ*, образованному от *голда* — «крик», «шум», которое произведено с суффиксом *-да* от звукоподражательного корня *гол* (см. *балаболка*);

забота (восходит к *зобота*, производному от *зобаться* — «заботиться, хлопотать», последнее от *зобъ* — «пища, еда», ср. *зоб*);

завтракать (восходит к *заутрокъ*, производному от *заутра* — «завтра» + суффикс *-ѣкъ* > *-ок*);

закавыка (восходит к *закавыка*, производному с приставкой *за-* от *ковыка* — «записка, помеха», образованному от *ковъ* — «оковы, путь», ср. *ковать*);

кавычка (восходит к *ковычка*, см. *закавыка*);

калач (восходит к *колач*, производному с суффиксом *-ач* от *коло* — «колесо», ср. *около*, *кольцо*);

каравай (восходит к *коровай*, производному с суффиксом *-ай* от *корова*);

каракатаца (восходит к *корокатаца*, производному с суффиксом *-ица* от *корокатъ*, последнее — от *корокъ* — «нога», ср. *око-рок*);

карануз (восходит к сложному слову, образованному с помощью соединительной гласной *о* от *коротый* — «короткий» и *нузо*: *коротонузо*; в результате выпадения слога — *коронузо*);

карачки (восходит к *корочки*, см. *каракатаца*; на звуковом облике слова сказалось и влияние глагола *укорачивать*);

карман (восходит к **корман**, заимствованному из тюркских языков);

краниса (восходит к **кранива**, которое является результатом метатезы **коприса**, производного от **копръ** — «анис, укроп»);

лодонь (восходит к **лодонь**, являющемуся результатом метатезы **долонь**, ср. ст.-слав. **длань**);

лантá (восходит к **лонта**, производному от **лон-**; тот же корень в **лоната**, **лонца**);

маирбóй (восходит к **маир-бóй**, производному от **мохра**, образованному с суффиксом **-ра** от **мох**);

палáта (восходит к **полата**, заимствованному из греч. языка);

парбóм (восходит к **пором**, производному от **переть** — «идти, ехать», с чередованием **е/о**);

перламýтр (восходит к **перл-мýтр**, являющемуся передачей с соединительной гласной **о** немецкого **Perlmutter**);

сатанá (восходит к **сатона**, заимствованному из греческого языка);

слабáне (восходит к **слабáне**, производному от **славо**);

таракáн (восходит к **таракан**, заимствованному из тюркских языков);

чехардá (восходит к **чехарда**, производному с суффиксом **-да** от **чехор** — «драчун, забияка»).

Многие слова, зафиксированные в данном словаре, мало-частотны, а некоторые из них малоизвестны учащимся. Однако этот словарь может послужить справочным материалом для учителя. Безусловно, основную часть этих слов включать в словарную работу учащихся нецелесообразно.

§ 77. До сих пор речь шла об отражении на письме фактов изменения безударных гласных после твердых согласных. Однако в русской орфографии есть и примеры закрепления безударных гласных после мягких согласных. К таким фактам относятся прежде всего следующие:

Написание **и** вместо **е**

даёти (восходит к **дальсти**, сложению форм двойств. числа **даль** и **сти**);

дитя (восходит к **дьятя**, ср. **дети** < **дѣти**);

мизинец (восходит к **мизиньцъ**, производному от **мизиний** — «маленький»);

сверёный (восходит к **свертьный**, производному с-суффиксом **-н** от основы **свер-** — «длинный, тяжелый»);

цинбóка (восходит к **ценовка**, производному от **ценовать**, образованному от диал. **цен** — «ряд, порядок»).

Написание **е** вместо **и(я)**

десна (восходит к **дясна** и далее — к **дясна**, с корнем *dent-; ср. **дантист**);

жмѣ (восходит к *жгоза*, производному с суффиксом -оза от диал. *жмѣ* — «кричать, шуметь»);
лебедь (восходит к *лебядь*, ср. *лебяжий*);
ресница (восходит к *рясница*, производному от *рясний* — «частый, крупный», образованному от *ряси* — «подвеска», с тем же корнем, что и *ряд*).

Таким образом, аканье как фонетическое явление современного русского литературного языка, не получая прямого отражения в орфографии, тем не менее обнаруживает себя в ряде закрепившихся написаний слов.

§ 78. В разделе «Фонетика» подробно показано, как постепенно развивались и совершенствовались речевые средства русского языка, как изменялись или исчезали некоторые фонемы, как появлялись новые фонемы.

Следует указать учащимся на то, что в школьном учебнике русского языка большое внимание уделено разграничению звуков и букв. В первом разделе учебника назван «Фонетика и графика».

В первую очередь изучаются звуки речи, так как звуковая, устная речь первична. Она появилась с незапамятных времен, ее возникновение связано с происхождением человека. Именно в звуках материально овеществляется язык. Если бы слова не существовали в виде звукосоответствий, то язык не мог бы выполнять свою основную функцию — быть важнейшим средством человеческого общения.

Письменная речь, как известно, появилась несравненно позже и при помощи начертательных знаков (букв) фиксирует устную речь.

В отличие от древнерусского языка, в современном языке часты случаи расхождений между звучащей речью и ее фиксацией на письме. Ср., например, произношение таких слов, как *сегодня*, *вода*, *пруд*, *белого*, *жалить*, *цирк*, *широкий* и т. п.

Глубокое и осознанное изучение фонетики, безусловно, будет содействовать повышению орфографической грамотности учащихся.

§ 79. При изучении фонетики рекомендуется уделить особое внимание темам, которые непосредственно связаны с правописанием. Речь идет прежде всего о редукции безударных гласных, которая является причиной устойчивых орфографических ошибок. Большое место в изучении звуковой системы языка занимают различные чередования звуков, которые возникли в разное время и часто связаны с различением смысла и формы слов, ср. *вести* — *водить*, *гореть* — *загар*, *беру* — *брать* — *собор* — *собирать* и т. д. Особенно распространено чередование *о* — *а* в глагольных формах совершенного и несовершенного вида¹: *смотреть* — *вы-*

¹ То же относится к глаголам с безударными гласными в корнях -лаг- — -лож- (см. учебник для IV класса, § 54) и -кас- — -кос- (см. учебник для V—VI классов, § 15), например: *касаться*, *излагать*, *предлагать* (несов. вид); *коснуться*, *изложить*, *предложить* (соверш. вид).

...*копать* — *выкапывать*, *выскочить* — *выскакивать* и т. п. Вызывают интерес чередования *ы* — *ов* — *ав* (типа *плыть* — *плывец* — *плавать*); *у* (*ю*) — *ов* (*ев*) (типа *ковать* — *кую*, *плавать* — *плюю*). Эти чередования связаны с законом открытых слогов.

§ 80. Особого рассмотрения заслуживают чередования согласных звуков. В школьном учебнике для IV класса (с. 139) дана краткая таблица чередований звуков в современном литературном русском языке. Однако с этим явлением учащиеся встречаются на протяжении всего школьного курса русского языка, так как словоизменение и словообразование часто сопровождаются чередованиями.

Необходимо уяснить сущность этого явления, которое встречается не только в современном и древнерусском языке, но и за пределами славянских языков.

Источником чередования являются позиционные изменения звуков. Иными словами: чередования согласных в строго определенных фонетических условиях зависят от положения какого-либо звука по отношению к другому. Возникнув в глубокой древности и будучи постоянными для данного языка, чередования на протяжении истории претерпели различные изменения. И главным из них является то, что из явления фонетического характера чередования обратились в факт морфологии: в современном русском языке чередования, которые не обусловлены фонетическими условиями, а играют роль дополнительного средства при словоизменении и словообразовании.

Так, например, в современном русском языке известны чередования *к/ч*, *г/ж*, *з/ш*: *рука* — *ручка*, *ножка* — *ручка*, *ножка* — *рубка*. Но ведь известно, что в истории языка *к*, *г*, *з* изменились в *ч*, *ж*, *ш* лишь в определенных позициях, а именно перед гласными переднего ряда и *й*. В современных словах с чередованиями *к/ч*, *г/ж*, *з/ш* таких позиций нет. Чем же объяснить появление таких чередований?

Дело в том, что в древнерусском языке суффикс существительных *-к(а)* имел вид *-ык(а)*: *рука*, *ножка*, *рубка*. Следовательно, *к*, *г*, *з* изменились в *ч*, *ж*, *ш* перед гласным переднего ряда, т. е. появление чередования этих согласных в приведенных словах было фонетически оправдано. В дальнейшем *ь* в слабой позиции исчез, а чередования сохранились и, потеряв позиционную обусловленность, стали характеризовать образование существительных с суффиксом *-к(а)*. Поэтому те же самые чередования обнаруживаются и во вновь образованных подобных существительных, в таких, которых не было в древнерусском языке: *бумага* — *бумажка*, *интрига* — *интрижка*, *клубника* — *клубничка*, *физик* — *физичка*.

Следует особо подчеркнуть, что чередования согласных наблюдаются только на границе морфем, т. е. там, где корень стыкуется с суффиксом или суффикс — с окончанием.

В древнерусском языке был суффикс *-ькъ*, который по фонетическим законам должен был преобразоваться и преобразовался в *-ек*: *орехъ* — *орешькъ* > *орешек*. Однако под ударением перед твердым согласным [е] изменилось в [о]: *день* — *денёк*, *стебель* — *стебелёк*, *най* — *наёк* и точно так же после шипящих: *дружок*, *белёк*, *флажок*, *кулачок*, *пятачок*, *сметок* и т. п. Так оказалось, что согласные *г, к, х* чередуются с шипящими не перед гласными переднего ряда, а перед [о].

Еще пример. В современном русском языке часты случаи чередования заднеязычных согласных *г, к, х* с шипящими *ж, ч, ш* перед суффиксом прилагательных *-н-*: *рука* — *ручной*, *нога* — *ножной*, *страх* — *страшный*. Это явление можно легко объяснить, если учесть, что суффикс *-н-* в древнерусском языке имел вид *-ьн-*. Редуцированный *ь* в слабой позиции исчез, а чередование сохранилось.

Особенно интенсивно происходит чередование в глагольных формах и образованиях. Учащиеся под руководством учителя могут сами подобрать различные примеры, выделив чередующиеся звуки: *искать* — *ищу*, *упростить* — *упрощать*, *ответить* — *отвечать* и т. п.

МОРФОЛОГИЯ

§ 81. Современная русская система форм словоизменения является результатом длительного исторического развития. В ней обнаруживается целый ряд явлений, которые могут быть поняты и объяснены лишь при условии учета исторических процессов в развитии морфологического строя древнерусского языка. Исторического комментария требуют формы всех частей речи современного русского языка, хотя не все из них в одинаковой мере подверглись изменениям в истории: одни части речи пережили существенные изменения, утерив ряд форм или изменив их облик, или развив новые формы; другие же сохранили во многом ту систему форм, какая была свойственна им и в прошлом. Кроме того, надо иметь в виду и то, что формы слов существуют не сами по себе и не сами для себя, а для выражения определенного значения, и поэтому изменение формы связано с изменением значения, которое ею выражается.

§ 82. Развитие морфологической системы русского языка от древнейших эпох до нашего времени определяется процессами упрощения форм, процессами упрощения системы форм словоизменения, причем упрощения, осуществляющегося путем объединения ранее различных групп слов по формам их изменения в одну группу. Это процессы, связанные с усилением абстрактности грамматических форм, когда слова, имеющие совершенно разное лексическое значение, с точки зрения образования форм относятся к одному и тому же классу.

Унификация связана, кроме того, с утратой многообразия форм одной части речи, с упрощением всей системы форм, с потере определенных значений другим, сохраняющимся в языке формам. Названные общие процессы получили различное конкретное воплощение в истории форм словозменения различных частей речи, и прежде всего в истории форм имен существительных.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 83. Система форм словозменения имен существительных, характеризующая современный русский язык, сложилась в результате преобразования системы этих форм, когда-то существовавшей в древнерусском языке.

В древнейшую эпоху истории русского языка имена существительные имели те же грамматические категории, что и теперь (за исключением категории одушевленности-неодушевленности), т. е. они относились к мужскому, женскому или среднему роду, изменялись по числам и склонялись. Однако и в родовой принадлежности, и в изменениях по числам, и в характере падежных форм древнерусские существительные имели ряд особенностей, которые определяли по существу совершенно новую, по сравнению с современной, систему словозменения этой части речи.

Род существительных

§ 84. Наиболее устойчивой, сохранившейся с XI в. до настоящего времени, явилась отнесенность существительных к одному из трех родов.

В современном русском языке род существительных, в первую очередь, различается морфологически (по окончанию им. пад. ед. ч.) и синтаксически (по согласованию). Но одних формальных признаков недостаточно, так как категория рода является также смысловой категорией. Вот почему при определении рода одушевленных существительных лексическое значение является определяющим признаком. Например, существительные *девушка, отец, женщина, юноша, сынчик, подмастерье, рантье* и др. по отношению к реальному полу, независимо от характера окончаний и основ, являются словами мужского рода.

В названиях животных выражение грамматического рода крайне несистематично. Так, у многих крупных животных, а также у животных, имеющих хозяйственное значение, реальное половое различие обозначается разными корнями или разными суффиксами (бык — корова, петух — курица, жеребец — кобыла; волчица, слон — слониха, лев — львица). Но в подавляющем большинстве случаев наименования животных принадлежат к одному какому-либо роду и половых различий не отражают (носорог, аист, реб, осетр; белка, кукушка, мышь, муха, щука).

Принадлежность неодушевленных существительных к роду обычно определяется не по лексическому значению, а только по морфологическим и синтаксическим признакам.

Род заимствованных несклоняемых существительных определяется различными правилами. Так, несклоняемые существительные, обозначающие лиц мужского и женского пола, относятся к соответствующему роду (например, *военный атташе, благородная леди*); несклоняемые одушевленные существительные, обозначающие животных, обычно относятся к мужскому роду (например, *лохматый шимпанзе, яркий фламинго*); однако, если имеется в виду самка, то синтаксическим способом обозначается женский род (например: *Шимпанзе родила олененка, Маленькая кенгуру поскочила в лес*).

Имеются случаи колебания в грамматическом роде (например, *скрид — скрира, клавиш — клавиша* и некоторые другие). Замечено, что чаще всего при колебании форм мужского и женского рода побеждает форма мужского рода¹.

Нестрога, нестройность и даже колебания в определении грамматического рода существительных объясняются тем, что категория рода отражает в языке не современное мышление, а мышление людей весьма далеких эпох. Поэтому связь между значением одушевленных существительных и их грамматическим родом в настоящее время нами уже не осознается.

§ 85. В целом распределение древнерусских существительных по родам совпадает с их современным распределением, хотя в некоторых случаях в истории языка произошло перераспределение; например, слова *перстень, лебедь, гусь* в древнерусском языке относились к женскому роду, а *печать, гортань, степень* — к мужскому роду. Ср. у Пушкина:

Глядь, поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

(«Сказка о царе Салтане».)

Число
существительных

§ 86. Подавляющее большинство склоняемых имен существительных выступают в двух числах — единственном и множественном и имеют шесть падежных форм в каждом из этих чисел. Это типичная для современного русского языка система, однако из нее выпадают две группы существительных: одна из них — это слова, имеющие только формы единственного числа, другая — слова, имеющие только формы множественного числа; подобные существительные, следовательно, обладают только шестью (а не двенадцатью) падежными формами. Кроме того, надо иметь в виду, что в русском языке не все падежные формы имеют разные окончания (например, в 3-м склонении род., дат. и предл. пад. ед. ч. равно оканчиваются на *-и*). Однако мы говорим о шестипадежной системе форм единственного и множественного числа, так как, независимо от

¹ Подробно см.: Горбачевич К. С. Наименование норм русского литературного языка. М., 1971, с. 154—168.

различия или одинаковости окончаний падежных форм, каждая из них выражает определенное, отличное от других форм, каждая из тем же окончанием) грамматическое значение.

§ 87. Существительные в древнерусскую эпоху выступали не только в единственном и множественном числах, но еще и в двойственном числе. Это значит, что когда древнерусские существительные употреблялись в сочетании с числительными *два, две* или когда речь шла о парных или о двух предметах, то в этих случаях существительные выступали в особых формах двойственного числа. Следовательно, в древнерусском языке особыми формами выражалось значение единичности (одного предмета или явления), значение двойственности (двух или парности предметов или явлений) и значение множественности (трех и более предметов или явлений); в современном же языке противопоставляются только единичность и множественность, т. е. «один — не один» (не важно — два, десять или тысяча). В современном языке отражается развитие абстрактности человеческого мышления, ибо вместо конкретной множественности, противопоставленной единичности («один — два — три — много») возникает абстрактная, более обобщенная множественность («один» — то не то, что «не один»), что и свидетельствует о прогрессе в развитии абстрагирования.

§ 88. Формы двойственного числа существительных были утрачены в истории русского языка, причем начало этой утраты относится к XIII в., и в современном языке этих форм по существу нет. Вместе с тем ряд явлений в морфологии и в лексике могут быть объяснены, если учитывать наличие особого двойственного числа в прошлой истории русского языка.

Для того чтобы разобраться в этих явлениях, необходимо прежде всего сказать, что существительные в двойственном числе имели всего три формы: одну для им. и вин. пад., другую — для род. и предл. пад., третью — для дат. и твор. пад. При этом для всех существительных вторая и третья формы имели одинаковые окончания: во второй форме — *-у*, а в третьей — *-ма* (например, род.-предл. пад. *столу, селу, коню, сынову, жену*, дат.-твор. пад. *столу, селу, коню, сыну, жене*), а в им.-вин. пад. у существительных мужского, среднего и среднего рода были разные окончания: в мужском роде — *-а, -я* или *-ы*, в женском и среднем — *-ь* или *-и* (например, *стол, коня, сыны, сел, сестры, поля, земли*). Итак, можно представить склонение существительных в двойственном числе в следующем виде:

И.-В.	<i>стола</i>	<i>коня</i>	<i>сыны</i>	<i>женъ</i>
Р.-П.	<i>столу</i>	<i>коню</i>	<i>сынову</i>	<i>жену</i>
Д.-Т.	<i>столома</i>	<i>конема</i>	<i>сынъма</i>	<i>женама</i>

И.-В.	<i>сель</i>	<i>поли</i>	<i>земли</i>	<i>кости</i>
Р.-П.	<i>селу</i>	<i>полю</i>	<i>землю</i>	<i>костю</i>
Д.-Т.	<i>селома</i>	<i>полема</i>	<i>земляма</i>	<i>котьма</i>

По двойственному числу склонялось и числительное *два*, *две* (по др.-русск. *дѣва*, *дѣвь*): им.-вин. *дѣва*, *дѣвь*, род.-предл. *дѣвою*, (а несколько позже — *дѣву*), дат.-твор. *дѣвьма*. При этом форма *дѣва* употреблялась только со словами мужского рода, а *дѣвь* — со словами женского и среднего рода; употребляясь в сочетании с *дѣва*, *дѣвь*, существительные согласовывались с ними в роде и падеже. Иначе говоря, если *дѣва*, *дѣвь* в древнерусском языке выступали в им.-вин. пад., то и существительные при них выступали также в им.-вин. пад. двойственного числа: *дѣва стола*, *дѣвь сестрь*, *дѣвь селю*; ср. в род.-предл. пад. *дѣвою столу*, *дѣвою сестру*, *дѣвою селю*; в дат.-твор. пад. *дѣвьма столома*, *дѣвьма сестрама*, *дѣвьма селюма*.

§ 89. Учитывая сказанное о формах древнерусских существительных в двойственном числе, о склонении числительного *два*, *две* и о связи форм этого числительного с существительными, можно объяснить некоторые явления современного русского языка. Проще всего объясняются некоторые лексические явления. Так, в современном русском языке есть целая группа слов с элементом *дву-* в своем составе: *двукольный*, *двуязычный*, *двубортный*, *двуручник* и т. п. Этот элемент *дву-*, как теперь ясно, представляет собой бывшую форму род.-предл. пад. от *дѣва*, *дѣвь*. Более старая форма этих падежей сохранилась в прилагательном *двужурочный* (а по аналогии с *двою-* возникло и *трою-*, выступающее теперь в *троюродный*; у числительного *три* такой формы исконно не было).

Еще одним лексическим следом бывшего двойственного числа является современное наречие *вочью*, представляющее собой по происхождению бывшую форму предл. пад. двойств. ч. от *око* — «глаз»: *вочью* (речь идет о «парном» предмете — о двух глазах человека).

§ 90. По происхождению формами им.-вин. пад. двойств. ч. являются формы множественного числа существительных мужского рода, обозначающих парные предметы и оканчивающихся на *-а*: *рогá*, *бокá*, *глазá*, *берегá*, *рукавá* (исконно им. пад. мн. ч. этих слов образовывался иначе: *рѡзи*, *бѡци*, *глаго*, *бѣрези*, *рукáви* — см. об этом ниже). Точно так же обстоит дело и с современными формами *плечи*, *колени*, от *плечо*, *колѣно*. Здесь надо иметь в виду, что в древнерусском языке первое слово выступало в виде *плече*, так как после мягкого [ч'] не могло быть [о], и поэтому склонялось по мягкому варианту, т. е. им.-вин. пад. двойств. ч. *плѣчи*, а им.-вин. пад. мн. ч. *плечá*. Эту последнюю форму можно найти еще у Пушкина: «...Умыть лицо, плеча и грудь» («Евгений Онегин»), но у него там же и: «Ах, милый, как похорошели у Ольги плечи...». Что же касается слова *колѣно*, то в древнерусском языке оно склонялось по твердому варианту и имело в им.-вин. пад. двойств. ч. окончание *-ь*: *колѣнь* (им.-вин. пад. мн. ч. *колѣна*); современное *коленí* с *и* на конце — это результат фонетического изменения [ѣ] в [и] (ср. то же самое изменение: *дѣтъ* > *дитя*).

В этом плане необъяснимой представляется форма *уши*, так как от слова *уха* в древнерусском языке им.-вин. пад. множ. ч. в результате выравнивания парадигмы — *ухе*). Существует предположение, что в древнерусском языке была форма *ушъ*, которая и могла иметь им.-вин. пад. двойств. ч. *уши* — форму, сохранившуюся до нашего времени. Возможно, так же объясняется и форма *ошъ* — как им.-вин. пад. двойств. ч. от не зафиксированного в памятниках *очъ*.

§ 91. Сложное обетопт дело еще с одним из тех, связанных в своем происхождении с действительным числом древнерусского языка. Речь идет о соотнесении существительного *два* с существительными. Мы говорим, что при *два*, *два* существительные употребляются в форме род. пад. ед. ч. Это верно, но исторически верно лишь отчасти, так как в одних случаях перед нами действительно род. пад. ед. ч., а в других — это только обозначенная форма существительного как род. пад. ед. ч., однако на самом деле перед нами иная форма.

Сравнивая древнерусское словосочетание *два сестры*, где оба слова выступают в форме им.-вин. пад. двойств. ч., с современным *две сестры*, мы можем сказать, что здесь действительно форма *сестры* является формой род. пад. ед. ч. Это очевидно в этом плане обетопт дело с формой *два* *сестра*, заимствованной древнерусское *ушь* *сестра*: здесь, во-первых, отразилось сближение в склонении слов мужского и среднего рода — отразилось в том, что при существительных среднего рода стала выступать форма *два*, как и при существительных мужского рода; во-вторых же, и здесь вместо утраченной формы действительного числа стала употребляться форма род. пад. ед. ч.

Возникает вопрос, почему произошли такие изменения, почему вместо формы им.-вин. пад. двойств. ч. при *два*, *два* слова женского и среднего рода стали выступать в форме род. пад. ед. ч.

Понять это можно, если обратиться к словам мужского рода в сочетаниях с *два*. Ведь в отличие от сочетаний *два*, *два* со словами женского и среднего рода, сочетания с существительными мужского рода не пережили видимых изменений. В им.-вин. пад. двойств. ч. подавляющего большинства этих существительных здесь было окончание *-а*, т. е. эта форма совпадала по окончанию с род. пад. ед. ч.

Следовательно, если в древнерусском языке *два стола* — это была форма им.-вин. пад. двойств. ч., то почему в современном языке *два стола* — не сохранение прежней формы, а новая форма род. пад. ед. ч.? Можно ли установить, какая форма действительного числа выступает в сочетании типа *два стола*? Оказывается, можно. И здесь важно обратить внимание на одно интересное явление в современном русском языке, а именно на то, что форма род. пад. ед. ч. у некоторых слов имеет ударение то на окончании *-а*, то на корне. При этом ударение на окончании оказывается только тогда,

когда
такая
часть
слого
стра
одна
послед
витель
в это
это де
пад. е
пад. д
ке им.
равно
дало
два ша
языка,
местом

§ 92

литель
Однако
она ста
типа *два*
пиях с
женско
След
сестра, *два*
нужно
род. пад.
сестра, *два*
чи в дей
внешего

Типы скла
существ

трех типа
была бол
больше, ч
по этим т
родам: су
разные тип
ся существ
существите
ным типам
так называ
всех трех р
принадлеж
§ 94. Об

когда существительное выступает в сочетании с *два*, а во всех остальных случаях — на корне. Так, например, мы говорим *два часа*, но нет ни *часа времени*, до *последнего часа*; *два шага*, но с *первого шага*; *два ряда*, но с *третьего ряда*. Чем объяснить такую странность? Объяснение можно найти в том, что перед нами не одна и та же форма, а две разные формы. В таких случаях, как *до последнего часа*, с *первого шага*, с *третьего ряда*, перед нами действительно форма род. пад. ед. ч. от существительных *час*, *шаг*, *ряд*, — в этом нет никакого сомнения, ибо сами конструкции отчетливо это доказывают. Но тогда в *два часа*, *два шага*, *два ряда* — не род. пад. ед. ч., а что-то иное. Это иное и есть форма бывшего им.-вин. пад. двойств. ч. Дело заключается в том, что в древнерусском языке им.-вин. пад. двойств. ч. и род. пад. ед. ч. слов мужского рода равно имели окончание *-а*, но в двойственном числе ударение падало на окончание, а в единственном — на корень. Отношения *два шага* и с *первого шага* являются следом прошлого состояния языка, когда две формы с одинаковым окончанием различались местом ударения.

§ 92. Итак, в современных сочетаниях слов мужского рода с числительным *два* сохраняется старая форма им.-вин. пад. двойств. ч. Однако в связи с тем, что двойственное число было утрачено, она стала осознаваться как форма род. пад. ед. ч. Но раз формы типа *два стола* стали восприниматься как род. пад., то и в сочетаниях с *два* слов среднего рода, а затем и в сочетаниях с *две* слов женского рода начали употребляться формы род. пад. ед. ч.

Следовательно, говоря теперь, что в сочетаниях *два стола*, *два села*, *две рыбы* существительные выступают в форме род. пад. ед. ч., нужно иметь в виду, что формы *села* и *рыбы* — это действительно род. пад., заменивший исконную форму им.-вин. пад. двойств. ч. *селя*, *рыбь*, а форма *стола* только осознается как род. пад., будучи в действительности формой им.-вин. пад. двойств. ч., существовавшей в древнерусском языке.

§ 93. В отличие от современного состояния русского языка, где существительные, за небольшим исключением, изменяются только по трем типам склонения, система склонения в древнерусском языке была более сложной. Во-первых, самих типов склонения было больше, чем теперь, а во-вторых, распределение существительных по этим типам было менее тесно связано с распределением их по родам: существительные одного и того же рода могли входить в разные типы склонения, и в одном типе склонения могли оказаться существительные разной родовой принадлежности. Например, существительные мужского рода могли относиться к четырем разным типам склонения. С другой стороны, в один тип склонения (с так называемой основой на согласный) входили существительные всех трех родов, т. е. эти существительные, независимо от родовой принадлежности, имели одинаковые падежные формы.

§ 94. Общий путь изменения типов склонения существитель-

ных в русском языке представляется достаточно простым и ясным: во-первых, это сокращение числа типов за счет утраты одних и закрепления позиций других, во-вторых, это унификация, обобщение различных падежных форм.

Рассмотрим современные типы склонений имен существительных в сравнении с древнерусскими.

§ 95. 1-е склонение имен существительных в наибольшей степени сохраняет как состав слов, входящих в этот тип, так и формы падежей древнерусского языка. Для того чтобы убедиться в этом, сопоставим склонение существительных, например *высота* и *земля*, в современном и древнерусском языках ¹:

	др.-русс.	совр.	др.-русс.	совр.
Ед. ч. им.	<i>высота</i>	<i>высота</i>	<i>земля</i>	<i>земля</i>
род.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>земль</i>	<i>земли</i>
дат.	<i>высотѣ</i>	<i>высоте</i>	<i>земли</i>	<i>земле</i>
вин.	<i>высоту</i>	<i>высоту</i>	<i>землю</i>	<i>землю</i>
твор.	<i>высотой</i>	<i>высотой</i>	<i>землею</i>	<i>землею</i>
		(предл.)		(предл.)
местн.	<i>высотѣ</i>	<i>высоте</i>	<i>земли</i>	<i>земле</i>
Мн. ч. им.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>земль</i>	<i>земли</i>
род.	<i>высотѣ</i>	<i>высот</i>	<i>земль</i>	<i>земель</i>
дат.	<i>высотамъ</i>	<i>высотам</i>	<i>землямъ</i>	<i>землям</i>
вин.	<i>высоты</i>	<i>высоты</i>	<i>земль</i>	<i>земли</i>
твор.	<i>высотами</i>	<i>высотами</i>	<i>землями</i>	<i>землями</i>
		(предл.)		(предл.)
местн.	<i>высотахъ</i>	<i>высотах</i>	<i>земляхъ</i>	<i>землях</i>

Если рассмотреть твердый вариант данного типа склонения, то можно установить, что, кроме фонетического изменения [ѣ] в [е] и утраты конечного редуцированного [ъ], никаких изменений в склонении слов женского рода на -а не произошло, т. е. современное 1-е склонение в его твердом варианте сохраняет древнерусские падежные формы.

Как будто бы больше изменений претерпел мягкий вариант склонения этого типа, однако если внимательно рассмотреть современную и древнерусскую парадигмы склонения слова *земля*, то можно обнаружить, что изменение падежных форм шло по одной линии — по линии сближения с твердым вариантом. Ведь если в древнерусском языке отличия твердого и мягкого вариантов были связаны с тем, что окончания в ряде падежей были различными (-ы — -ѣ, -ѣ — -и), то в современном языке эти отли-

¹ Здесь и в дальнейшем при сопоставлении парадигм древнерусского и современного склонений не учитываются формы двойственного числа, которые были утрачены в истории русского языка (об этих формах см. выше § 88—92).

чия связаны только с твердостью или мягкостью конечного согласного основы, падежные же окончания в твердом и мягком вариантах склонения одни и те же, причем исконны из них окончания твердого варианта.

Вместе с тем, конечно, и в мягком варианте обнаруживаются изменения фонетического происхождения: во-первых, это произношение [о] после мягкого согласного в твор. пад. вместо древнерусского [е] (*землѣй* < *землей*); во-вторых, это утрата редуцированных [ъ] и [ь] на конце падежных форм; в-третьих, наконец, это развитие беглого [е] в род. пад. мн. ч.

Современное 1-е склонение сохраняет и основной состав существительных, входивших в этот тип в древнерусском языке. Однако вместе с тем в это склонение теперь входят и такие существительные женского рода, которые в древнерусском языке относились к другому типу склонения. Этих существительных немного: к ним относятся *бу́ква*, *ты́ква* (др.-русск. им. пад. ед. ч. *букы*, *тыкы*, род. пад. ед. ч. *букѣе*, *тыкѣе*), а также, предположительно, *Москва* (др.-русск. *Москы* — *Москѣе*). Попад под влияние основной массы слов женского рода на -а, эти существительные изменили форму именительного падежа и утратили свое исконное склонение.

2-е склонение
существительных

§ 96. Процесс образования современного 2-го склонения существительных был сложнее. Составление современных и древнерусских парадигм существительных начнем с единственного числа:

	др.-русск.	совр.	др.-русск.	совр.
Ср. р. им.	<i>сѣло</i>	<i>село</i>	<i>поле</i>	<i>поле</i>
род.	<i>села</i>	<i>села</i>	<i>поля</i>	<i>поля</i>
дат.	<i>селу</i>	<i>селу</i>	<i>полю</i>	<i>полю</i>
вин.	<i>село</i>	<i>село</i>	<i>поле</i>	<i>поле</i>
твор.	<i>селѣмь</i>	<i>селом</i> (предл.)	<i>полѣмь</i>	<i>полем</i> (предл.)
местн.	<i>сель</i>	<i>селе</i>	<i>поли</i>	<i>поле</i>
Муж. р. им.	<i>столѣ</i>	<i>стол</i>	<i>мѣчь</i>	<i>меч</i>
род.	<i>стола</i>	<i>стола</i>	<i>мѣча</i>	<i>меча</i>
дат.	<i>столу</i>	<i>столу</i>	<i>мѣчу</i>	<i>мечу</i>
вин.	<i>столѣ</i>	<i>стол</i>	<i>мѣчь</i>	<i>меч</i>
твор.	<i>столѣмь</i>	<i>столом</i> (предл.)	<i>мѣчьмь</i>	<i>мечом</i> (предл.)
местн.	<i>столѣ</i>	<i>столе</i>	<i>мѣчи</i>	<i>мече</i>

Сопоставление форм падежей в единственном числе со всей очевидностью показывает, что, кроме фонетических процессов, связанных с изменением [ѣ] в [е], «проявлением» сильных [ъ] и [ь] в [о] и [е] и утратой конечных слабых [ъ], [ь] с последующим отвердением [м'] в твор. пад., было лишь одно изменение падежной формы: в местном (предложном) падеже вместо *мѣчи*, *поли* появи-

лось (о) мече, поле, как само собою ясно, под влиянием формы (о) столе, селе в твердом варианте (такое же выравнивание наблюда-лось и в истории 1-го склонения).

§ 97. Во множественном числе именения коснулись по су-ществу всех падежей, кроме именительного-винительного, а для твердого варианта и родительного.

	др.-русск.	совр.	др.-русск.	совр.
Муж. р. им.	столи	столы	мьчи	мечи
род.	столъ	столов	мьчъ	мечей
дат.	столомъ	столам	мьчѣмъ	мечам
вин.	столи	столы	мьчи	мечи
твор.	столи	столы (предл.)	мьчи	мечами (предл.)
местн.	стольхъ	столах	мьчихъ	мечах
Ср. р. им.	села	сѣла	поля	поля
род.	селъ	сел	поль	полей
дат.	селомиъ	селоам	полемиъ	полями
вин.	села	сѣла	поля	поля
твор.	сѣлы	сѣлами (предл.)	поли	полями (предл.)
местн.	сельхъ	сѣлах	полихъ	полях

Здесь прежде всего следует отметить явления, связанные с дат., твор. и предл. (местн.) пад., где как в среднем, так и в муж-ском роде вместо исконных форм появились окончания -ам (-ям), -ами (-ями), -ах (-ях), т. е. такие же, какие издавна имели суще-ствительные женского рода на -а, -я. Иначе говоря, склонение слов на -а, -я оказалось не только наиболее устойчивым, но и та-ким, формы которого вытесняли исконные образования в другом типе склонения. Именно влиянием слов на -а, -я и объясняется единство форм дат., твор. и предл. пад. мн. ч. современных 1-го и 2-го склонений.

Пожалуй, единственным остатком старой формы дат. пад. мн. ч. является современное наречие *подолом*, представляющее собой по происхождению сочетание предлога *по* с дат. пад. мн. ч. от *до*.

Для мужского рода можно отметить также установление одина-ковых форм им. и вин. пад. мн. ч.: в твердом варианте -ы (т. е. старый винительный падеж вытеснил исконную форму именитель-ного падежа).

В род. пад. мн. ч. мягкого варианта этого типа склонения вме-сто прежней формы, равной чистой основе, появилась форма, по происхождению восходящая к род. пад. мн. ч. 3-го склонения, о котором подробно будет сказано дальше.

§ 98. Особого внимания заслуживает форма род. пад. мн. ч. твердого варианта мужского рода, по ее рассмотрению требует не-скольких предварительных замечаний.

Прежде всего следует сказать, что слова мужского рода твердого варианта 2-го склонения характеризуются определенной вариативностью окончаний некоторых падежей. Такая вариативность наблюдается как в единственном, так и во множественном числе. В единственном числе вариативны окончания родительного и предложного падежей.

В родительном падеже при господствующем окончании *-а* в определенных случаях выступает еще окончание *-у*; это наблюдается в так называемом родительном паритивном (обозначение части целого): *кусоч сахарау*, в сочетании с предлогом *из*: *из лесу* и в некоторых иных сочетаниях: *много народу*, *много шуму*.

В предложном падеже при господствующем окончании *-е* (и *-ю*) также в определенных случаях выступает окончание *-у*; это наблюдается в конструкциях с пространственным значением: *в саду*, *в лесу*, а иногда и с временным: *в прошлом году*.

Во множественном числе вариативность охватывает родительный падеж, где при господствующем окончании *-ов* относительно редко, но все же отчетливо выступает и форма, равная чистой основе: *много раз*, *без сна*, *без страха*, *нет глаз*, *пять челошек* и т. д.

В древнерусском языке форм род. и местн. пад. ед. ч. на *-у* и род. пад. мн. ч. на *-ов* у большинства слов не было. Следовательно, эти формы вторичны, относительно новы в истории русского языка, и поэтому возникает вопрос, откуда они могли появиться.

Объяснение можно найти, если учесть, что не все слова мужского рода с окончанием в мн. пад. *-ъ* (а после его утраты оканчивающиеся на твердые согласные) относились к тому типу склонения, который развился в современное 2-е склонение; они могли относиться и к другому типу и иметь иные падежные формы. И действительно, в древнерусском языке небольшая группа существительных мужского рода на *-ъ* образовывала особый тип склонения. В эту группу входили слова *сынъ*, *оомъ*, *сиръ* (*сиръ*), *болъ*, *полъ* (в значении «половина»), *лебъ*, *мессъ* и, может быть, некоторые другие. Для нас важно, что эти существительные в род. и предл. пад. ед. ч. имели окончание *-у*, а в род. пад. мн. ч. — *-овъ*. В связи с тем что слова, например *столъ* и *сынъ*, относившиеся к разным типам склонения, по форме именительного падежа не различались, оба эти типа стали сближаться друг с другом, взаимно воспринимая окончания косвенных падежей. А так как группа слов, склонявшихся по типу *сынъ*, была малочисленна, то в процессе взаимодействия двух склонений она утратила свои прежние формы и приобрела формы слов типа *столъ*. Однако ее прежние формы не исчезли бесследно, а были использованы языком. Совершенно ясно, почему в род. пад. мн. ч. господствующее положение заняла форма на *-ов*: неконная форма род. пад. мн. ч. слов типа *столъ* совпадала с формой им. пад. ед. ч. и потому была «не выразительна»; у слов же типа *сынъ* эта форма не совпадала ни с какой другой падежной формой; понятно, что язык использовал ее для укрепления внутрипадежного противопоставления.

Что касается «сосуществования» окончаний *-а* и *-у* в род. пад., *-е* и *-у* в предл. пад. ед. ч., то, как уже было сказано, формы на *-у* в современном языке отличаются от форм род. пад. на *-а* и предл. пад. на *-е* значением. Не случайно некоторые лингвисты считают, что в русском языке есть не только родительный падеж с окончанием *-а*, но и особый количественно-определятельный падеж с окончанием *-у*; не просто предложный падеж, а назывательный с окончанием *-е* и местный с окончанием *-у*.

§ 99. Итак, современное 2-е склонение образовано из двух древнерусских склонений. Одно составило его костяк (слова типа *стол*, *конь*); а другое вошло в него и передало ему некоторые свои формы (слова типа *сынъ*, *дочь*). Но это еще не весь состав современного 2-го склонения: сюда вошли также все слова мужского рода на мягкий согласный (типа *слово*, *служба*, *гость*), об истории которых подробно будет сказано ниже, и три группы слов, относившиеся прежде к полностью разрушившемуся особому склонению с так называемой основой на согласный. Все эти три последние группы были малочисленны по составу, и в них входили существительные мужского и среднего рода, характеризовавшиеся тем, что в косвенных падежах они имели особые суффиксы, оканчивавшиеся в своем исконном виде разными согласными.

§ 100. Первая группа — это слова, имевшие в им. пад. ед. ч. формы *камы* — «камень», *реми* — «ремень», *плази* — «пламень», *креми* — «кремень», *ямы* — «ячмень», а также *дьнь* — «день» и *корень*; а в родительном и других косвенных падежах принимавшие суффикс *-ен-*: *камене*, *ремене*, *пламене*, *кремене*, *ямене*, *дьне*, *корене* и т. п. В результате устоявшегося в им. пад. (по образцу вин. пад.) форм *камень*, *ремень* и *ячмень* все эти слова сблизилась с мягким вариантом склонения типа *го* и приобрели формы этого склонения. Только существительное *пламя*, появившись под влиянием существительных типа *имя*, *смыч*, изменило форму им. пад. в *пламя* и перешло в группу существительных среднего рода, которые ныне являются разносклоняемыми. Форма *пламень* встречается в поэтической речи. См., например, у Пушкина:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

(«Евгений Онегин».)

Купицыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень...

(«19 октября», 1825.)

§ 101. Вторая группа — это существительные среднего рода *слово*, *тѣло*, *чудо*, *небо*, *коло*, *око*, *ухо*, которые в косвенных падежах принимали суффикс *-ес-*: род. пад. *словесе*, *тѣлесе*, *чудесе*, *небесе*, *оцесе*, *ушесе*.

Нетрудно понять, что склонение этих слов не могло оказаться устойчивым: совпадение форм им. пад. ед. ч. данных существительных и многочисленных слов среднего рода, склонявшихся по типу *село*, не могло не привести к сближению этих двух склонений и к утере существительными типа *слово* исконных надежных форм. Однако процесс здесь оказался несколько необычным, ибо утрата суффикса *-ес-* в косвенных падежах у существительных *чудо* и *небо* и переход их в склонение типа *село* обнаруживается только в единственном числе; в надежных же формах множественного числа суффикс *-ес-* у них сохраняется: *чудеса*, *небеса*. Слова же *слово* и *тыло*, как и *око*, *уто*, полностью утратили суффикс *-ес-* и склоняются по типу *село*. В современном языке иногда употребляются образования *словеса*, *телеса*, но только с ироническим оттенком. См., например, у Маяковского.

А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими *словесами*,
то вот вам,
товарищи,
мое *стило*,
и можете
писать
сами!
(«Разговор с фининспектором о поэзии».)

Безмозгий,
и две ноги для ляганий,
вот — портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
словно *леся*.
Из этих лесов
глядят *телеса*.
(«Хулиган».)

В особом положении оказалось слово *коло*, которое, хотя и изменяется теперь по 2-му склонению, но только не утратило суффикс *-ес-* в надежных формах, но приобрело его и в им. пад. ед. ч.: *колесо*, *колеса*.

Судя по фактам современного русского языка, процессы преобразования склонения слов рассматриваемого типа шли очень рано: уже в древний период истории русского языка надежные формы с суффиксом *-ес-* не были свойственны живой народно-разговорной речи, хотя и сохранялись в памятниках письменности как сугубо книжные элементы. Об этом свидетельствует то, что производные от слов с бывшим суффиксом *-ес-*, существующие те-

перь и характерные для живого разговорного современного языка, образованы от форм, не имеющих в своем составе *-ес-*; например, *последница*, *дословный* — от *слово*, *чудный*, *чудак* — от *чудо*, *тельняшка*, *нательный* — от *тело*. И наоборот, производные, имеющие в своем составе древний суффикс *-ес-*, носят явно книжный, более «высокий» характер: *небесный*, *чудесный*, *тлесный*, *словесность*. И вновь в особом положении здесь оказываются производные от *коло* — *колесо*: в связи с тем что исконное *коло* было вытеснено формой *колесо*, закрепившейся в народно-разговорном языке, производные от обеих этих форм равно принадлежат этому языку, стилистически не различаются; например, в современном языке есть и производные от *коло* — *около*, *окольный*, *околица*, *кольцо*, *коловорот*, и производные от *колесо* — *колесный*, *околесица*, равно относящиеся к живой народной речи.

§ 102. Третья группа — это существительные, относившиеся к среднему роду и обозначающие детенышей живых существ. Эта группа также была немногочисленной. Им. и вин. пад. ед. ч. у этих слов оканчивался на *-а* («а») после мягкого согласного: *теленя* — «теленёк», *ослята* — «осляенок», *козлята* — «козляенок», *ягнята* — «ягняенок» и т. д., а в других падежах эти слова имели суффикс *-ат-* (*-ят-*), также после мягкого согласного: род пад. *теленята*, *осляята*, *козляята*, *ягнята*. К этой группе принадлежало и слово *дитя* — «ребенок», род. пад. *дитяти*.

В истории русского языка эта группа слов пережила серьезные изменения. Формы им. пад. ед. ч. приобрели суффикс *-енок* (*-ёнок*). Это обстоятельство вызвало переход рассматриваемых существительных в категорию слов мужского рода, склоняющихся по типу *стол*. Суффикс *-ёнок* проник не только в именительный падеж, но и во все остальные падежные формы единственного числа, и парадигма склонения в единственном числе слов типа *теленёк*, *осляенок* ничем принципиально не отличается от парадигмы склонения слов типа *стол*. Однако во множественном числе положение оказалось иным. Суффикс *-ат-* (*-ят-*) здесь сохранился во всех падежных формах, хотя в остальном эти формы образуются так же, как и формы множественного числа слов среднего рода. Таким образом, существительные типа *теленёк* — *теленята* относятся целиком ко 2-му склонению, хотя образование их падежных форм и отличается определенным своеобразием.

§ 103. Эта группа слов требует еще нескольких замечаний. Во-первых, в древнерусском языке в нее входило существительное *робя* — «дитя, ребенок», которое, как и другие слова этой группы, изменилось первоначально в *робенъкъ*, а далее (вследствие уподобления гласного первого предударного слога гласному под ударением) — в *ребенкъъ*. Это слово по существу вытеснено из живого языка слово *дитя* (фонетически из *дѣтя*), сохраняющегося теперь лишь в поэтической речи.

Во-вторых, на протяжении истории развития русского языка эта группа слов все время пополнялась, причем продуктивность

модели существительных па -*енок* (-*ёнок*) и -*ята* (-*ята*) оказалась в том, что эти существительные стали возможны не только как названия живых существ, но и как названия неодушевленных предметов, а обозначая живые существа, они не обязательно обозначают детенышей взрослых животных или людей. Например, *поваренок* — *поварята*, *постреленок* — *пострелята*, *октябренок* — *октябрята*; да и слово *ребята* уже не соотносится теперь со словом *ребенок*, а употребляется в более широком значении. Что же касается «неодушевленных» образований по этой модели, то здесь прежде всего следует сказать о двух словах, называющих грибы: *опенок* — *опята* — это образование от слова *пень*, а *масленок* — *маслята* — от *масло*; само собой разумеется, что такие образования не могут быть исконными и очень древними — они возникли как результат влияния продуктивной словообразовательной модели. Ср. еще образования *лосенок* у Маяковского и *лосята* у Есенина:

Откуда болящая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный *любеночек*.

(Маяковский. «Облако в штанах».)

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

(Есенин. «Там, где капустные грядки».)

В-третьих, наконец, формы типа *теля*, *теляте* и др. обнаруживаются как в устойчивых выражениях — поговорках и поговорках, так и в произведениях русских писателей XIX в. Всем известно, например, такие поговорки, как *Ласковое телят двух маток сосет*, *Нашему теляти да волка поймать*, а также: *А козочки котя такое же дитя*, *Овин с осом — жеребья с хвостом*, которые можно найти в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Именно в подобных устойчивых народных выражениях и удержались разнообразные старые падежные формы рассматриваемых слов.

Что касается фактов употребления таких форм в литературном языке XIX в., то они связаны исключительно с существительным *дитя*. Так, архаические формы этого слова можно найти в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Не тот ли вы, к кому меня еще с пелен, Для замыслов каких-то непонятных, *Дитей* возили на поклон»; «А, помню, ты *дитей* с ним часто танцевала». Однако эта форма не исконная [должно быть *дитятю* (-ей)], а уже подвергшаяся влиянию слов женского рода на -а, -я. Исконная же форма твор. пад. обнаруживается у Пушкина в «Сказке о попе и работнике его Балде»: «...кашу заварит, пачется с *дотятней*»,

«Капитанской дочке»: «Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за *дитятей*». Ср. такую же форму у Достоевского: «А будешь ли ты умным *дитятей*» («Неточка Незванова»). У Пушкина же встречается и старая форма род. смерти барского *дитяти*, в «Станционном смотрителе»: «Что тебе не любил мой Души, я ль не лелеял моего *дитяти*», в «Арапе Петра Великого»: «... Не погуби ты своего родимого *дитяти*». Интересно заметить, что существительное *дитя* у Пушкина колеблется в роде: оно выступает то как слово среднего рода, то как мужского, например: «Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как *дитя* *глупое*» («Дубровский») — ср. р., но: «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, *дитя* *умит*, *причесан*, *накормлен*» («Капитанская дочка») — муж. р.

§ 104. Если сравнить современное 3-е склонение существительных с соответствующим склонением древнерусского языка, то нетрудно заметить, что в системе надежных окончаний слов, входящих в это склонение, в истории русского языка не произошло почти никаких серьезных изменений:

		др.-русск.	совр.
Ед. ч.	им.	<i>кость</i>	<i>кость</i>
	род.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	дат.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	вин.	<i>кость</i>	<i>кость</i>
	твор.	<i>костьюю</i>	<i>костью</i> (предл.)
	местн.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
Мн. ч.	им.	<i>кости</i>	<i>костей</i>
	род.	<i>костей</i>	<i>костей</i>
	дат.	<i>костямъ</i>	<i>костям</i>
	вин.	<i>кости</i>	<i>кости</i>
	твор.	<i>костями</i>	<i>костями</i> (предл.)
	местн.	<i>костяхъ</i>	<i>костях</i>

Как можно установить, сопоставляя эти парадигмы, изменения коснулись лишь форм дат., твор. и предл. (местн.) пад. мн. ч. проявилась общая для всех существительных древнерусского языка тенденция подчинения этих форм форм склонения существительных на -а, -я (ср. выше об истории этих форм у существительных 2-го склонения, § 97). Однако в современном русском литературном языке сохранились некоторые следы старого твор. пад. мн. ч. с окончанием -ми, восходящим к форме этого падежа в древнерусском склонении слов типа *кость*. Речь идет здесь, во-первых, о формах *лошадьми*, *детьми*, *людьми* (надо иметь в виду, что слова *дети* и *люди* во множественном числе склонялись по образцу рас-

считаемых существительных) и *костями* по фразеологическом сочетании *лечь костями*. Кроме того, в ряде случаев наблюдаются колебания в форме твор. пад. мн. ч., например *дверями* и *дверьми*, а в литературном языке XIX в. форм на *-ми* было значительно больше; ср. например:

Тогда бы дни я *радостьюми* считал.

(Батюшков. «Гибудлова элегия».)

Ах! горько наслаждаюсь под шбом благодатным
Живыми *прелестьюми* роскошныя весны...

(Катенин. «Мир поэта».)

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя *цепьми*, склонивши выю,
Она молилась за царя.

(Языков. «Элегия».)

А ведь вороп ни жарят, ни варят:
Так мне с *гостями* немудрено ужиться...

(Крылов. «Ворона и Курица».)

Жадно питаюсь там *землемы* и водой запивал
Пищу...

(Жуковский. «Одиссея», XIII.)

И, видя жертвы меж кустов,
Костями хватает вдруг.

(Лермонтов. «Кавказский пленник».)

Питомец резвой Карабаха
Прядет *ушми*...

(Лермонтов. «Демон».)

Вздохнул, пожал *плечьми*...

(Батюшков. «Странствователь и Домосед».)

§ 103. Что касается формы род. пад. мн. ч., то изменение древнерусского *-ий* в современное *-ей* носит чисто фонетический характер и потому не означает морфологического изменения формы, однако важно здесь и то, что эта форма не только сохранилась в современном языке, но, как уже говорилось, оказалась очень влиятельной. Она проникла в мягкий вариант 2-го склонения существительных как мужского, так и среднего рода: формы типа *коней*, *полей* или *морей* вытеснили старые формы этого падежа *конь*, *пожь* или *поль*, *морь*.

Здесь следует обратить внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь. В древнерусском языке к мягкому варианту склонения слов мужского и среднего рода (современное 2-е склонение) относились, среди прочих существительных, имеющие перед конечным гласным [ы] мягкие шипящие и мягкий [ц]: *нозѣь, шалаши, ткачи, плащѣ, дѣждѣ, отцѣ; плече, рубинѣ, лице, колѣце*. Когда в род. пад. мн. ч. возникло влияние формы этого падежа на -ий > -ей (из склонения типа *кость*), оно не коснулось слов среднего рода, сохранивших прежнюю форму, подвергнувшись лишь некоторым фонетическим преобразованиям: ср. *плечѣ* > *плечѣ*, *рубинѣ* > *рубинѣ*, *лицѣ* > *лицѣ*, *колѣцѣ* > *колѣцѣ*. В мужском же роде развилось, на первый взгляд, странное явление. Как известно, в истории русского языка шипящие [ш], [ж] и свистящий [ц] отвердели, а [ч], [щ] сохранили мягкость. Казалось бы, когда в словах мужского рода современного 2-го склонения происходило становление новых форм род. пад. мн. ч. с окончанием -ей в твердом и -ей в мягком варианте, существительные на шипящие и ц должны были бы получить разные окончания в зависимости от того, отвердели или не отвердели к этому времени данные согласные; если они еще были мягкими, то данные слова должны были бы получить в род. пад. мн. ч. окончание -ей (как и *кости* — *костей*), а если они уже отвердели — окончание -ев (как и *столѣ* — *столов*). На самом же деле оказывается, что слова на [ш], [ж], [ч'], [щ'] усвоили окончание -ей, а слова на [ц] — -ев (ср. *нозѣи, шалашей, ткачей, рубинѣи, стѣнов, братѣев*). Если сравнить -ей у слов с конечными [ш], [ж], [ч'], [щ'] не вызывает сомнения, то такие формы у слов на [ц] кажутся неправомерными, ведь [ц] отвердело в истории русского языка лет на двести позже, чем [ш] и [ж], и, казалось бы, все должно было быть наоборот: у существительных на [ш], [ж] род. пад. мн. ч. должен оканчиваться -ев (-ев), а у слов на [ц] — на -ей. Чем можно объяснить такую «нормальность»?

Для понимания данного явления необходимо учесть, что, как видно, влияние со стороны склонения типа *кость* на мягкий вариант 2-го склонения мужского рода шло таким образом, что уподоблению формы подвергались слова этого склонения, которые были сходны по звуковому составу. Иначе говоря, слова со словами неконного склонения типа *кость* существовали, в связи с тем, что в последнем, 3-м склонении были существительные женского рода на -яго (*рыбѣи* > *рыбѣи*), -иш (*ночь*), -ищ (*вѣищѣ*), имеющие род. пад. мн. ч. с окончанием -ей. В связи с этим существительные мужского рода с таким же звуковым составом конца слова (существительные *нозѣи, шалаши, ткачи, плащѣ*) могли уподобиться указанным существительным женского рода и получить в род. пад. мн. ч. такое же окончание -ей. И наоборот, так как в склонении типа *кость* не было существительных женского рода на -ищ, слова мужского рода 2-го склонения на -ищ (*отцѣи*) оказались изолированными от такого влияния.

пия и по
авта того
лось и от
§ 106.
существо
сом в его
к данному
существо
рода типа
ялика эти
Один из п
женско
ань, с
составе
три муж
— в
ми *нош*
И толь
рода, с
и склон
в данно
род. и
или -и
сбереже
его скло
зину особ
того слов
заговорно
снот, на
ца. Но из
и сохр
их существ
спиривае
Вроде с
и, произ
в русском
архому тип
и вин. пад
крос, аю
собр, -и
же, или с
лова с су
торях и бы
Разнослон
существо
склоняемым
ется по 3-му

ния и подверглись воздействию близких им основ твердого парилита того же 2-го склонения (т. е. под воздействием *столов* появилось и *отцов*).

§ 106. Если вернуться к рассмотрению истории 3-го склонения существительных, то следует подчеркнуть, что главным процессом в его развитии было «сокращение» состава слов, относящихся к данному склонению: в прошлом в этот тип входили не только существительные женского рода, но и существительные мужского рода типа *тесть*, *гость*, *голубь*, *огонь* и т. д. В истории русского языка эти последние существительные пережили разную судьбу. Одни из них изменили родовую принадлежность и перешли в слова женского рода; так случилось, например, со словами *лесть*, *гортань*, *стенень*; естественно, эти существительные сохранились в составе 3-го склонения. Другие же, оставшиеся существительными мужского рода, вышли из этого склонения в «типично мужское» — в мягкий вариант 2-го склонения: так случилось со словами *тесть*, *зять*, *огонь*, *голубь*, *желудь* и т. д.

И только одно слово *путь* являлось существительным мужского рода, сохранило свои старые падежные формы, т. е. осталось в 3-м склонении. Здесь надо иметь в виду, что в древнерусском языке в данном типе склонения существительные женского и мужского рода имели разные формы твор. пад. ед. ч.: в женском роде — *-ью* (или *-ию*), а в мужском — *-ми* > *-ем*. Существительное *путь* в современном русском языке и отличается от слов женского рода 3-го склонения именно этой формой: ср. *костью*, но *путем*. Причину особой судьбы существительного *путь* видят в книжности этого слова (в древнерусском языке параллельно существовало разговорное *дорога*), в том, что оно могло употребляться в переносном значении, в составе устойчивых сочетаний, в качестве термина. Но как бы то ни было, важно помнить, что существительное *путь* сохраняет свои исконные падежные формы в отличие от других существительных мужского рода, ранее относившихся к рассматриваемому типу.

Вместе с сокращением числа слов, входивших в данное склонение, произошло и некоторое расширение их состава в связи с переходом сюда ряда существительных, исконно принадлежавших к другому типу склонения и имевших в им. пад. ед. ч. окончание *-и*, а в вин. пад. *-ъвь* > *-овь*. К таким словам относятся *кры* — *крысьи* > *кровь*, *любы* — *любъвь* > *любовь*, *църки* — *църкъвь* > *церковь*, *свекры* — *свекръвь* > *свекровь*. Укрепление в именительном падеже этих слов бывшей формы винительного падежа сблизило эти слова с существительными 3-го склонения, падежные формы которых и были ими усвоены.

§ 107. В современном русском языке есть существительные среднего рода на *-мя* (типа *имя*, *семья*, *знамя* и т. д.), которые относятся к разносклоняемым, так как в род., дат., предл. пад. ед. ч. они склоняются по 3-му склонению, в твор. пад. ед. ч. имеют окончание *-ем*,

существительные среднего рода па -е; во множественном э-
мн. ч.) изменяются как существительные среднего рода па -о
(имена, имен, именами и т. д.).

Особенностью этой группы слов является прежде всего на-
личие во всех падежах (кроме им.-вин. пад. ед. числа) суффикса -ен
(а в словах *семя, стремя* в род. пад. мн. ч. — суффикса -ян: *семян,*
стремян).

В им.-вин. пад. ед. ч. вместо суффикса -ен выступает -я (т. е.
[а] после мягкого согласного: *имя* [им'а]), потому что в древнюю
эпоху звуко сочетание -ен в конце слова изменялось в [е] носовое
(*имя, время*), а затем в [а] (-я). Во всех других падежах звуко-
сочетание [ен] сохранилось, так как оно оказалось в положении
перед гласным: *имени, имению, имени, именам, именами, име-
нахъ*. Следовательно, история этих форм связана с судьбой носо-
вых гласных в древнерусском языке (см. § 26—34). В современном
русском языке -ен воспринимается как суффикс (в некоторых по-
собиях -ен называют парадигмой), а -я — как окончание¹.

К разносклоняемым можно отнести также слово *путь*, так как
оно склоняется по 3-му склонению, но в твор. пад. ед. ч. приня-
ет окончание 2-го склонения — -я (ср. *конем — путем*).

Замечания о форме
именительного
падежа
множественного
числа

§ 108. В современном русском языке сущест-
вительные ед. пад. мн. ч. имеют разные окон-
чания, что может найти свое объяснение в ис-
тории русского языка. Без сомнения, господ-
ствующим окончанием в этой форме является

-ы, -и, которое выступает в словах мужского и женского рода. Если
сопоставить приведенные выше падежные парадигмы сущест-
вительных современного русского и древнерусского языков, то мож-
но убедиться, что это окончание или является ископным, или
возникло в результате взаимодействия твердого и мягкого вари-
антов, или взаимодействия форм им. и вин. пад. мн. ч.

Вместе с тем в им. пад. мн. ч. широко распространено еще окон-
чание -а, -я. Однако, если для слов среднего рода 2-го склонения
это окончание является ископным, то у существительных мужско-
го рода оно появилось в истории русского языка как вторичное.
В его распространении сыграли, как видно, роль формы
именительного падежа бывшего двойственного числа, особенно
от слов, обозначающих парные предметы, типа *рукавъ, бере-
глазъ, обшлага, поводъ, бокъ, рога*, которые стали осмысливаться как
формы множественного числа. Не случайно, между прочим, в
формах им. пад. муж. р. на -а, -я имеют ударение на окончании,
т. е. то, которое было свойственно бывшему им. пад. двойств. ч.
(см. об этом выше, § 88—92). Таким образом, оказывается, что
если для слов мужского рода ископным можно считать оконча-
ние -ы, -и в им. пад. мн. ч., а для слов среднего рода — -а, -я, то по-

¹ См.: учебник русского языка для V—VI классов, с. 71—72.

следнее окончание в мужском роде — это, так сказать, аномалия, объясняющаяся определенными процессами в истории русского языка.

С этой точки зрения такой же аномалией являются и формы им. пад. мн. ч. с окончанием *-и* у существительных среднего рода. Об этих формах уже шла речь выше, когда рассматривался вопрос о двойственном числе и судьбе его форм в русском языке и в связи с этим обращалось внимание на формы *колени, уши, очи, плечи*. Здесь можно добавить еще один факт, требующий объяснения: им. пад. мн. ч. существительных среднего рода на *-но* (типа *яблоко, око, окошко*) образуется с безударным окончанием *-и*: *яблоки, елки, окешки* (по ср. правильно *облака, войска*); это объясняется закреплением на письме диалектного произношения слов среднего рода с *-ы* вместо *-а* (вроде *сёлы, ёссы, кобыцы*).

В этом отношении общую картину нарушает форма *очки*, которая, вероятно, проникла в литературный язык из говоров, знающих и подударное *-и* в словах на *-но* типа *озерко — озерки, ушко — ушки*. Появление формы *очки*, по существу подобной формам им. пад. мн. ч. муж. р., вызвало и закрепление в родительном падеже окончания *-ов* по образцу мужского рода: *очков*. В этом плане следует отметить, что форма род. пад. мн. ч. *облаков* объясняется иначе: это, как видно, «закономерная» форма не от *облако*, а от *облак* — вариантной формы этого слова, также диалектного характера.

§ 109. Кроме рассмотренных выше форм им. пад. мн. ч., в современном русском литературном языке есть и еще некоторые формы этого падежа, которые требуют комментариев исторического характера.

Во-первых, целая группа существительных, обозначающих совокупность людей по их принадлежности к племени, местности, городу и т. п., характеризующаяся в единственном числе наличием суффикса *-ин, -анин (-янин)*, сохраняет древнерусскую форму им. пад. с окончанием *-е*: *боярин — бояре, крестьянин — крестьяне, гражданин — граждане, горожанин — горожане, северянин — северяне* и т. д. Выпадение суффикса *-ин* во множественном числе этих слов связано с тем, что данный суффикс имеет значение единичности (см. § 140). Такие слова в древнерусском языке склонялись по типу *камы — камене*, о котором говорилось выше (см. § 100), и имели в им. пад. мн. ч. окончание *-е*.

Во-вторых, целая группа существительных мужского рода имеет форму им. пад. мн. ч. на *-ья*, как ударное (ср. *друзья, мужья, вятя, князя*), так и безударное (ср. *братья, кобя, колосья, сучья*). Как видно, в некоторых случаях эта форма восходит к форме им. пад. ед. ч. соответствующих собирательных существительных древнерусского языка. Так, например, от слова *брат* им. пад. мн. ч. некогда был *брати*, заменившийся впоследствии под влиянием формы вин. пад. мн. ч. формой *братья*. Вместе с тем в древнерусском языке было слово женского рода *братия* > *братья*, имеющее

собирательное значение. Переосмысление этого слова как пм. пад. мн. ч. от *брат* привело к вытеснению старой формы *браты* и закреплению соотношения *брат* — *братья*. Как предполагают, под влиянием *братья* возникло *мужья* (вместо *мужа*), *друзья* (вместо *друга*), *князья* (вместо *князя*). Несколько сложнее, но тоже подобным путем возникла форма *сыновья*. Старый именительный падеж множественного числа от *сын* — *сынове* испытал двойную судьбу: или он был вытеснен формой винительного падежа — *сыны*, или под влиянием форм *друзья*, *мужья* изменился в *сыновья*. В современном русском языке есть и та и другая форма, однако *сыны* выступает лишь в устойчивых сочетаниях *сыны народа*, *сыны Отчизны*. С другой стороны, возможно, что неодушевленные существительные такого типа появились в результате фонетического изменения конечного безударного *-е* в *-а* в словах с собирательным значением: *кѡнѣ* > *кѡньѣ* > *кѡньа*, *полѣнѣ* > *полѣньѣ* > *полѣня*.

§ 110. При изучении имени существительного в школе учитель, пользуясь изложенным ранее материалом, обратит внимание учащихся на наличие вариантных форм некоторых падежей (род. пад. ед. ч., предл. пад. ед. ч., род. пад. мн. ч. и т. д.), разных окончаний одного и того же падежа (например, им. пад. мн. ч.), и наоборот — полную унификацию окончаний форм всех трех склонений (дат., твор., предл. пад. мн. ч.), особенности выражения категории одушевленности и т. д.

Звательная форма

§ 111. В художественных произведениях XIX в. учащиеся могут встретить еще одну форму существительных древнерусского языка,

о которой выше ничего не говорилось, так как в современном языке никаких следов этой формы не сохранилось. Речь идет о так называемой *звательной* форме, которая употреблялась обычно в функции обращения (термин образован от глагола *звать*) и рано стала заменяться формой именительного падежа. Реликты этой формы — *господин*, *боже* — превратились в междоуствия.

В литературе XIX в., в произведениях некоторых писателей древние звательные формы использовались в целях стилизации. Ср. у Пушкина: «Что тебе надобно, *старче*?» («Сказка о рыбаке и рыбке»), «*Царю* небес, везде и везде сущий, своих рабов мучающий...», «Ты, *отче* патриарх, вы все бояре, обидеши нас, мы пред вами...» («Борис Годунов»). Ср. также известную поговорку: «*Врачу*, не целися сам».

При изучении «Слова о полку Игореве» учитель может обратить внимание учащихся на звательные формы: «Братие и *дружина*! Луце ж бы потяту быти, неже полонину быти?» и некоторые другие. Чему, *господине*, насильно вѣдши?» и некоторые другие.

Категория одушевленности

§ 112. В современном русском языке именительного падежа существительных не существует в разных отношениях к другим падежам того или иного слова. В единственном числе у существительных женского и мужского рода на *-а*, *-я* именительный падеж

имеет окончание -у, -ю, у существительных среднего рода — равен по форме именительному; у существительных же мужского рода он в одних случаях совпадает по форме с именительным, а в других — с родительным падежом (ср. *вижу стол* и *вижу сына*). Такое различие в форме винительного падежа у слов мужского рода — явление не только не исконное, но исторически довольно позднее: некогда в древнерусском языке винительный падеж единственного числа у слов мужского рода был всегда равен именительному (им. *столъ*, *сынъ* и вин. *вижу столъ*, *вижу сынъ*).

Почему возникло указанное различие, чем оно было вызвано? Появление в винительном падеже двух разных форм объясняется тем, что в языке развивалась потребность отличить субъект действия от объекта этого действия, а это особенно важно, когда речь идет об одушевленных существительных, прежде всего названиях лиц. Когда говорили *Якъ вижду столъ*, то в этом случае было ясно, где субъект и где объект действия, но когда говорили *Отъць видить сынъ*, этой ясности не было, так как активно действующим лицом мог быть и отец, и сын. Если бы в древнерусском языке был обязательный, фиксированный порядок слов, установление субъекта и объекта действия было бы облегчено (скажем, субъект всегда на первом месте, а объект — на втором), но по-древнерусски равно можно было бы сказать и *Отъць видить сынъ*, и *Сынъ видить отъць*, вкладывая в эти фразы одно и то же содержание. В женском роде таких трудностей не было, так как именительный (падеж субъекта) и винительный (падеж объекта) различались по форме. В среднем роде потребности разграничить падеж субъекта и падеж объекта не возникало, ибо здесь не было слов, обозначающих активно действующий субъект. Значит, такая потребность существовала именно для слов мужского рода, и язык должен был найти средства разграничить винительный и именительный падежи, чтобы формально обозначить объект и субъект действия. Это средство и было найдено в использовании формы родительного падежа в значении винительного при обозначении одушевленного объекта.

Так возникла категория одушевленности, формально выражающаяся в том, что при обозначении одушевленного объекта действия существительное выступает в форме винительного падежа, равного родительному; при обозначении же неодушевленного объекта винительный падеж равен по форме именительному.

§ 113. То, что именно родительный падеж был использован для обозначения винительного в определенных случаях, объясняется близостью этих двух падежей в синтаксическом плане. Так, например, параллельно конструкции «глагол + винительный падеж» употребляется конструкция «тот же глагол с отрицанием *не* + родительный падеж»: *читал книгу*, но *не читал книги*. Параллельные конструкции *выпил воду* и *выпил воды* отличаются друг от друга лишь тем, что винительный падеж обозначает объект, полностью охваченный действием, а родительный — объект, только частично подвергающийся этому действию. Подобная бли-

застать синтаксических связей и определила использование именного родительного падежа при обозначении винительного одушевленных существительных.

§ 114. Становление категории одушевленности в русском языке шло постепенно: первоначально это была категория лица, т. е. ею охватывались лишь слова, обозначающие людей, и только в единственном числе; затем она захватила названия лиц мужского пола во множественном числе; далее — названия лиц женского пола во множественном числе (ведь во множественном числе у слов женского рода винительный падеж — некое совпадение с именительным), и уже только потом (в XVIII в.) она распространилась на все слова, обозначающие живых существ (в том числе в ряде случаев и на слова среднего рода; ср. *летать насекомых, говорить насекомых*).

§ 115. Необходимо обратить внимание учащихся на то, как выражается категория одушевленности в современном русском языке:

а) в словах женского рода (а также в словах мужского рода 1-го склонения) форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа только во множественном числе (*вижу сестер, нянь; старост, юношей; мигу*);

б) в словах мужского рода 2-го склонения формы винительного падежа совпадают с формами родительного и в единственном и во множественном числе (*вижу братья, старост, врага, жена, орла; вижу братьев, старостей, врагов, жён, орлов*);

в) в словах среднего рода форма винительного падежа совпадает с формой родительного только во множественном числе (*вижу детей; насекомых, животных; летающих*).

Отдельные существительные в современном языке допускают колебания в выражении одушевленности — неодушевленности: *выпустить змея (и змея), сидеть микробов (и микробов); читать гиганта мысли, но строить гигант индустрии*.

В современном русском литературном языке сохранились некоторые старые формы винительного падежа одушевленных существительных, равные именительному. Эти образования несут различный характер. Прежде всего такая форма обнаруживается в паре *замусе* (бывшее сочетание *предлога за с винительным падежом*, равным именительному от муж. ср. *вышел замусе* — *вышел ступить за мужа*). У Пушкина еще встречается на *коня* (и *на коня* Эй, живее!) («Сказка о Золотом петушке»). Ср. у того же «*Он оставило на бреге тридцать три богатыря*» («Сказка о царе Салтане») вместо *тридцать трех богатырей*. Старая форма винительного падежа сохранена в некоторых сочетаниях с предлогом *и* формой множественного числа, обозначающих новое состояние или новое состояние человека: *братья в армии, выходи в армию, произвести в генералы, быть принятым в члены организации* и т. д. Ср. у Пушкина:

Не над
... жения
... ная, ч
... одуше
... плат
... сло
... мерт
... (ны);
... одуше
... чет
... ви
... руском яз

Собственн
... ирицател
... действител

... ственным
... ирогрен
... Утаице
... твенным

Важнейш
... тиле. Так
... изшим, ж
... общающе
... тьные особ
... лжно оди
... ходят лиш
... человека.

Позначен
... из массы од
... представля
... тельно, собс
... щают, а коп
... ющие сло
... слова.

Нарицате
... которых мож
... не имеют лог
... другими сло
... в качестве
... горю и Кисе
... карь С. И. О
... ки. Ниже де
... и оно

Но рвусь я грудью в капитаны,
И не ползу в ассессора.

(«Моя родословная».)

Не надо, конечно, слишком прямолинейно представлять себе отношения одушевленных и неодушевленных существительных, полагая, что одушевленные — это обязательно живые существа, а неодушевленные — не живые. В языке есть ряд «незаконных» в этом плане образований. Так, например, одушевленными оказываются слова *мертвец* и *покойник*, а неодушевленным — *труп*: *видел мертвеца, покойника (мертвецов, покойников), но видел труп (труны)*; одушевленным оказывается слово *кукла*: *взял кукол*, а неодушевленным — *бактерия*: *наблюдать бактерии*. Важно только четко представлять себе, с чем связаны различия в оформлении винительного падежа существительных в современном русском языке.

Собственные
и нарицательные
существительные

§ 116. При изучении собственных и нарицательных имен существительных полезно обратить внимание учащихся на интересный раздел языкознания — *ономастику*, изучающий собственные имена. Эта тема может быть особенно подробно рассмотрена на факультативных и кружковых занятиях.

Учащиеся должны понять, что между нарицательными и собственными именами имеются существенные различия.

Важнейшей особенностью нарицательных имен является обобщение. Так, например, слово *человек* относится ко всем людям, жившим, живущим и к тем, которые будут жить на Земле. Это обобщающее слово. А ведь каждый человек имеет свои индивидуальные особенности: не существует в природе даже двух совершенно одинаковых индивидуумов. Но в значение слова *человек* входят лишь самые существенные признаки, характерные для человека.

Назначение же собственных имен — не обобщать, а выделять из массы однородных предметов конкретный предмет и противопоставлять его всем остальным однородным предметам. Следовательно, собственные имена в отличие от нарицательных не обобщают, а конкретизируют. Например, *человек*, *река*, *город* — обобщающие слова, а *Пушкин*, *Волга*, *Москва* — конкретизирующие слова.

Нарицательные существительные имеют лексическое значение, которое может быть переведено на другие языки, а собственные не имеют лексического значения, обычно не могут быть выражены другими словами и не могут быть переведены на другие языки. В качестве примера можно привести два параллельных слова: *город* и *Киев*, первое из них имеет лексическое значение (см. Словарь С. И. Ожегова) и может быть переведено на различные языки. Иное дело собственное имя.

В ономастике особенно большой интерес представляют:

Антропонимика — наука о человеческих именах и
топонимика — наука о наименовании географических
объектов.

§ 117. Известно, что каждый человек имеет имя. Трехчленное
именование людей — имя, отчество, фамилия — особенность рус-
ского языка, появившаяся еще в петровское время.

Собственные имена, как правило, не выдумываются, а обра-
зуются от нарицательных имен или заимствуются из других язы-
ков.

История имен очень интересна и сложна. Есть целый ряд имен
и фамилий, происхождение которых нам известно. Ср. *Вера*, *На-
дежда*, *Любовь*, *Светлана*, *Слава* (святая слава), *Владимир*
(гол, кто владеет славою), *Владимир* (гол, кто владеет миром),
Людмила (людям милая).

С принятием христианства на Руси широкое распространение
получили греческие и латинские имена. Без обращения к специ-
альному словарю невозможно угадать, какой смысл заложен, на-
пример, в именах *Виктор* (победитель), *Андрей* (мужественный),
Александр (защитник людей), *Меланья* (мелкая), *Петр* (камень),
Зоя (жизнь), *Ирина* (мир) и т. п.

Можно рекомендовать учащимся прочитать широко известную
книгу Льва Успенского «Ты и твои имя», а также книгу Е. Н. По-
ляковой «Из истории русских имен и фамилий» (М., 1973). Инте-
ресные справки о происхождении имен учащиеся получат
в «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского. При этом
учителю необходимо особо подчеркнуть, что собственные имена не
фиксируют никаких качеств и свойств человека, так как имя да-
ется человеку с первых дней его рождения без всякого логическо-
го обоснования, а отчество и фамилию он наследует от родителей.
Недаром Карл Маркс писал: «Я решительно ничего не знаю о дан-
ном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом».

С интересом учащиеся прочитают отрывок из повести Н. В. Го-
голя «Шинель», где автор описывает, как мать по святцам (ка-
лендарю) выбирала имя своему новорожденному сыну.

Интересна и поучительна история появления фамилий. В на-
чале установились фамилии знатных людей (князей, бояр, дая-
ри). Подавляющее большинство населения получило фамилии
лишь в XVIII—XIX вв. В старых архивных документах часто
можно встретить различные способы обозначения людей. Иногда
они обозначаются только именем, иногда с указанием занятий,
иногда с указанием профессии (кузнец, сапожник, портной и т. п.). Часто даже в офи-
циальных документах можно встретить различные прозвища.

Можно предложить учащимся выписать некоторые фамилии
прозвища из исторического романа Алексея Толстого «Петр
Первый».

Итак, собственные имена обычно образуются от нарицатель-
ных имен. Значительно реже случаи перехода собственных имен
в нарицательные. Например, слова *дулиган*, *бойкот* произошли
из

от соответствующих собственных английских имен. Учащиеся сами могут привести немало примеров из художественных произведений, когда имя того или иного персонажа превращается в нарицательное слово (обломовы, собакевичи, маниловы, держиморды и др.).

Многие собственные имена вошли в научную и техническую терминологию: *вольт, ом, ампер, кулон, генри, дизель* и др. Количество примеров увеличат сами учащиеся.

§ 118. Знакомясь с топонимикой, учащиеся могут представить себе, как многообразна и интересна эта наука, как увлекательна работа, связанная с происхождением (этимологией) топонимов.

Давая название уже существующему географическому объекту, люди пытались указать на одно из его свойств, т. е. в названии вкладывался определенный смысл. Образование многих географических названий нам понятно и теперь. Например, реки *Белая, Черная, Желтая, Голубая*; моря *Черное, Желтое, Красное, Северное*; города *Грозный, Верный, Острое, Владивосток, Владикавказ* (что означало «владение Востоком», «владение Кавказом») и т. п.

Но не всегда происхождение географических названий прозрачно. При анализе происхождения топонимов ученых интересует, когда, как, почему возникло это название, с какими историческими событиями оно связано.

Судьба многих топонимов очень интересна и связана с историей языка, так как многие из этих названий возникли в глубокой древности и переходили от народа к народу. Первоначальный смысл названия часто забывается, но само название продолжает сохраняться и живет в языках многих народов. Вот почему на географических картах есть такие топонимы, смысл и происхождение которых до сих пор не раскрыты.

Многие топонимы (так же, как и антропонимы) перешли в нарицательные слова. Например, из географических названий произошли такие слова, как *бостон, панамы, шешмот, мадаполам* (названия тканей) и др.

В топонимике принято выделять микротопонимику, т. е. малую топонимику, изучающую названия улиц, площадей, частей населенного пункта, рощ, оврагов и т. п. Местная топонимика может стать предметом наблюдений учащихся на занятиях кружков и факультативов.

Например, история древней Москвы оживает, когда ищешь и сохранившиеся старые топонимы. Подробно об этом можно прочитать в книге П. В. Сытина «Откуда произошли названия улиц Москвы» (М., 1959).

Топонимы в первую очередь имеют практическую ценность, так как они ориентируют людей на земном шаре. Но топонимы могут сыграть большую роль и в изучении страны, так как они, по образному выражению, являются «книгой Земли».

Географические названия, которые часто древнее городов и

государств, могут достоверно свидетельствовать об истории местности, о древнем расселении народов на ней. Народ, назвавший на своем языке реки, горы, озера, леса, может давно исчезнуть, может исчезнуть и его язык (история знает немало мертвых языков), а географические названия продолжают существовать, так как они обычно менее других памятников истории подвергаются действию времени.

Следует также учесть, что собственные имена (антропонимы и топонимы) — слова и, как все слова, они имеют свою историю, подчиняются законам языка и изучаются наукой о языке — лингвистикой¹.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 119. Формы местоимения в современном русском литературном языке во многом сохранили свои древнерусские облики, хотя ряд из них перешли в разряд неопределенных местоимений. Вместе с тем эти сохранившиеся формы, а иногда и формы, зафиксированные в литературе XIX в., требуют в ряде случаев исторического комментария для правильного их понимания. Именно на такие формы и обращено особое внимание.

При изучении местоимений важно помнить, чтобы учитель обращал внимание учащихся на то обстоятельство, что многие местоимения весьма древние.

В дальнейшем важно будет отметить роль местоимений в образовании полных прилагательных, полных причастий, наречий и особенно некоторых глагольных форм (поворотных, прошедшего времени и условного наклонения).

Формы личного
местоимения
3-го лица

§ 120. Склонение личных местоимений всех трех лиц в современном языке, как известно, характеризуется супплетивизмом, т. е. тем, что

формы именительного падежа, с одной стороны, и формы родительного падежа — с другой, образуются от разных основ — *я — мене; мы — нас, нам* и т. д. Однако этот супплетивизм имеет разное происхождение и возник в разные периоды. Супплетивность форм местоимений 1-го и 2-го лица является очень древней и ее нельзя объяснить не только на почве древнерусского языка, а на почве языка праславянского. Это значит, что супплетивные формы этих личных местоимений характеризовали уже праславянский язык, откуда они перешли в древнерусский и затем и в современный русский язык. Само же возникновение этого супплетивизма относится еще к допр. славянскому языку.

¹ Подробнее об опонастике см. в факультативном курсе «Русское слово как предмет языкознания» (М., 1972), а также в «Методических указаниях к факультативному курсу «Русское слово как предмет лингвистики»» (Ленинградская библиотека).

он возник, как видно, в эпоху существования прародителя всех индоевропейских языков — в общиндоевропейском языке-основе.

Наоборот, суффиктивизм форм местоимения 3-го лица развивался относительно поздно, в период распада праславянского языка. Дело здесь заключается в том, что исконно славянские языки не знали этого личного местоимения, однако еще до возникновения письменности его роль стало выполнять указательное местоимение *и* (муж. р.), *я* (жен. р.), *е* (ср. р.), выступавшее обычно в сочетании с частицей *же*: *иже*, *яже*, *еже*. Это местоимение в косвенных падежах имело формы в единственном числе для мужского и среднего рода *его*, *ему*, *имъ* (> *им*), *емъ* (> *ем*), а для женского — *ей* (> *ее*), *ей* (> *ей*), *ею*, *ей* (> *ей*); во множественном числе для всех родов — *ихъ*, *имъ*, *ими*, *ихъ*. Еще в праславянский период в именительном падеже вместо форм *и*, *я*, *е* укрепились формы другого указательного местоимения — *онъ*, *она*, *оно* (это местоимение сохранилось теперь как форма устаревшего полного прилагательного *оний*, *ония*, *оное*, которое можно встретить в литературе XIX в.); в косвенных же падежах сохранились старые формы. Так и возник тот суффиктивизм форм местоимения 3-го лица, который характеризует современный русский язык.

§ 121. Формы косвенных падежей местоимения 3-го лица заслуживают внимания также и потому, что в них обнаруживается еще одна своеобразная черта, а именно появление в абсолютном начале слова согласного [и] после предлога: *вижу ее*, но *получил от нее*; *дал ему*, но *пошел к нему*; *доволен ими*, но *естрепился с ними*; *видел их*, но *пришел от них* и т. д.

Почему именно предлоги вызывают такое «вставочное» [и]?

Этот факт связан с тем, что первоначально такое [и] могло появиться лишь в результате переразложения основ при сочетании форм указательного местоимения с теми предлогами, которые и с к о н н о имели в своем составе согласный [и]; такими предлогами были *вън*, *кън* и *сън* (см. § 32). Когда эти предлоги употреблялись с формами косвенных падежей бывшего указательного местоимения *и*, *я*, *е*, например *вън его*, *кън ему*, *сън имъ*, происходило переразложение основ и согласный [и] присоединялся к местоимению (этому переразложению способствовало то обстоятельство, что наряду с предлогами *вън*, *кън*, *сън* древнерусский язык знал и предлоги *въ*, *къ*, *съ*); в результате этого возникли новые отношения: *его*, но *въ него*, *ему*, но *къ нему*; *имъ*, но *съ нимъ*. Постепенно в истории русского языка развилась четкая связь форм без [и] и форм с [и] в беспредложных и предложных образованиях: если выступает беспредложное сочетание, например, глагола с местоимением, употребляется форма без [и]; если же это сочетание включает в свой состав предлог, выступает форма с [и], причем теперь уже неважно, имел ли тот или иной предлог исконно в своем составе [и] или не имел; ср. *от него*, *у нее*, *о нем* и т. д.

§ 122. Наконец, говоря о местоимении 3-го лица, надо обратить внимание еще на одну форму, не характеризующую современную в языке XVIII—XIX в. и отмечаемую в произведениях русской классической литературы. Речь идет о форме именительного падежа множественного числа.

В древнерусском языке в зависимости от рода употреблялись три формы им. пад. мн. ч.: *они* (муж. р.), *оны* (жен. р.), *она* (ср. р.). В результате действия общей тенденции к единообразию падежных окончаний множественного числа (эту тенденцию мы отмечаем, говоря о склонении существительных, см. § 104), в результате наковые формы для всех трех родов, — в результате всего этого и в именительном падеже устанавливается также единая форма *они*, восходящая, таким образом, к древнерусской форме мужского рода. Эта единая форма и характеризует современный русский литературный язык.

Однако в процессе развития местоимения 3-го лица в им. пад. мн. ч. возникла еще одна форма — *оне* (< *онѣ*). Совершенно ясно, что она не является сохранением какой-либо старой формы, а представляет собой древнерусское диалектное новообразование. Форма *оне* возникла по аналогии с формами местоимения 1-го лица (< *ты*), < *все* (< *всѣ*). Эта форма проникла в литературный язык в XVIII в. и закрепилась в нем наряду с *они*, причем между двумя формами произошло своеобразное грамматическое «размежевание»: *они* стало формой мужского и среднего рода, а *оне* — женского. Ср. у Пушкина:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне *оне*
Иную жизнь и берег дальний.

Однако такое «размежевание» этих двух форм было искусственным, не имело опоры в живом языке и потому не могло сохраниться. Реформой 1918 г. форма *оне* была исключена из литературного языка, и теперь, если она и встречается в художественной литературе, то лишь как средство стилизации.

§ 123. Коснемся вопросов истории местоимений других рядов.

Обратимся к формам родительного падежа единственного числа личных местоимений мужского и среднего рода *того*, *всего*, *моего*, *нашего*, *кого*, *чего* и т. п. Известно, что в современном русском литературном языке все эти формы произносятся с согласным [в] на месте г в окончании. Написание этих форм является, таким образом, чисто традиционным, отражающим утраченное древнерусское их произношение с согласным [г].

§ 124. Винительный падеж единственного числа личных ме-

стоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратного местоимения в древнерусском языке имел две формы — полную и краткую: *мене, тебе, себе* (из которых возникли современные *меня, тебя, себя*) и *мя, тя, ся*. В истории русского языка краткая форма исчезла. Сохранились лишь очень слабые следы этой формы в междометных выражениях типа *Я те дам! Бог тя знает!* и т. п. Однако в одном случае краткая форма, потеряв связи с местоимением, послужила средством образования новой грамматической категории в русском языке.

Речь идет о бывшей краткой форме возвратного местоимения *ся*, превратившейся в суффикс и служащей для образования возвратных глаголов. Если первоначально *ся* сохраняло свою самостоятельность и могло употребляться отдельно от глагола (ср. *что ся осетит по серебру* — «делается»), то постепенно оно теряло самостоятельность и, закрепляясь только в положении непосредственного следования за глаголом, сливалось с ним, превращаясь в суффикс, образуя возвратную форму.

Тот факт, что в современном языке этот суффикс выступает то в виде *-ся*, то в виде *-сь* (т. е. [с']), может быть объяснен как результат ослабления и исчезновения безударного [а] (*а*).

§ 125. Целесообразно обратить внимание учащихся на разветвленную систему указательных местоимений в древнерусском языке: *и, я, е; иже, яже, еже; сии, сия, сие* (ср. в современном языке: *сегодня, сейчас, сию минуту*) и др.

Среди указательных местоимений большой интерес представляют также местоимения *тот, та, то; тот, эта, это*. Форма мужского рода образована путем удвоения древней формы *тътъ > тотъ > тот*, а *этот* (известная лишь со второй половины XVII в.) — путем присоединения местоименной частицы *о* к указательному местоимению *тот, та, то*. Вместо канонической формы впад. жен. р. *ту* в художественной литературе встречается форма *тоё*. Ср. в басне Крылова «Тиса-строитель»: «Кто ж подстерегли? Тоё лису-злодейку». Под влиянием этой формы по аналогии появилась форма впад. жен. р. от определенного местоимения *сама* — *самое*, которая употребляется и в настоящее время (в книжной речи) наряду с формой *самы*.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Краткие
и полные
прилагательные

§ 126. В современном русском языке прилагательные могут выступать как в краткой, так и в полной форме. Однако если иметь в виду, что основная функция прилагательных — это выражение определения, а краткие формы прилагательных выступают теперь лишь в роли сказуемого, то можно утверждать, что прилагательными как таковыми в современном русском языке являются лишь полные формы.

В истории русского языка отношения кратких и полных прилагательных были иными. Иной была и их грамматическая роль. Более древними являются краткие прилагательные; полные же формы образовывались от кратких путем присоединения к ним падежных форм указательного местоимения *и, я, е* (см. § 120).

Первоначально как краткие, так и полные прилагательные склонялись и изменялись по родам и числам; разница здесь была лишь в том, что краткие прилагательные склонялись как существительные 1-го (если речь шла о женском роде) или 2-го (если речь шла о мужском и среднем роде) склонения, а полные — как указательные местоимения *тот, то, та* или *весь, всё, вся*. И краткие и полные прилагательные употреблялись в роли определений, т. е. согласовывались с существительным, к которому они относились, в роде, числе и падеже. О том, что краткие прилагательные могли выступать в роли определения и склоняться, свидетельствуют некоторые обороты, в состав которых входят падежные формы кратких прилагательных, например: *на босу ногу, от мала до велика, отчего сыр-бор загорелся, среди бела дня, по белу свету*, а также некоторые наречия и наречные выражения, образованные от таких прилагательных, как: *подобру-поздорову, докрасна, добела, набело, налеса, слева*. Однако в роли сказуемого в древнерусском языке могли выступать только краткие прилагательные: полные формы в такой роли стали употребляться относительно поздно, не ранее XV в.

§ 127. Если в древнерусском языке раннего периода его развития в роли определения равно выступали как краткие, так и полные прилагательные, то, естественно, должно было быть какое-то различие в значении этих определений. Это различие предполагают в том, что краткие прилагательные употреблялись при неопределенном существительном, т. е. при существительном, обозначающем или неизвестный предмет, или впервые упоминаемый, а полные — при определенном существительном, т. е. при существительном, обозначающем уже известный предмет (такое отношение можно сравнить с различием неопределенного и определенного артиклей в английском, французском, немецком языках). Таким образом, *добра сестра* означало, что признак доброты приписывается вообще какой-то сестре или той, которая впервые упомянута, а *добрая сестра* можно было бы истолковать как «эта (определенная, известная) сестра добра».

Однако категория определенности — неопределенности имела в древнерусском языке, и в связи с тем, что краткие прилагательные изначально могли выступать в роли сказуемого, они и укреплялись в этой роли, утрачивая вместе с тем позицию определения при существительном. В этой позиции, наоборот, укрепились полные формы, которые и превращались в прилагательные по существу. В результате того что краткие прилагательные стали сохраняться только как именная часть составного сказуемого, а эта именная часть всегда выступает в

именительном падеже, краткие прилагательные утратили формы косвенных падежей, т. е. перестали склоняться. Так возникли современные отношения кратких и полных прилагательных, характеризующие теперь русский язык.

Итак, в современном языке краткие прилагательные обычно употребляются только в роли сказуемого, а полные в роли определения. Однако полные прилагательные нередко бывают и сказуемыми. В первую очередь это относится к относительным прилагательным, так как они не имеют краткой формы, например: *Поезд был курьерский. Настроение праздничное.* Это же относится и к притяжательным прилагательным, ср.: *Берлога медведя. Платок был мамин.* Следует также указать на качественные прилагательные, которые, употребляясь в роли сказуемого, имеют полную и краткую форму, например: *Артист был усталый, веселый и находчивый. - Артист был умен, весел и находчив.* В чем же различие? Акад. В. В. Виноградов пишет: «Полные прилагательные даже в предикативном употреблении означают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием» («Русский язык». М., 1947, с. 270).

§ 128. Несколько иную судьбу имели притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов* (типа *отцов*), и *-ин* (типа *сестрин*), которые сохранились в роли определений, а поэтому и не утратили склонения. Эти прилагательные, конечно, не были охвачены категорией определенности - неопределенности, т. е. не имели полных форм, так как они могли употребляться как определения только по отношению к известному лицу или предмету, а поэтому не нуждались в особом оформлении местоименными флексиями, какое имели полные, определенные первоначально прилагательные. Все сказанное обусловило сохранение притяжательных прилагательных в роли определений как склоняемых форм.

При помощи суффикса *-ин* (*-ын*) образуются притяжательные прилагательные от основ одушевленных существительных 1-го склонения со значением лица (иногда встречаются образования от названий животных и даже неодушевленных существительных). Эти прилагательные выражают единичную принадлежность.

Особенно широко распространены в разговорной речи образования на *-ин* от названий родственных лиц, от собственных имен и их интимных форм: *мамин, папин, маминин, маминькин, бабушкин, тетин, кошкин* (дом), *ласточкин* (гнездо), *книжечкин* (праздник); *Катин, Верин, Петин, Колин* и т. п.

При помощи суффикса *-ов* (*-ев*) образуются притяжательные прилагательные от основ одушевленных существительных мужского рода 2-го склонения со значением лица. Однако эти образования более ограничены, чем слова на *-ин*.

Следует иметь в виду, что притяжательные прилагательные

на -ин и -ов (-ев) в строго нормированном современном словообразовании не участвуют. В древнерусском языке и позднее эти суффиксы употреблялись значительно свободнее, о чем свидетельствуют многочисленные устойчивые сочетания типа *антонов огонь*, *сольтова дуга*, *гордиев узел*, *демянова уха*, *дамоклов меч*, *крокодиловы слезы*, *сизифов труд*, *филькина грамота* и др., а также топонимические наименования: *Марсово поле*, *Мамаев курган*, *Берингов пролив* и т. п.

В современном русском языке от притяжательных прилагательных па -ин и -ов (-ев) образовано большинство фамилий (ср. *Гришин*, *Кузьмин*, *Петров*, *Сергеев*; *Петрова*, *Сидорова*) и многие названия городов, населенных пунктов (ср.: *Киев*¹, *Львов*, *Пушкино*, *Комарово* и т. п.). Если слово оканчивается на согласный, то к нему прибавляется суффикс -ов (-ев): ср. *Максим* — *Максимов*, *Матвей* — *Матвеев*; если же имя оканчивается на -а(-я), то к основе прибавляется суффикс -ин; ср. *Илья* — *Ильин*, *Лука* — *Лукин* и т. п.

§ 129. Следует напомнить об одном факте, что в древнерусском языке была еще одна группа притяжательных прилагательных — группа слов, образованных неконно с суффиксом -и- и склонявшихся по мягкой разновидности 1-го или 2-го склонения. Такую форму можно видеть, например, в «Слове о полку Игореве»: *по замы дечю бѣаху* — форма *бояху* — это род. пад. ед. ч. от *боянь* (*боянов*; *боянъ*), являющегося притяжательным прилагательным от имени *Боянъ*, образованным с суффиксом -и-: *боян-и-ъ* (сочетание [н] + [ј] изменилось в [н']). Все эти притяжательные были утрачены в истории русского языка, и свидетельством их бывшего существования остались лишь названия городов *Ярославль*, *Переяславль*, *Перемишль*, *Путишль*, *Нязлавль* (т. е. город *Ярослава*, *Переяслава*, *Перемисла* и т. д.).

§ 130. При помощи суффикса -ий притяжательные прилагательные образуются от основ существительных мужского и среднего рода, обозначающих названия лиц и животных: *охотничий*, *павлиний*, *щучий*. Эти прилагательные, в отличие от притяжательных прилагательных типа *дядин*, *отцов*, выражают личную принадлежность, а родовую (ср. *волчий хвост* — хвост любого волка).

Необходимо обратить внимание учащихся на типичную ошибку, допускаемую ими, когда они не различают суффикс -ий в притя-

¹ В древнейшей летописи «Повести временных лет» рассказывается о том, что более полутора тысяч лет назад на высоком холме над Днепром поселились три брата, храбрых воина: Кий, Щек и Хорив. Они основали город, получивший название по имени старшего брата: *городъ чю иъ Кия*. Эта форма притяжательного прилагательного постепенно стала восприниматься как название города.

Название города *Львов* (по происхождению также притяжательное прилагательное) обычно связывают с именем галицкого князя Льва, который в XIII в. возвел городские укрепления.

кательных прилагательных типа *лисий* и окончание качественных и относительных прилагательных типа *синий, земный*.

Рекомендуется обратить внимание на состав слов в формах косвенных падежей: $\widehat{\text{син}} \boxed{\text{ий}} - \widehat{\text{син}} \boxed{\text{его}}$, но $\widehat{\text{лисий}} \boxed{} - \widehat{\text{лис}} \boxed{\text{его}}$.

Здесь суффикс *-ий-* выступает в своей основной форме (в именительном падеже этот суффикс выступает в своем фонетическом варианте *-ий*, где *и* является вставочным).

§ 131. Заканчивая рассмотрение истории кратких прилагательных, целесообразно обратить внимание еще на два момента.

Во-первых, несмотря на относительно раннюю утрату склонения краткими прилагательными, они все же в качестве определений нередко встречаются в фольклорных произведениях и в поэзии XVIII — начала XIX в. Таковы, например, фольклорные выражения *красна девица, бел зорьки камень*; таковы и некоторые факты, которые можно найти у Ломоносова (например, «*Но черны звезды там горят*») или у Пушкина:

Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся...

(«Сказка о царе Салтане».)

Начнем аб ово: мой Езерской
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.

(«Родословная моего герцога».)

К красну солнцу наконец
Обратился молодец.

(«Сказка о мертвой царевне».)

Во-вторых, от кратких прилагательных следует отличать искусственно образованные так называемые усеченные прилагательные, часто встречающиеся в поэзии XVIII—XIX вв. Ср., например, «Как *мала* искра в печном льде...» (Ломоносов), «Уж *темна* ночь на небеса всходила» (Пушкин). Здесь надо иметь в виду, что полные и краткие прилагательные отличаются местом ударения, тогда как в усеченных формах ударение падает на тот же слог, что и в полных. Для приведенных выше примеров ср.: полные прилагательные *мáлая, тёмная*, краткие — *малы́ (куча́ мала), темна́́* («Ночь *темна*, не видна в небе луна»), усеченные — *мáла, тёмна*.

Склонение
прилагательных

§ 132. В школьном учебнике обращено внимание на два типа склонения прилагательных: твердый и мягкий. По известным причинам здесь не анализируется так называемое смешанное склонение. Однако при повторении учитель может обратить внимание учащихся на

то, что прилагательные с основой на *ж, ш, ч, ц* (типа *чуждой, дорогой, великий, сухой*) частично склоняются по мягкому, а частично — по твердому типу. Целесообразно при помощи дополнительной сравнительной таблицы показать, какие падежи сохраняли мягкое, а какие падежи имеют твердое склонение.

Как же появился этот смешанный тип склонения?

Как известно, смешанность типа склонения прилагательных с основой на *[к], [г], [х]* проявляется прежде всего в том, что, имея в род., дат. и предл. пад. ед. ч. муж. и ср. р. окончания *-ого, -ому, -ом* (*глубокого, -ому, -ом; строгого, -ому, -ом; тихого, -ому, -ом*), т. е. склоняясь по твердому варианту, эти прилагательные в твор. пад. ед. ч. и во всех формах мн. ч. приобретают окончания по мягкому варианту: *глубоким, -ими, -их; строгим, -ими, -их; тихим, -ими, -их* и т. п. (как *синим, -ими, -их* и под.). Исконно такие прилагательные, конечно, могли относиться только к твердому варианту склонения, так как *[к], [г], [х]* не могли сочетаться с гласными переднего ряда, и в том числе с *[и]* (см. § 7, 37—39). Следовательно, те падежные формы, которые теперь имеют окончания *-их, -им, -ими*, в древнерусском языке оканчивались на *-их, -ым, -ыми* (т. е. было одинаково как *красных, -ым, -ыми*, так и *глубоких, -ым, -ыми*). Однако в истории русского языка сочетания *[кы], [гы], [хы]* не удержались и изменились в *[к'и], [г'и], [х'и]* (см. § 56); современному русскому языку они не известны (исключение составляют междометие *кхи* и подзывное слово *кис-кис*). Это изменение и привело к тому, что в определенных падежных формах прилагательных на *[к], [г], [х]* оказались окончания, свойственные мягкому варианту склонения.

Что касается им. пад. ед. ч. муж. р. этих прилагательных, то его история была такой же, что и история полных прилагательных твердого варианта (см. § 133). Эта форма после падения редуцированных стала оканчиваться на *-ой* (*глубокой, строгой, тихой*), которое в безударном положении при аканье произносится как *[ъй]* (*[глубо́къй], [стро́гъй], [т'и́хъй]*). Это окончание должно было получить обозначение в орфографии через *-ый* (так же как *[красно́й]* — *красный*), однако указавшая выше чуждость сочетаний *[кы], [гы], [хы]* привела к вытеснению этих окончаний и к замене их орфографическим *-ий*. Это окончание, также переводящее данные прилагательные в мягкий вариант склонения, есть чисто орфографическое явление: по старомосковским нормам литературного произношения форма им. пад. ед. ч. муж. р. должна произноситься с окончанием *[ъй]*. В наши дни влияние орфографии по существу вытеснило такое произношение: теперь говорят *[глубо́к'ий], [стро́г'ий], [т'и́х'ий]*.

§ 133. В самом склонении прилагательных внимания заслуживают некоторые падежные формы, требующие исторического комментария.

Но говоря специально о форме род. пад. ед. ч. муж. и ср. р.

на -оу, -ео, окончание которой произносится с согласным [в], а написание *э* является чисто традиционным, необходимо подробно прокомментировать форму им. пад. ед. ч. муж. р.

Как известно, в этой форме в твердом варианте склонения под ударением произносится [ой], что соответственно отражается и в написании данной формы, а без ударения — [ый], в орфографии передающееся через -ий; в мягком же варианте окончание всегда безударно и произносится как [ий], что в орфографии передается через -ий; например: *молдой* [мьладой], *красный* [красный], *синий* [син'ый].

П р и м е ч а н и е. В современной устной речи им. пад. ед. ч. с безударным окончанием под влиянием орфографии стал произноситься с окончанием [ый], [ий].

Надо иметь в виду, что, как уже говорилось, полные прилагательные исконно образовывались от кратких путем присоединения надежных форм указательного местоимения *и, я, е*, в рассматриваемой форме — им. пад. ед. ч. муж. р. *и: краснъ + и, синь + и*. Гласные [ъ] и [ь] изменились в [о] и [е]. Следовательно, в древнерусском языке независимо от ударения в им. пад. ед. ч. у прилагательных мужского рода было окончание -ой, -ей. В таком виде эта форма выступает и теперь в тех северных русских говорах, которые не знают редукции безударных гласных (ср. также такие фамилии, как *Толстой, Дикой, Тихой*, где перенос ударения на окончание отчетливо выявляет наличие [о] в им. пад. ед. ч.). В таком виде эти формы часто можно встретить в литературе, особенно в поэзии XVIII—XIX вв., например:

Меня оставил он, жестокой,
И в край безвестиц улетел!
Чего искать в стране далекой...

(Жуковский, 1806.)

...Когда я вдоль реки широкой
Считаюсь мрачный, одинокой...

(Веневитинов. «К моей богине».)

Свободно говорил язык словоохотной,
И легкие часы летели беззаботно!

(Языков. «К няне А.С. Пушкина».)

Но, конечно, в приведенных примерах древнерусское оформление на письме окончания им. пад. является всего лишь орфографической особенностью, ибо при аканье литературном произношении безударное [о] не могло сохраниться — оно изменялось в редуцированный, ослабленный гласный. Следовательно, при аканье ударное и безударное окончания стали произноситься

разному, как это наблюдается и в современном языке, и это
разное произношение получило свое отражение и в орфографии.
Здесь следует учесть, что редуцированные гласные [ъ] и [ь]
в форме им. пад. ед. ч. полных прилагательных мужского рода в
старославянском языке изменились в гласные [ы] и [и]. Поэтому
в старославянских памятниках, а отсюда и в церковнославянском
произношении в Древней Руси в рассматриваемой форме законо-
мерно выступало окончание -ый, -ий. Именно такое написание
закрепилось в русской орфографии.

§ 134. Заслуживает замечания и форма род. пад. ед. ч. при-
лагательных женского рода. Впрочем, в данном случае речь
идет не о современном явлении литературного языка, а об одном
факте, достаточно часто встречающемся в художественной лите-
ратуре до конца 30-х годов XIX в.

Известно, что в произведениях русских поэтов XVIII — на-
чала XIX в. наряду с формой род. пад. ед. ч. на -ой, -ей отме-
чается форма с окончанием -ия, -ия; например:

Досталось мне пасти шное стадо
На пажитях кровавья войны.

(Жуковский. «Прощание Иоанны д'Арк».)

Мойм подругам завещаю
Воспоминание почей,
Утраченных у ног Венеры
В лесах веселья Цитеры.

(Пушкин. «Мое завещание».)

...И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

(Пушкин. «Пророк».)

Богатырская молва не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил ссыным кругом.

(Вяземский. «Уныние».)

Эта форма по своему происхождению не древнерусская, а
старославянская, точнее — это русифицированная передача ста-
рославянского образования данной формы. В старославянском
языке род. пад. ед. ч. жен. р. оканчивался на -иѣ, -иѣ, в древне-
русском же — на -оѣ, -еѣ, откуда в результате редукции до не-
членовения гласного [ѣ] — -ой, -ей. Как известно, на восточносла-
вянской почве посовой [ѣ] изменился в [а] после мягкого соглас-
ного (см. § 26), и поэтому старославянские — -иѣ, -иѣ стали
передаваться как -ия, -ия, что и обнаруживается в приведен-
ных выше фактах.

Степени
прилага

частей
ными
Прежде
степень
ризуется
корня, т
и ногее,
Тако

степень
свой сос
нялся не
ассимили
чаеи ме
Наприме
ной степ
непосред
(см. § 45)
ственно
так, нап

Надо
формы с
результат
-ле > -ее
особенно

§ 136.
прилагате
является
соединени
(как это
§ 126). Т
тельной с
чале XIX
Жуковско
сея»). На
выступает
тишайши
мы превос
лены все
составные
степени —

В дре
также опи

1 Суффикс
ийш(ий) >

§ 135. Наконец, можно обратить внимание на формы сравнительной и превосходной степени прилагательных, образование которых отличается сложностью и многообразием, объясняемыми определенными историческими процессами в развитии русского языка. Прежде всего требует объяснения тот факт, что сравнительная степень прилагательных в современном русском языке характеризуется то суффиксом *-е* и чередованием конечного согласного корня, то суффиксом *-ее* без такого чередования; ср. *лучше*, *крепче* и *новее*, *сильнее*.

Такое различие связано с тем, что исконно сравнительная степень образовывалась с помощью суффикса, включающего в свой состав начальный согласный [j]. Если этот [j] присоединялся непосредственно к конечному согласному, то он, как обычно, ассимилировался этому согласному, смягчая его (при этом смягчение могло приводить к появлению согласного иного качества). Например, от основы *здѣ-* (*здѣмъ*) при образовании сравнительной степени начальный согласный суффикса [j] присоединялся непосредственно к [д], в результате чего возникал мягкий [ж] (см. § 45): *лучше*. Но этот [j] мог присоединяться и не непосредственно к конечному согласному основы, а через посредство *-ѣ-*; так, например, *новѣ - ѣ - j - е > новѣе > новее*.

Надо иметь в виду, что в истории русского языка исконные формы сравнительной степени могли преобразовываться. Так, в результате редукции до исчезновения конечного [е] суффикса *-ѣе > -ее* изменялся в *ей*, широко распространенный в современной, особенно устной речи: *сильней*, *скорей*, *веселей* и т. д.

§ 136. Что касается современной формы превосходной степени прилагательных с суффиксом *-ейш-*, то по происхождению она является той же сравнительной степенью, но осложненной присоединением падежных форм указательного местоимения *и*, *я*, *в* (как это было и при образовании полных прилагательных, см. § 126). То, что эта форма по происхождению является сравнительной степенью, обнаруживается в употреблении ее еще в начале XIX в. именно в этом исконном значении (ср. например, у Жуковского: «Огромнейший первый камень схватил» — «Одиссея»). Наряду с *-ейш-* в превосходной степени после шипящих выступает суффикс *-айш-*: *высочайший*, *дражайший*, *кратчайший*, *тишайший* и т. п.¹ Надо сказать, что в современном языке формы превосходной степени с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* распространены все-таки не широко: более употребительны описательные составные (аналитические) обороты для выражения превосходной степени — *самый высокий*, *самый краткий* и т. п.

В древнерусском языке превосходная степень выражалась также описательно, с помощью слов *вельми*, *очень*, *самый*, при-

¹ Суффикс *-айш-* образован следующим образом: *крепкий* — *крепкѣйш(ий)* > *крепкѣйший* > *крепчайший*.

соединяемых к прилагательным, а в книжном языке также церковнославянизмами — прилагательными с приставкой *пре-* (*пре-добрый, премудрый*) и образованиями с приставкой *наи-* (*наиболь-ший, наилучший*).

Составные формы степеней сравнения стали особенно употре-бительны с середины XIX в. «Эта серия форм степеней сравнения должна быть признана очень живой и продуктивной в составе современного русского литературного языка. Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть об-разованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения (например, от прилагательных с суффиксами *-ский, -ний, -овый* и т. п.). Описательные формы степеней сравнения последовательны, универсальны и логичны¹.

Правонаписание
прилагательных

§ 137. При изучении прилагательных необ-ходимо обратить внимание на вопросы орфо-графии, связанные с историческими явлениями.

В первую очередь это относится к различным случаям чередова-ния. При образовании кратких форм учащиеся встретятся со случаями появления беззвучных [о], [е] (т. е. с чередованием этих гласных с нулем звука); ср. *близкий — близок, робкий — робок, сладкий — сладок, узкий — узок, страшный — страшен* и т. д. Кроме того, при образовании полных прилагательных часты случаи стечения согласных, что ведет к появлению непронизносимых согласных; ср. *лигнит — гигантский, уста — устный, опоздать — поздний, счастье — счастливый, прелесть — прелестный, известие — известный* и др. Особое внимание должно быть уделено правилам, связанным с шипящими согласными и [ц]. Здесь важно показать учащимся их систематичность и последова-тельность орфографии существительных и прилагательных. Речь идет о написании шипящих в конце существительных и кратких прилагательных (ср. *врач, шалаш, нос, плац, отец* и *горяч, могуч, хорош, свеж* и т. д.), а также о написании *о, е* после шипящих и *ц* в окончаниях и суффиксах существительных и прилагательных (ср. в существительных: *врачом, сонцом, камышом, плачем, товарищем, задачей, крышей, улицей, сердцем; снежком, рубином, медвежонком, по горбешку, человечку, кусочку* и т. п.; в прилагательных: *большой, чужой, по горбешку, свежее; ежовый, торцовый, по ключевой, лицевой, вещевой* и т. п.).

Учащиеся должны понять, что во всех этих орфографиче-ских случаях имеются два условия: *о* в окончаниях и суффиксах существитель-ных и прилагательных пишется только тогда, когда находится после шипящих или *ц* под ударением. Несоблюдение хотя бы одного условия требует здесь написания *е* (ср. *грушевый* — суф-фикс *-ев (ый)* находится после шипящего в неударном положении; *козленок* — ударный суффикс находится не после шипящего и *ли ц*).

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 247.

§ 138. В современном русском языке числительные, образуя особую, отдельную часть речи, объединяют слова — названия чисел, совершенно разные по своему образованию, по своему исконному характеру, по типам словоизменения. Это объясняется тем, что как особая часть речи числительные сложились в относительно поздний период истории русского языка и до сих пор сохраняют многие особенности, присущие им в древнерусскую эпоху. Эти особенности связаны, в первую очередь, с тем, что в древнерусском языке слова — названия чисел не образовывали особой части речи, а относились или к прилагательным, или к существительным, или вообще еще не являлись собственно словами, а представляли собой сочетания слов определенного характера.

§ 139. Прилагательными были названия чисел *одинъ* (*одинъ*, *одно*), *два* (*два*), *три* (*три*), *четыре* (*четыре*). Такой их «прилагательный» характер выражался прежде всего в том, что они **с о г л а с о в а л и с ь** в роде, числе и падеже с существительными, к которым они относились: *два* (муж. р.) и *два* (жен. и ср. р.); они также согласовались с существительными, выступавшими в падежных формах двойств. числа (см. выше, § 88), а *три* (муж. р.), *три* (жен. и ср. р.) и *четыре* (муж. р.), *четыре* (жен. и ср. р.) — с существительными, выступающими в падежных формах множ. числа: *два стола*, *два рыбы*, *два сель*; *три стола*, *три рыбы*, *три окна*; *четыре стола*, *четыре рыбы*, *четыре окна*. В современном языке такие отношения не существуют.

Синтаксические признаки прилагательного полностью сохранило только числительное *один*, которое, сочетаясь с существительными, согласуется с ними в роде, числе и падеже. Следует отметить, что слово *один* может употребляться также в качестве местоимения или существительного. Например: «... в одном департаменте служил *один* чиновник» (Н. В. Гоголь); «Все за *одного*, *один* за всех» (пословица).

Остальные количественные числительные в им.-вин. пад., сочетаясь с существительными, выступают в роли управляющих слов, причем числительные *два*, *четыре* требуют род. пад. ед. ч. (*четыре стола*), а остальные числительные — род. пад. мн. ч. (*пять столов*). Во всех косвенных падежах числительные сочетаются с существительными, полностью согласуясь с ними, ср. *двух столов*, *двумя столами*.

П р и м е ч а н и е. Прилагательные-определения, имеющиеся при существительных, которые сочетаются с числительными *два*, *три*, *четыре*, могут быть и в форме им. пад. мн. ч., и в форме род. пад. мн. ч., например: *четыре отважные летчицы* и *четыре отважных летчика*.

В таком изменении связей чисел с относящимися к ним существительными отражается процесс формирования числительных как особой части речи. Кроме того, можно просто установить, что современный язык знает только одну форму *три* и *четыре* (т. е. было утрачено различие по родам), а форма *две* стала при-
два стало употребляться не только со словами мужского рода, но и среднего, сказалось общее сближение склонений имен этих двух родов).

Не останавливаясь на рассмотрении довольно сложной истории надежных форм данной группы числительных, следует напомнить о том, что в современном русском языке в некоторых образованиях сохранились старые, древнерусские формы числительного *два (две)* (см. § 89).

§ 140. Особого исторического комментирования заслуживает числительное *один*. Оно произошло из общеславянской формы *единъ* (ср. в современном русском языке *единый, единственный, единица, объединение, единство* и др.), которая является результатом сложения *соъ* и *инъ*; *соъ* выступает в значении усилительной частицы (ср. *еда*), а *инъ* первоначально обозначало «один», далее — «некоторый, какой-то» (ср. *иной, иногда, инородный, иногородний, иносказательный, иностранный* и др.). В словах *инок* (калька греч. слова «монах»), *инорог* сохранилось старое значение *ин* — «один».

Словообразовательный элемент *ин* в роли суффикса мы встречаем в словах типа *татарин, армянин, болгарин, хозяин, господин, гражданин*, где он выступает в значении единичности.

§ 141. В отличие от групп *2 3 4*, слова — названия чисел от *5* до *10*, а также *сорок, сто, тысяча* в древнерусском языке были существительными, изменявшимися, правда, по разным типам склонения: *5—9* как существительные 3-го склонения, *10* — как существительные типа *лава, река* (см. § 100), *40* и *100* — как существительные 2-го склонения, а *1000* — как существительные 1-го склонения. Однако все они объединялись тем, что при этих названиях чисел относящиеся к ним существительное употреблялось в форме род. пад. мн. ч., т. е. здесь некогда была связь у и р а в л е н и я. Эта группа числительных по существу сохранилась в современном языке без изменений, если не считать утраты надежных форм числительных *40* и *100* и перехода числительного *10* в 3-е склонение. Последний факт не требует особых комментариев, а история числительных *40* и *100* заслуживает определенного внимания.

§ 142. Слово *сорок* по своему происхождению является существительным со значением «рубаха» (ср. совр. *сорочка*) или «мешок»). В «сорок» можно было положить 40 шкурок соболей на полную шубу. Как видно, название предмета было перенесено сначала на число этих соболей, а затем вообще отвлечено от конкретности; именно так возникло числительное *сорок*, заменившее

исконное *четыредесятъ* (о нем см. ниже, § 145). Это слово, как уже говорилось, изменялось по 2-му склонению, но в истории русского языка утратило свои падежные формы: в современном языке есть только *сорок* для им.-вин. пад. и *сорока* — для косвенных падежей. Как остаток старого склонения можно привести выражение *сорок сороков*, где выступает форма род. пад. мн. ч. *сорок*.

§ 143. Точно такую же утрату падежных форм, при сохранении лишь *сто* — *ста*, пережило и это слово-название числа (иногда еще употребляется старая форма род. пад. мн. ч. *сот*, например: *несколько сот рублей, триста сот* и т. п.).

Что же касается слова *тысяча*, то оно не пережило никаких изменений и в современном языке склоняется как существительное мягкой разновидности 1-го склонения.

Числительные последующих разрядов являются поздними заимствованиями: *миллион* — из итальянского, *миллиард* и *биллион* — из французского языка, и функционируют они как изменяемые существительные 2-го склонения. Никаких специальных исторических комментариев они не требуют.

§ 144. Особого внимания заслуживают числительные *11—19*, *20—30*, *50—80*, *200*, *300*, *400* и *500—900*, так как все они представляют собой результат изменения первоначальных сочетаний разных слов — названий чисел. Именно потому, что такие первоначальные сочетания превратились в самостоятельные слова, мы и можем говорить о новых образованиях числительных; такому превращению предшествовало возникновение в сознании людей простых целых понятий об этих числах, тогда как до этого существовало понятие о сложных названиях чисел.

В древнерусском языке для обозначения количества от *11* до *19* употреблялось сочетание из трех слов: *одинъ*, *два* (*двъ*), *три* и т. д. + предлог *на* -, местн. пад. от *десять* — *десяте*: *один-на-десяте*, *двъ-на-десяте*, *три-на-десяте* и т. д., т. е. один, два, три... сверх десяти. Изменению этих сочетаний в одно слово способствовали фонетические процессы, обусловленные произношением, а именно: если первоначально ударение имели и *один*, *два*, *три*..., и *десяте*, то постепенно при слитном произношении это ударение стало сохраняться только на первой части сочетания; в результате этого возникало ослабление, редукция безударных (заударных) гласных — так начало появиться произношение *одинна-д(ь)-сяте*; в новообразованном слове сочетание согласных (*дс*) в результате оглушения [*д*] изменилось в [*тс*], т. е. [*ц*]: *одиннадцать* [*д'инѣцѣтъ*']. Точно так же произошло и в остальных словах этой группы (*двѣ-на-дцать*; *три-на-дцать* и т. д.).

§ 145. Современные числительные *20* и *30* тоже происходят от сочетания самостоятельных слов: в древнерусском языке это были сочетания *два* с им. пад. двойств. ч. от *десять* — *десяти* и *три* с им. пад. мн. ч. от *десять* — *десяте* (как говорилось уже, *два* и *три* выступали здесь как прилагательные, согласованные

с *десять* как существительным в числе и падеже): *два-десяти*, *три-десяте*. Те же фонетические процессы, которые описывались при рассмотрении числительных *11—19*, привели к современным формам *двадцать*, *тридцать*. Точно так же было образовано и *40*: *четыре-десять* > *четыредесят*, которое было вытеснено словом *сорок*. Формы *пятьдесят* (*пять* + род. пад. мн. ч. *десять* = *пяти-десят*), *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* — сохранились.

§ 146. Теперь уже должно быть ясно, что современные числительные *200*, *300*, *400*, а также *500*—*900* — это тоже по происхождению сочетания *два* + *сот* (им. пад. двойств. ч. от *сто*), *три* и *четыре* + *ста* (им. пад. мн. ч. от *сто*), *пять*, *шесть* и т. д. + *сот* (род. пад. мн. ч. от *сто*).

Эти древнерусские образования по существу сохранились до наших дней без изменения, причем сохранилось и такое свидетельство былого их сложного состава, как склонение обеих частей данных числительных, тогда как в *11—19* и *20—30* в этом отношении ничто не указывает на исконную их сложность. Единственное преобразование *оубысть* в *оубыти* имеет чисто фонетический характер: изменение [ѣ] и [и] в безударном слоге и совпадение [ѣ] с [е] под ударением.

§ 147. *Десяносто* представляет собой загадочное образование. Здесь ясно только, что оно, как *сорок*, не исконно и появилось, как видно, вместо более старого *девятнадесят*. Однако способ образования слова *десяносто* до конца не ясен. По этому поводу высказывались разные догадки, из которых наиболее достоверной кажется следующая: *десяносто* возникло из сочетания *девять до ста* (т. е. девять десятков до сотни), которое в результате фонетического расподобления [т] и [д] и влияния *девятнадесять* изменилось в современное числительное. Но эта догадка, конечно, остается лишь гипотезой.

§ 148. Историческое изучение имен числительных представляет для учащихся большой интерес, так как появление и развитие этой самостоятельной части речи связано с развитием человеческого общества, с расширением познания человеком окружающей действительности, с развитием отвлеченного мышления и возникновением числовых представлений.

Первоначально круг этих представлений был весьма ограничен и связан с конкретными понятиями ¹. Ф. Энгельс в «Анти-

¹ Учащиеся частично знакомы с римскими цифрами, которые в настоящее время употребляются весьма ограниченно — обычно при обозначении веков (например, XX в., XIX в.), месяцев при указании дат (например, 9.V. 1945) и в некоторых других случаях.

Учитель может обратить внимание учащихся на то, что в основе обозначения цифровой системы первого десятка древними римлянами положены десять пальцев: I, II, III, V (напоминает руку с пятью пальцами); X (напоминает скрещение двух рук с десятью пальцами); при этом, если большая цифра стоит перед меньшей, то они складываются (например, VI — 6, XII — 12, если же меньшая стоит перед большей, то вычитаются (например, IV — 4, IX — 9 и т. п.).

Дюринге» писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»¹.

В глубокой древности, как это было показано выше, числительные были непосредственно и неразрывно связаны с существительными и прилагательными и, лишь пройдя долгий путь развития, выделились в самостоятельную часть речи. Впервые М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755 г.) назвал числительные особой частью речи. О бывшей генетической связи числительных с другими частями речи писал акад. В. В. Виноградов: «Числительные в истории русского языка объединялись в самостоятельный грамматический класс, порвав старые связи с классами существительных (*пять — пяти* и т. д.) и отчасти (*два — две, оба — обе, три, четыре*, а также собирательные формы: *двое, трое, четверо* и т. н.) местоимений и прилагательных»².

§ 149. В современных числительных сохранились пережитки старинных морфологических отношений. Вот почему в грамматическом отношении числительные в настоящее время представляют довольно пеструю картину: наблюдаются своеобразные особенности в их синтаксической функции и морфологических свойствах.

Необходимо особо обратить внимание учащихся на то, что имена числительные не имеют грамматической категории рода (кроме *один — одна — одно, два — две, оба — обе, полтора — полторы* ³). Современные числительные также не имеют грамматической категории числа (кроме *один, тысяча, миллион, миллиард* и т. п., которые фактически относятся к другим частям речи).

Для того чтобы закрепить сведения, полученные на уроках, рекомендуется дать учащимся различные упражнения и задания. Так, например, многие учащиеся допускают типичную ошибку, относя такие слова, как *единица, двойка, тройка, четверка, пятерка, десятка, сотня* и др., к числительным.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 37.

² Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 288.

³ Первоначально — *полтора* (т. е. *половина второго*; мы и сейчас при определении времени пользуемся этой формой). Позднее в результате стечения трех согласных (*лвт*) согласный *в* исчез: *пол(в)тора*. От *полтора* образовано числительное *полтораиста*.

Достаточно обратить внимание учащихся не только на семантику этих слов, но и на наличие в них следующих грамматических категорий, не свойственных числительным: эти слова имеют категорию рода, числа, могут иметь определения (например, *великолепная семерка*, *почетные «пятерки»* и т. д.), что вовсе невозможно для числительных.

ГЛАГОЛ

§ 150. Глагол как часть речи, обозначающая действие как процесс, противопоставлена именам существительным, прилагательным, числительным, а также местоимениям. Имена склоняются, а глаголы спрягаются.

Система глагольных категорий современного русского языка характеризуется наличием ряда черт, существенно отличающих ее от древнерусской глагольной системы.

Рассмотрим эти категории в сравнительном плане.

Инфинитив § 151. Неопределенная форма глаголов (или инфинитив) в древнерусском языке оканчивалась на *-ти* (*писати, ходити, зватьи*). В одних случаях окончание *-ти* присоединялось непосредственно к корню глагола (*нес-ти, пи-ти*), а в других — посредством суффиксов *-а-* (*-я-*), *-ю-*, *-и-*, *-ну-* (*зъвати, дъяти, летѣти, грати, согнути*).

Господствующее в современном русском языке окончание *-ть*¹ возникло в связи с исчезновением конечного безударного [и], которое оставило лишь мягкость конечного согласного [тʲ]: *писать, ходить, звать* и т. д. В то же время конечное [и] в инфинитиве сохраняется под ударением: *нести́, везти́, плести́, идти́*, причем присоединение приставок к таким глаголам не приводит к изменению этих форм: *принести́, унести́, занести́, донести́, привезти́, расплести́* и т. д. То же наблюдается и в образованиях с приставкой *вы-*, перетягивающей на себя ударение: *вынести́, вывезти́, выйти́*.

Глаголы на *-ти* в современном языке образуются от основ с конечными согласными *з, с, д, т, б*, однако несколько глаголов с основой на *з, с* в неопределенной форме имеют окончание *-ть* (вместо ожидаемого *-ти*): *грызть, есть, класть, прочесть, сесть, упасть, учсть* и некоторые другие.

В литературе первой половины XIX в. такие формы могли употребляться в более широком круге глаголов. Ср., например, у Крылова: «Его (Вола) *принести* богам за все его проказы. Чтوب и тела нам *спасть* и нравы от заразы» («Мор зверей»). То же у Пушкина:

¹ В современной научно-методической литературе нет единого мнения о морфеме *-ть* в неопределенной форме глаголов. Некоторые авторы продолжают считать ее суффиксом, другие — окончанием. Добиваясь единообразия, вслед за школьным учебником русского языка мы считаем эту морфему своеобразным окончанием.

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака *нести*,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче *свесть*.

(«Евгений Онегин».)

Подобные факты можно встретить в стихотворных произведениях и более позднего времени. Например, у Маяковского: «Я знаю — саду *цвесть*».

Надо обратить внимание на то, что в рассматриваемой группе глаголов наблюдаются разные соотношения конечных согласных основы настоящего времени и инфинитива: в одних глаголах в обеих основах выступает один и тот же конечный согласный, например: *нес-у* — *нес-ти*, *сез-у* — *сез-ти*, *ид-у* — *ид-ти*, в других же наблюдается чередование разных конечных согласных этих основ, например: *вед-у* — *вез-ти*, *греб-у* — *грес-ти*, *мет-у* — *мез-ти*. Это объясняется тем, что еще в праславянскую эпоху при образовании форм инфинитива от основ на *д* и *т* возникали сочетания согласных *д-т*, *т-т* (*вед-ти*, *мет-ти*), в которых произошло расподобление двух согласных звуков; в результате на месте группы [дт], [тт] возникла группа [ст]. Что касается формы *грести*, то она имеет несколько иное происхождение: исконное сочетание *б-т* (**греб-ти*) упростилось в праславянском путем утраты [б]: **греб-ти* > *грести*; такая форма зафиксирована в памятниках древнерусского языка; современное же *грести* — это новообразование, возникшее под влиянием глаголов на *-сти* (типа *везти*, *нести* и т. д.).

§ 152. Инфинитив некоторых глаголов в древнерусском языке оканчивается на *-чи*: *печи*, *речи*, *беречи* и др. По своему происхождению *-чи* также восходит к *-ти*: если основа оканчивалась на заднеязычные *з*, *к*, то при образовании инфинитива появлялись сочетания [гт], [кт], которые не были свойственны славянским языкам; изменение этих сочетаний имело своим результатом появление на их месте звука [ч'], например: **пек-ти* > *печи*, **берек-ти* > *беречи*.

Ср. у Крылова: «Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник...» («Щука и Кот»).

В связи с исчезновением конечного безударного [и] образовались современные формы типа *печь*, *беречь*, в которых, следовательно, конечное [ч'] (орфографически *-чь*) включает в себя элементы корня и окончания. Эта непродуктивная форма глаголов в современном русском языке немногочисленна; сюда относятся следующие глаголы (не считая приставочных и возвратных образований):

беречь (ср. *берегут*)
вечь (ср. *влекут*)

обречь (ср. *обрекут*)
печь (ср. *пекут*)

сечь (ср. *солокут*)
 лечь (ср. *лечут*)
 запрячь (ср. *запрягут*)
 лечь (ср. *лечут*)
 лечь (ср. *могут*)
 облечь (ср. *облекут*)

пренебречь (ср. *пренебрегут*)
 сечь (ср. *секут*)
 стеречь (ср. *стерегут*)
 стричь (ср. *стригут*)
 течь (ср. *текут*)
 толочь (ср. *толкут*)

§ 153. Как известно, в современном русском языке в ряде случаев наблюдается омонимическое совпадение инфинитивных форм и форм существительных, например: инфинитивы *течь, лечь, знать, пасть, мочь* и существительные *течь, лечь, знать, пасть, мочь* (в сочетании *бегать во всю мочь*). Подобное явление объясняется тем, что по происхождению инфинитив — это не глагольная, а именная форма: он представляет собой заставшее образование дат. предл. пад. существительных 3-го склонения (имевших в этой форме окончание *-и*). Следовательно, с исторической точки зрения формы *течи, лежи, стати, знати, пасти, мочи* являются падежной формой существительных *течь, лечь, знать, пасть, мочь*, оторвавшейся от имени и втянутой в систему глагола.

Утрата конечного безударного [и] в инфинитиве и привела к омонимическому его совпадению с соответствующими формами существительных.

§ 154. Если в современном русском языке неопределенная форма оканчивается, главным образом, на *-ть*, а также в ограниченном количестве глаголов на *-ти* и *-чо*, то, как это было показано выше, все эти три формы, в конечном счете, развились из единой древней формы на *-ти*.

При изучении фольклора учащиеся убеждаются в том, что окончание *-ти* в неопределенной форме глаголов было нормой для древнерусского языка, ср. в былинке: «Стал Вольга тут покрикивати, колпаком стал Вольга помадывати...»

Обращая внимание на омонимичные образования инфинитива и начальной формы существительных (*течь, лечь, знать* и др.), учитель может, опираясь на контекст (даже не касаясь вопроса о том, что инфинитив по происхождению является формой именного падежа существительных), показать учащимся различие между именем и глаголом: *хлеб* (что *д а л а т ь*?) *печь* (глагол); *толочь* (что *о*?) *печь* (существительное).

Основа глагола

§ 155. Как в современном, так и в древнерусском языке глаголы имеют и имели две основы:

- основу настоящего времени, которая четко выделяется в 3-м л. мн. ч. наст. времени: др.-русск. *бер-уть, нес-уть, ход-яти, говор-яти*; совр. *бер-ут, нес-ут, ход-ят, говор-ят*;
- основу инфинитива, которая выделяется путем отбрасывания окончания *-ти*: др.-русск. *нес-ти, ходи-ти, зва-ти*; совр. *нес-ти, ходи-ть, зва-ть*.

Как видно из примеров, основы настоящего времени и инфинитива иногда совпадают (*нес-уть, нес-ти*).

От основы настоящего времени как раньше, так и теперь образуются формы настоящего и будущего (простого) времени, повелительного наклонения, причастий настоящего времени действительного и страдательного залогов, деепричастие несовершенного вида.

От основы инфинитива образуются глагольные формы прошедшего времени, причастий прошедшего времени действительного и страдательного залогов, деепричастие совершенного вида, а в древнерусском языке еще и несклоняемые причастия с суффиксом *-л-*.

§ 156. Учащиеся иногда испытывают затруднения при анализе морфемного состава некоторых глагольных форм.

а) Анализируя неопределенную форму глагола II спряжения типа *пи-ить, ку-ить* и форму 3-го л. ед. ч. наст. и будущ. простого времени этих же глаголов типа *пи-ит — напи-ит, ку-ит — по-ку-ит*, учащиеся иногда отождествляют природу и назначение звука [и] в этих двух различных формах. Фактически же звук [и] в словах *пи-ить, ку-ить* является глагольным тематическим суффиксом, а в словоформах *пи-ит, ку-ит* он входит в состав личного окончания:

$\overbrace{\text{пи.и}^{\wedge}} \boxed{\text{ть}}$, $\overbrace{\text{ку.и}^{\wedge}} \boxed{\text{ть}}$ — $\overbrace{\text{пи.и}} \boxed{\text{ит}}$, $\overbrace{\text{ку.и}} \boxed{\text{ит}}$.

Следует также обратить внимание на перемещение ударения в этих формах: *пи-ить — пи́ит, ку-ить — ку́ит*.

б) Некоторые учащиеся не всегда различают личные окончания глаголов 1-го л. мн. ч. наст. времени *-ем, -им* и омонимичные суффиксы страдательных причастий наст. времени *-ем, -им*.

Ср.:

мы разреша $\boxed{\text{ем}}$ — *разрешае́м* $\boxed{\text{ий}}$, *мы вывоз* $\boxed{\text{им}}$ — *вывози́м* $\boxed{\text{ий}}$.

В подобных случаях достаточно провести морфемный анализ таких слов, объяснить назначение каждой значимой части слова, и недоумение будет рассеяно.

Формы настоящего времени § 157. В древнерусском языке все глаголы делились на тематические и нетематические. Тематические глаголы характеризовались тем, что у них между основой и личными окончаниями настоящего и будущего времени выступали тематические (суффиксальные) *-е-* или *-и-*, в зависимости от чего различались два спряжения: первое и второе. К этому типу относились все глаголы, кроме пяти нетематических (о них см. ниже § 158).

Для того чтобы наглядно увидеть отличия форм настоящего и будущего (простого) времени в древнерусском и современном языках, приводим сравнительные образцы спряжения.

I спряжение II спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>несу</i>	<i>хваляю</i>
	2 л.	<i>несешь</i>	<i>хвалиши</i>
	3 л.	<i>несетъ</i>	<i>хвалитъ</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>несемъ</i>	<i>хвалимъ</i>
	2 л.	<i>несете</i>	<i>хвалите</i>
	3 л.	<i>несутъ</i>	<i>хвалятъ</i>

I спряжение II спряжение

<i>несу</i>	<i>хваляю</i>
<i>несешь</i>	<i>хвалишь</i>
<i>несет</i>	<i>хвалит</i>
<i>несем</i>	<i>хвалим</i>
<i>несете</i>	<i>хвалите</i>
<i>несут</i>	<i>хвалят</i>

Как показывает приведенная таблица, изменения в личных окончаниях глаголов в истории русского языка оказались незначительными и носят в основном фонетический характер: во 2-м л. ед. ч. утратился безударный конечный [и]; в 3-м л. ед. и мн. ч. вместо мягкого стал произноситься твердый [т]; в личных формах глаголов I спряжения произошло изменение [е] в [о] (*несешь* > *несѣшь*, *несет* > *несѣт*, *несем* > *несѣм*, *несете* > *несѣте*). В основном же современный язык сохраняет личные окончания настоящего времени, характерные и для древнерусской эпохи.

§ 158. Тематических глаголов в древнерусском языке было всего пять: *быти* (1-е л. ед. ч. *есми*), *вѣдѣти* — «знать» (*вѣмь*), *дати* (*одамь*), *имѣти* — «иметь» (*имѣмь*) и *имѣти* (*имамь*).

Особенность этих глаголов заключалась в том, что у них личные окончания присоединялись непосредственно к корню (без тематических гласных -е- или -и-), и эти окончания отличались в некоторых формах от окончаний тематических глаголов.

В истории русского языка этот тип глаголов как особая группа распался.

Глагол *вѣдѣти* полностью был утрачен русским языком. Сохранилась лишь форма 3-го л. ед. ч. *вѣсть* во фразеологическом обороте *бог вѣсть*, — «бог знает», например: *Бог вѣсть, что он говорит*.

Глагол *имѣти* > *иметь*, приобрести окончания, свойственные тематическим глаголам, перешел в I спряжение.

У глагола *быти* полностью утрачены формы 1-го л. (ед. ч. — *есмь*, мн. ч. — *есмѣ*), и лишь в фольклоре встречаются формы 2-го л. (ед. ч. — *еси*, мн. ч. — *есте*), например в былинах: «Ой, ты гой *еси*, добрый молодец». Форма 3-го л. ед. ч. этого глагола *есть* в современном языке употребляется в значении «имеется» и в ед. и во мн. ч. («У меня *есть* книги»), и в роли глагола связи, который в настоящем времени употребляется редко. Ср.: «Гроза» *есть*, без сомнения, самое решительное произведение Островского» (Добролюбов, «Луч света в темном царстве»); «Это *есть* наш последний и решительный бой». Такую же функцию в научной литературе иногда выполняет и форма 3-го л. мн. ч. *суть*: «...Языки церковнославянский и наш русский... *суть* языки самостоятельные» (Ф. И. Буслаев, «Историческая грамматика»). Вместо

с тем форма *суть* может выступать и как существительное, ср. «В этом была *суть* дела».

Глаголы *дати* > *дать* и *ѣсти* > *есть* сохранили старую форму 1-го л. ед. ч. (с отверждением конечного согласного): *дамъ* > *дам*, *ѣмъ* > *ем* и приобрели под влиянием тематических глаголов окончание *-иши* > *-ишь* (вместо ископного *-си*) во 2-м л. ед. ч.: *даси* > *даши* > *дашь*, *ѣси* > *ѣши* > *ѣшь*. В 1-м и 2-м л. мн. ч. у этих глаголов вместо ископных форм стали употребляться формы повелительного наклонения: *дадим*, *дадите* и *едим*, *едите* (вместо *дамъ*, *дасте* и *ѣмъ*, *ѣсте*).

Следует еще отметить, что формы инфинитива *дати* и *ѣсти* представляют собой результаты определенных древних фонетических преобразований. Присоединение окончания *-ти* к основам *дад-* и *ѣд-* (ср. др.-русск. 3-е л. мн. ч. *дадѣуть* > *дадутъ* и *ѣдѣуть*) создавало группу согласных *д — т*, подвергнушуюся раснодоблению в [ст] (**дад-ти* > *дасти*, **ѣд-ти* > *ѣсти*); в дальнейшем в *дасти* > *дать* звук [с] был утрачен, а в *ѣсти* > *есть* он сохранился.

§ 159. Следует иметь в виду, что в современном русском языке,ряду с продуктивными группами глаголов, имеется ограниченное количество непродуктивных глаголов. Лексический состав этой группы не пополняется, так как по образцу этих глаголов новые глагольные образования не возникают. Больше того, в современном русском языке постепенно сокращается количество непродуктивных глаголов, частично переходящих в продуктивные классы, частично образующих замкнутые небольшие группы одиночных слов, имеющих свои особенности в формообразовании. Среди них, например: *бежать*, *хотеть*, *есть* (принимать пищу), *дать*, *быть*, *брить*, *ехать*, *идти*, *бить*, *мыть* и др.

Нетрудно заметить, что эти глаголы активно участвуют в нашей речевой практике. Однако некоторые из них сохранили своеобразные архаические черты, которые могут быть осмыслены с привлечением фактов истории языка.

В школьном учебнике русского языка для V—VI классов даны таблицы спряжения двух глаголов: *хотеть* и *бежать* (см. с. 177). Легко заметить, что в единственном числе глагол *хотеть* изменяется по I спряжению, а во множественном — по II; глагол же *бежать* изменяется по II спряжению, кроме формы 3-го л. мн. ч. Именно поэтому данные глаголы названы разноспрягаемыми. Как возникла разноспрягаемость? Дело в том, что в древнерусском языке когда-то были два глагола: *бежати* и *бечи*. Первый спрягался как *кричать*, а второй — как *нечь*. Современное I спряжение образовалось путем объединения форм этих двух глаголов. Что же касается глагола *хотеть*, то в древности существовали два спряжения этого глагола: *хочу*, *хочешь*, *хочет*, *хочем*, *хотите*, *хочут* и *хочу*, *хотишь*, *хотит*, *хотим*, *хотите*, *хотят*. Современное спряжение образовалось путем объединения форм этих двух спряжений.

Еще аналогичный пример. В современном русском языке существуют две формы неопределенного наклонения *стать* (I спряжение) и *стелить* (II спряжение). Но формы настоящего времени для обоих глаголов в литературном языке обычно употребляются общие: *стелешь, стелет, стелем, стелете, стелют* (т. е. по I спряжению).

На странице 178 школьного учебника для V—VI классов даны таблицы спряжений глаголов *есть, дать*, которые сохранили архаические формы: эти архаические формы сохраняются и в производных от них глаголах *доест, съест, наестся, создаст, продаст* и т. п. (Об истории нетематических глаголов см. § 158.)

§ 160. В древнерусском языке с дописемной эпохи фактически употреблялись четыре формы прошедшего времени: две простые (аорист и имперфект) и две сложные (перфект и давно-прошедшее). Наличие такой сложной системы форм прошедшего времени объясняется слабым развитием в ту эпоху категории вида. С развитием видовых отношений эта система прошедших времен разрушилась. Именно в истории становления единой формы прошедшего времени в русском языке кроются многие ее особенности.

§ 161. Прежде всего следует отметить, что в древнерусском языке существовала особая грамматическая форма — так называемое причастие прошедшего времени на *-л*. Оно образовывалось от основы инфинитива путем прибавления к ней суффикса *-л* и родового окончания; как и всякое причастие, оно не спрягалось, а изменялось по родам и числам; ср. *ходилъ, ходила, ходило* — ед. ч.; *ходили* (муж. р.), *ходили* (жен. р.), *ходилиа* (ср. р.) — мн. ч.

Если основа оканчивалась на согласные *д, т*, передующиеся с *с*, то *д* и *т* в причастиях на *-л* перед [л] выпадали; ср. *вести* (< *ведти) — *вед + лъ* > *велъ*; *мести* (< *метти) — *мет + лъ* > *мелъ*.

Причастия на *-л* в древнерусском языке были весьма употребительны, ибо с их помощью образовывались сложные глагольные формы: перфект, давнопрошедшее, будущее сложное второе и сослагательное наклонение, причем по образованию все эти формы различались характером глагола-связки, но были одинаковыми по употреблению в них причастия на *-л*. В этом плане образование перфекта характеризовалось тем, что в нем участвовали причастие на *-л* и форма наст. времени глагола связки *быти*. *есть* *пришьлъ, еси пришьлъ, есть пришьлъ*; *есть* *пришьли, ете пришьли, суть пришьли* — для муж. р. и точно так же соответственно для жен. и ср. р.

Постепенно формы перфекта подверглись изменению. В связи с утратой спряжения нетематического глагола *быти* в наст. времени в формах перфекта глагол-связка все чаще стал опускаться, а лицо, ранее выражавшееся формами наст. времени от *быти*, стало обозначаться личными местоимениями.

раньше всего вспомогательный глагол утрачивался в 3-м л. ед. и мн. ч., так как наличие подлежащего — существительного или местоимения делало эту форму излишней. Так, уже в XI в. в известной надписи на Тмутароканском камне отсутствует глагол-связка в 3-м л. ед. ч.: «Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду» (а не «мѣрилъ есть»).

Постепенно личные местоимения стали употребляться в 1-м и во 2-м лице, в результате чего вспомогательный глагол и здесь вышел из употребления. Таким образом, вместо древнерусских *есмы писалъ* (-а, -о), *еси писалъ* (-а, -о) и т. п. появились *я писалъ* (-а, -о), *ты писалъ* (-а, -о) и т. д.

Все это привело к тому, что на месте сложной формы прошедшего времени в современном русском языке остались только одни причастия на -а-, которые стали осознаваться как формы прошедшего времени глагола. Вот почему в современном языке глагол в прошедшем времени не изменяется по лицам, как в настоящем времени, а имеет формы рода и числа.

§ 162. В истории русского языка были утрачены и формы давнопрошедшего времени, т. е. формы, обозначающие действие, которое было совершено раньше другого, тоже прошедшего действия. Из двух форм давнопрошедшего времени более распространенной была форма, образуемая сочетанием перфекта глагола *быти* и причастия прош. времени на -а-, например: *есмы былъ* (-а, -о) *вельмъ* (-а, -о) (т. е. давшим-давно велел).

Пережитки давнопрошедшего времени глагола в современном языке сохранились в разговорных конструкциях, выражающих как бы прерванное прошедшее действие, т. е. действие, которое начиналось, но не завершилось, например: *мы хотели было, да не успели*; *он пошел было, да вернулся*; *мы собрались было, но раздумали*. Ср. в басне И. А. Крылова «Ворона и Лисица»: «*Позавтракать было совсем уж собралась, да призадумалась...*»

Сослагательное
наклонение

§ 163. Глаголы в сослагательном (или условном) наклонении обозначают действия, которые

могут произойти при определенных условиях. По своему значению и образованию сослагательное наклонение древнерусского языка весьма близко к современному. В древнерусском языке оно образовывалось сочетанием причастия на -а- и спрягаемых форм аориста от глагола *быти*: *быхъ думать* (1-е л. ед. ч.), *бы писалъ* (2-е или 3-е л. ед. ч.), *быхомъ читали* (1-е л. мн. ч.), *бысте шли* (2-е л. мн. ч.), *быша знали* (3-е л. мн. ч.) и т. п.

С исчезновением простых прошедших времен в сослагательном наклонении закрепляется бывшая форма 2-го и 3-го л. ед. ч. аориста от *быти* — *бы*, превратившаяся в условную частицу. Эта частица используется во всех лицах и числах при образовании форм сослагательного наклонения.

Частица *бы* в форме сослагательного наклонения может стоять непосредственно после глагола (чаще всего), перед глаголом и

даже перед другим словом, отделяющим ее от глагола. Передни случаи, когда частица относится сразу к нескольким глаголам. Например, у С. Я. Маршак:

Лег бы сбросить мне, ребята,
Шестьдесят,
Я бы тоже стал вожатым
Октябрят...
С октябрятами ходил бы
Я в поход,

Вместе с ними я водил бы
Хоровод.
Каждый день читал бы кипячки
Иль журнал,
А подчас и в кошки-мышки
Поиграл...

Из этого примера видно, что сослагательное наклонение может употребляться со значением пожелания, которое может быть выражено и одной лишь частицей без глагола (например: *Если бы тарелочку...*).

Таким образом, сослагательное наклонение восходит к конструкции, в образовании которой участвовало причастие на -а-. Вот почему у этого наклонения нет спряжения и оно не обозначает времени: сослагательное наклонение может обозначать действие, относимое ко всем трем временам, что устанавливается при помощи лексики и контекста; например: *если бы ты пришел сейчас; если бы вчера был дождь; завтра пойти бы в лес* и т. д.

Повелительное
наклонение

§ 164. Повелительное наклонение выражает побуждение к действию: просьбу, приказание, призыв, предложение и т. д.

В древнерусском языке повелительное наклонение образовывалось от основы наст. времени и имело формы 2-го л. ед. ч. и 1-2-го л. мн. ч.

В истории русского языка ряд форм повелительного наклонения был утрачен, а другие формы пережили определенные изменения.

В современном русском языке сохранились формы 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения. Если учесть, что побуждение к совершению действия со стороны говорящего может относиться прежде всего к собеседнику, то будет ясно, почему основной формой повелительного наклонения является 2-е л. ед. и мн. ч.

I. В современном русском языке во 2-м л. ед. ч. формы повелительного наклонения могут быть трех видов:

а) с ударным конечным -и: *ходи, приходи; дай, возьми, купи*; также с приставкой *вы-*, которая обычно переносится на себя ударение: *выпиши, выведи, вынеси*;

б) с конечным -й (ийот) после гласных: *думай, знай, читай, укрой*;

в) с конечным мягким согласным (мягкость обозначается письме буквой *ь*), появившимся в этой позиции после утраты безударного конечного -и: *буди > будь, трони > тронь, броси > брось, встани > встань*.

Таким образом, формы повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. в современном русском языке образуются: а) от чистой

основы настоящего (и будущего простого) времени с чередованием твердого согласного с мягким и б) от чистой основы + -и¹.

Исключениями являются: а) форма *ляг* с твердым согласным на конце и б) формы с отвердевшими конечными согласными *ж*, *ш* (типа *режь*, *ежь*), в которых буква *ь* уже не обозначает мягкости, а пишется по традиции.

II. Форма 2-го л. мн. ч. образуется путем агглютинативного присоединения *-те* к формам ед. ч.: *седи* — *сидите*, *знай* — *знайте*, *готовь* — *готовьте*, *режь* — *режьте* и т. д.

Примечание. Следует учесть, что в современном русском языке заднеязычные *г*, *к* глагольной основы в повелительном наклонении сохраняются: *бегу* — *беги* — *бегите* (а не «бежи» — «бежите»); *берегу* — *береги* — *берегите*, *неку* — *неги* — *неките*, *стерегу* — *стереги* — *стерегите*, *стригу* — *стриги* — *стригите* и т. д. От глагола *мочь* (*могъ*) форма повелительного наклонения *моги* не употребляется; хотя ср., например, у Крылова: «И слабого обидеть не *моги*» («Лев и Комар»). Точно так же не употребляется форма повелительного наклонения от глагола *хотеть*. Ср., впрочем, у А. К. Толстого: «Еще, еще. *Хоти* еще сильнее» («Портрет»).

От глагола *есть* употребляется форма повелительного наклонения *поезжай*, *поезжайте* (от неупотребительного глагола *поезжаться*), а не просторечные *ежай*, *ежайте* или *едь*, *едьте*, *езжай*, *езжайте*.

III. В формах повелительного наклонения возвратных глаголов после согласных присоединяется суффикс *-ся*, а после гласных — *-сь*: *бросься* — *бросьтесь*, *мойся* — *мойтесь*, *берегись* — *берегитесь*.

IV. Синтетическая форма 3-го л. ед. ч., совпадавшая в древнерусском языке с формой 2-го л. ед. ч., в современном языке перестала употребляться. В 3-м л. ед. ч. сохранились только инфинитивные формы повелительного наклонения с частицами *да*, *пусть*, которые употребляются и в 3-м л. мн. ч. и обозначают долженствование; например: «*Да здравствует* солнце, *да скроется* тьма!» (Пушкин); «*Пусть* сильнее *грянет* буря!» (Горький); «*Пусть* всегда *будет* солнце!» (из песни). Любопытно, что сама частица *пусть*, собственно русского происхождения, является формой 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения от *пустить* (ср. *пущай* от *пущать*). Частица *пусть* может присоединяться для выражения желания и к формам 1-го л. ед. ч.: «*Уж не мешайте, пусть я расскажу*» (Гоголь. «Ревизор»).

¹ Эта морфема *-и* в школьной учебнике для V—VI классов именуется суффиксом. Часто всего в научно-методической литературе она посприимается как окончание, что вполне обоснованно, так как эта морфема участвует в словоизменении, а не в словообразовании.

У. Заслуживает внимания история повелительного наклонения глагола *видеть* (др.-русс. *видѣти*).

При правильной форме *види* в древнерусском языке у этого глагола была еще форма *виждь* (ст.-слав. *виждѣ*), возникшая под влиянием нетематических глаголов типа *идти* от *идѣти*, *даждь* (ст.-слав. *даждѣ*) от *дати*. Старославянскую форму можно отметить в «Пророке» Пушкина: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли». После утраты редуцированных и оглушения конечной согласной форма *виждь* изменилась в *вишь*, превратившуюся в *челесо!* (Гоголь. «Мертвые души»).

§ 165. У учащихся часто вызывает затруднение определение состава слова в формах повелительного наклонения некоторых глаголов непродуктивных классов, и поэтому данный вопрос требует рассмотрения.

а) В односложных глаголах *бѣти* — *бѣи*, *бѣри* — *бѣи*, *виѣти* — *вей*, *лиѣти* — *лей*, *шиѣти* — *сей*. Горизонтальный гласный [и] основы инфинитива чередуется в основе наст. времени с [ѣ], ср.

$\widehat{бѣ} \boxed{ть}$ — *бѣют* [$\widehat{б'ѣ} \boxed{ут}$], а в формах повелительного наклонения

появляется [с]: [$\widehat{б'сѣ} \boxed{}$].

б) Односложные глаголы *виѣти* — *сѣи*, *крыѣти* — *крой*, *мыѣти* — *мой*, *ныѣти* — *ной*, *рыѣти* — *рой* в основе инфинитива имеют [ы],

а в основе настоящего времени — [ой], ср. $\widehat{кы} \boxed{ть}$ — *коя* $\boxed{}$.

Сюда же относится глагол *нѣти* — *ней* с чередованием *сѣи* и *сѣи*:

$\widehat{нѣ} \boxed{ть}$ — *ноя* $\boxed{}$.

в) Повелительное наклонение и будущее время глагола *быть* образуются от основы *буд-*: $\widehat{буд} \boxed{ь}$ — *будѣшѣ*... $\widehat{будь} \boxed{}$ — *будѣте* $\boxed{}$.

г) От глагола *есть* образуется форма повелительного наклонения *еши(те)*. Здесь закрепилось фонетическое написание, соответствующее произношению: в конце слова (*ежь* $\boxed{}$) и перед глухим согласным (*ежьте*) [ж] оглушается, ср.

$\widehat{ед} \boxed{а} > \widehat{ежь} \boxed{} > \widehat{еши} (те)$.

д) От глагола *идти* образуется форма повелительного наклонения

$\widehat{иди} (те)$.

Безличное
глаголы

3. без субъекта
Безличные глаголы
вызывают явл.
своей человек
Грамматическое
сущее: он
дн: употре
дн: време
дн: вечер
наклонения: в
Чем объясн
В далекие
родой, др
ной силы.
то имели
естественное с
таких гла
гались безл
или употре
человек не в
щество.
Безличные
ны и от ли
бры вырвала
ратные форм
улось.

§ 167. В др
склоняемые и
Несклоняем
была рассматр
Склоняемые
ременном, был
тоащего и пр
прилагательны
краткая явля
Рассмотрим
внимание при

§ 166. Интересной глагольной формой являются безличные глаголы, которые обозначают действие или состояние, протекающее само по себе, без субъекта, производящего действие, — без подлежащего. Безличные глаголы в предложении являются сказуемыми и обычно обозначают явления природы или внутреннее состояние и переживания человека.

Грамматическими признаками безличных глаголов является следующее: они не изменяются ни по лицам, ни по числам, ни по родам; употребляются только в формах 3 го л. ед. ч. наст. или будущ. времени или в форме ср. р. ед. ч. прош. времени (*вечерет, будет вечереть, вечерело*). Возможна и форма сослагательного наклонения: *вечерело бы, рассвело бы поскорее*).

Чем объясняется такое своеобразие безличных глаголов?

В далекие времена, чувствуя свое бессилие перед грозной природой, древние люди верили в существование сверхъестественной силы. Когда говорили *лихорадит, знобит, светает, морозит*, то имели в виду, что эти действия производит какое-то сверхъестественное существо, которое люди боялись назвать. Поэтому при таких глаголах подлежащее не употреблялось. Так образовались безличные глаголы. Естественно, что эти глаголы не могли употребляться и повелительном наклонении, поскольку человек не в силах побуждать к действию сверхъестественное существо.

Безличные глаголы в современном языке могут быть образованы и от личных глаголов; ср. *пахнет сено — пахнет сеном, буря вырвала дерево — бурей вырвало дерево*. Возможны и возвратные формы с суффиксом *-ся (сь)*: *ему не спится, ей взгрустнулось*.

ПРИЧАСТИЕ

§ 167. В древнерусском языке были два типа причастий: несклоняемые и склоняемые.

Несклоняемые причастия — это причастия на *-л-*. Их история была рассмотрена выше (см. § 161).

Склоняемые причастия в древнерусском языке, как и в современном, были действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени. И те и другие, так же как и прилагательные, имели краткую и полную форму, причем краткая являлась начальной формой, а полная — производной от краткой.

Рассмотрим формы причастий и их судьбу, обратив особое внимание прежде всего на краткие формы.

Причастия
действительного
залога
настоящего
времени

§ 168. Краткие причастия действительного залога наст. времени в древнерусском языке образовывались от глагольной основы наст. времени путем прибавления к ней суффиксов *-уч-* (*-юч-*) — для глагольных основ I спряжения, *-ащ-* (*-ящ-*) — для глагольных основ II спряжения, ср. в ср. р. эти суффиксы исчезали: *неса*, *сеса*, *леала* (но уже в род. пад. они выступали: *седуча*, *несуча*, *леаляча*).

Являясь определениями, краткие причастия в древнейшую пору, согласуясь с определяемым словом, изменялись по родам, числам и падежам. По роли в предложении и по характеру склонения они совпадали с краткими прилагательными. Однако краткие причастия рано начали терять падежные формы. Это объясняется тем, что краткие причастия, в отличие от прилагательных, были теснее связаны с глаголом и поэтому быстрее перестали употребляться в роли определений. Краткие причастия закрепились в роли именной части составного сказуемого, где господствующей формой является именительный падеж, согласованный с подлежащим, и это создало условия для отмирания форм косвенных падежей этих причастий.

Таким образом, в истории полных и кратких причастий прошел тот же процесс, что и в истории полных и кратких прилагательных: полные причастия стали употребляться в функции определения, а краткие окончательно закрепились в функции сказуемых. Однако параллельность этих процессов была неполной. Здесь прежде всего надо иметь в виду, что краткие причастия мужского и среднего рода на *а* типа *ида*, *неса*, попав под влияние причастий с мягкими основами типа *любя*, *леала*, изменили качество согласного перед конечным *а* и развились в *идя*, *неся*.

Краткие причастия действительного залога наст. времени стали оканчиваться на *-я* (*-а* после *ж*, *ш*, *ч*, *щ*). Они приобрели функцию второстепенного сказуемого. Это означало, что в языке появилась новая неизменяемая грамматическая форма глагола — *деепричастие* несовершенного вида, принявшее на себя названную выше функцию.

Именительный падеж единственного числа кратких причастий женского рода является в современном языке архаическим образованием, однако эта форма не исчезла бесследно, так как ее можно обнаружить в фольклоре, а также в произведениях, стилизованных под устное народное творчество. Особенно интересны в этом плане примеры из художественных литературных произведений XIX в., например: «Из-за дальних лесов, из-за синих гор, по темным кровелькам играючи, Тучки серые разгоняючи, Заря алая подымается» (Лермонтов: «Песня про купца Калашникова»); «И в руки белые берет Играючи топор тяжелый» (Пушкин: «Полтава»); «Лето он жил работаючи, Зиму не видел детей, Ночи о нем помышляючи, Я не смыкала очей» (Некрасов: «Мороз»).

Красный нос») и т. п. Ср. также народную фразеологию: *жить прилежючи, работать играючи, говорить жалеючи*. Старая форма от глагола *быть* — *будучи* является нормой литературного языка.

§ 169. Изучая деепричастие, учитель может объяснить учащимся, что слово *деепричастие* произошло от двух слов: *дес-* (от *делать* в значении «делать») + *причастие* (ср. *причастность*). Термин был введен в грамматику М. Смотрицким в начале XVII в. (по этой грамматике обучался еще М. В. Ломоносов). Сам этот термин указывает, что деепричастие имеет отношение к действию. В современном языке оно обозначает добавочное действие и имеет признаки глагола и наречия. Учитель должен обратить внимание учащихся на эти признаки.

Так как деепричастие — это особая грамматическая категория, сформировавшаяся в русском языке в относительно позднее время, важно на этом конкретном примере показать логику языковых явлений, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

В связи с тем что деепричастия, обозначая добавочное действие, примыкают к сказуемому, они оказываются в полной зависимости от последнего. Иными словами, деепричастие может быть употреблено лишь в том случае, если выражаемое им действие относится к тому же лицу или предмету, к которому относится действие сказуемого. Например, в предложении «*Синея, блещут небеса*» (Пушкин) дополнительное действие (*синея*) и основное действие (*блещут*) относятся к одному и тому же подлежащему (*небеса*). Такова норма языка. Вот почему А. П. Чехов в юмористических рассказах, иронизируя над малограмотностью пассажира, приводил следующую его запись в жатобной книге: «Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Юмор здесь в том, что действие, выраженное глаголом-сказуемым, относится к шляпе, а действия, выраженные деепричастиями, — к пассажиру. Поэтому и создается впечатление, что шляпа сама подъезжала к станции, она же глядела в окно и слетела с головы.

Употребление независимого деепричастного оборота (т. е. не относящегося к подлежащему) в современном русском языке является нарушением литературной нормы.

§ 170. Зависимость деепричастия от глагола-сказуемого привела к тому, что деепричастие не может иметь самостоятельного времени. Деепричастиям свойственны только категория вида и относительное обозначение времени. Рассмотрим примеры.

а) «Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову *наклони*...» (из песни). Здесь добавочное действие, выраженное деепричастием, совпадает с действием, выраженным глаголом-сказуемым. Поэтому здесь употреблено деепричастие несовершенного вида.

б) «*Кончи* дело, гуляй смело» (пословица). Здесь добавочное действие, выраженное деепричастием, предшествует главному

действию, выраженному глаголом-сказуемым. Поэтому в примере употреблено деепричастие совершенного вида.

в) «Мы встретимся, *приветствуя* друг друга». Здесь деепричастие несовершенного вида относится к глаголу-сказуемому в будущем времени.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что деепричастия могут относиться к глаголу-сказуемому настоящего, прошедшего или будущего времени. При этом деепричастия имеют лишь отнесенное время, которое связано с категорией вида и не выражается ни лексическим значением деепричастий, ни формобразующими суффиксами.

§ 171. Полные действительные причастия наст. времени, так же как и полные прилагательные (см. § 126), образовывались от кратких путем прибавления к ним соответствующих форм указательных местоимений *и, я, е*. Однако эти полные причастия с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ащ-*), постепенно утрачивали временной признак, еще в древнерусском языке перешли в прилагательные.

В современном языке эти формы и являются прилагательными со значением склонности к тому, что обозначается производной основой; ср. *бременный лес, летучая мышь, сыпучие материалы, ползучие растения, колючая проволока, дремучая змея, пахучий цветок, горючие вещества; лежачий, сидящий, стоящий, хвоящий*. Круг подобных прилагательных ограничен. Некоторые из них потеряли морфологическую членимость: *могучая страна, бременный лес*.

В роли действительных причастий наст. времени в русском языке закрепились старославянские причастные формы с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ащ-*).

«Прилагательность» исконно древнерусских и «причастность» старославянских образований отчетливо проявляется при сопоставлении параллельных форм типа *сидящий — сидящий, горячий — горящий, жгущий — жгущий, лежащий — лежащий, стоящий — стоящий, колющий — колющий* и т. п.

§ 172. Причастия действительного залога наст. времени с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ащ-*), заимствованные из старославянского языка, обогатили русский язык новыми грамматическими формами. Однако, будучи сносительными письменной, а не живой разговорной речи, они употреблялись, главным образом, в литературно-книжных произведениях, подвергшихся значительному влиянию церковной языковой стилистики. Еще М. В. Ломоносов, создавший учение о трех стилях речи, подчеркивал, что «весьма не пристойно» образовывать причастия действительного залога настоящего времени на *-щий* от простых русских глаголов (*сидящий, чавкающий*). По мнению Ломоносова, причастия должны образовываться только от церковнославянских глаголов. Хотя эти требования уже устарели и причастия на *-щий*, образуемые от различных русских глаголов, утратили свою высокую стили-

стилистическую окраску, все же они в современном языке в основном сохранили свой книжный характер. А. С. Пушкин писал: «Причастия... обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: *карежа, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату*, мы говорим: *которая скачет, который метет* и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом».

Причастия
действительного
залога
прошедшего
времени

§ 173. Краткие причастия действительного залога прошедшего времени в древнерусском языке образовывались от основы инфинитива при помощи суффиксов *-ъи-* (если основа инфинитива оканчивалась на согласный) и *-ащи-* (если основа инфинитива оканчивалась на гласный). Действительные причастия прош. времени в мужском и среднем роде им. пад. ед. ч., как и действительные причастия наст. времени, имели особую форму, образованную без названных суффиксов. Если основа инфинитива оканчивалась на согласный, то появлялась форма на *-ъ*, а если она оканчивалась на гласный — то на *-а*; например: *нести* — *несть*, *вести* (< **вед-ти*) — *ведъ*, но *узнати* — *узнавъ*, *прочитати* — *прочитавъ*.

Формы женского рода образовывались при помощи суффиксов *-ъи-* и *-ащи-* и окончания им. пад. ед. ч. *-и*: *нестьи*, *знавъши*, *сказавъши*.

Эти краткие причастия выступали как в функции сказуемого, так и в функции определения. Как определения они изменялись по родам, числам и падежам по образцу кратких прилагательных, и судьба их оказалась такой же, что и кратких причастий действительного залога наст. времени.

Закрепившись в функции второстепенного сказуемого, краткие причастия прошедшего времени перестали изменяться по падежам и превратились в современные деепричастия прошедшего времени.

В современном языке склоняются только полные причастия этого типа, которые, как и полные прилагательные, образуются от кратких причастий путем прибавления к ним соответствующих форм указательных местоимений *и*, *я*, *е*.

§ 174. Дублетные формы деепричастий с суффиксами *-а* и *-ащи* (типа — *сказав* — *сказавши*), присоединившись к основе на гласный, — следы бывших различий кратких причастий действительного залога прошедшего времени по родам¹.

Ранее эти дублетные формы считались равноправными и в смысловом, и в стилистическом отношении. В современном же языке формы на *-ащи* малоупотребительны, так как они придают речи разговорно-просторечную, а иногда и архаичную окраску. Ср. *прочитав* и *прочитавши*, *выскочил* и *выскочивши*, *сделав* и *сделавши*; «Снявши голову, по волосам не плачут».

¹ Вариантный суффикс *-ши* возможен в деепричастиях, образованных с непродуктивных форм глаголов с основами на согласную: *ископавши* (ср. **ископ-а*), *заперши* (ср. *заперев*), *оглобавши* (ср. *оглобав*), *попыкиши* (ср. *попыкив*).

Следовательно, в современном языке господствует форма деепричастия, образованная от краткого причастия мужского обычн: *возвратив* — *возвратившись*, *простив* — *простившись*, *прижав* — *прижавшись*.

Причастия
страдательного
залога

§ 175. Причастия страдательного залога наст. и прош. времени в современном языке не отличаются существенно от древнерусских форм. Краткие причастия наст. времени образовывались от основ наст. времени при помощи суффикса -м- и родовых окончаний -ъ, -а, -о.

У глаголов I спряжения в образовании причастий участвовал тематический гласный -е-: *бер-е-м-ъ*, *зна-е-м-ъ*, а у глаголов II спряжения — -и-: *люб-и-м-ъ*, *ход-и-м-ъ*. Исключение составляет ограниченное количество глаголов, у которых перед суффиксом -м- выступает гласный о: *нес-о-м-ъ*, *теб-о-м-ъ*, *слад-о-м-ъ*. В современном языке эти редкие причастия употребляются только в полной форме: *несомый*, *сладкий*, *сладкий*, *сладкий*. Ср. у Тургенева: «Тихо мигая, как бережно *несомая* свечка, затеплился на нем вечерняя звезда» («Бежин луг»).

В современном русском языке краткие страдательные причастия наст. времени употребляются редко: *мир помалеван*; *они нами были любим*. Полные же страдательные причастия наст. времени, наоборот, широко распространены: *помалеванный*, *любимый*, *хранимый*, *членимый* и т. д.

Видимо, ограничения в употреблении кратких причастий связаны с необходимостью избегать с. утасв. омонимии грамматических форм (омоформы). Ср. *Он храним нами* и *Мы храним тайну*.

Причастия прош. времени образовывались от основы инфинитива при помощи суффиксов -т-, -н- (если основа оканчивалась на гласный), -ен- (если основа оканчивалась на согласный) и родовых окончаний -ъ, -а, -о: *обуть*, *обута*, *обуто*; *данъ*, *дана*, *дано*; *несенъ*, *несена*, *несено*.

Глаголы II спряжения с тематическим гласным -и- образовывали причастия прош. времени с помощью суффикса -ен-, присоединение которого к основе инфинитива на гласный приводит к развитию чередований конечных согласных основы: *очист-и-ти* — *очищенъ* (а, о), *прост-и-ти* — *прощенъ* (а, о), *ловити* — *ловленъ* (а, о).

Употребляясь в роли определения, эти причастия складывались по типу кратких прилагательных. Однако, когда они стали употребляться только в роли сказуемого, они перестали склоняться, закрепившись в форме им. пад. Ср.: «Здесь будет город *застроен*» (Пушкин. «Медный всадник»); *дверь открыта*, *товар куплен* и т. д.

Полные причастия образовывались, как обычно, от кратких при помощи указательных местоимений и, я, е. В современном языке они, как и полные прилагательные, склоняются и обычно

используются в роли определения. Однако полною причастия прош. времени страдательного залога с суффиксом -и- превратились в прилагательные: *жареный, крашеный, соленый, ученый* и др. На смену им пришли новые страдательные причастия с удвоенным и: *прочитанный, сослаженный, покрашенный; жаренный на огне, жаренный поваром*. Так удвоенный суффикс -ни- явился средством отличия причастий от прилагательных в современном русском языке.

§ 176. Для того чтобы овладеть сложной с словообразовательной системой причастий и деепричастий, полезно образовать от любого глагола возможные формы причастий и деепричастий (в том числе и возвратные). При этом следует учесть, что возвратные причастия образуются от основ возвратных глаголов при помощи тех же суффиксов и конечного -ся, а деепричастиях же появляется парная форма с конечным суффиксом -сь (см. о нем подробнее в § 124):

умывать(ся) — умывающий(ся), умывавший(ся); умывая(сь), умывавши(сь);

учить(ся) — учащий(ся), учивший(ся); уча(сь), учивши(сь);

нести(сь) — несущий(ся), несший(ся); неся(сь), невши(сь).

Учащиеся часто допускают ошибку, опуская возвратную частицу в образованиях от возвратных глаголов: «небьющее стекло» (вместо *небьющееся*), «трудящие массы» (вместо *трудящиеся массы*), или, наоборот, прибавляя к слову лишнее -ся: «млекопитающееся». Правильному образованию подобных форм следует уделять особое внимание.

§ 177. В заключение необходимо обратить внимание на то, что причастия совмещают в себе грамматические признаки глаголов и прилагательных. Эти признаки перечислены в школьном учебнике.

Учитывая, что причастия более тесно связаны с глаголом, чем с прилагательным, в современном языкознании причастие принято считать одной из глагольных, а не именных форм¹.

Вместе с тем в развивающемся языке все чаще встречаются случаи, когда причастия утрачивают признак действия и приобретают значение постоянного качества предмета. В таких случаях причастия теряют грамматические глагольные признаки — значение добавочного действия, время, вид, залог, глагольное управление — и переходят в прилагательные.

Этот процесс интенсивно осуществляется в современном языке. При этом некоторые причастия уже полностью перешли в прилагательные (*зрелый, горячий, лежащий; булущий, грядущий, низисследующий*), а другие оказываются причастиями или прилагательными в зависимости от контекста. Это особенно наглядно видно при параллельном сравнении:

¹ Из всех грамматических глагольных категорий у причастий отсутствуют только категории наклонения и лица.

Причастия

*блестящий на солнце осколок
предмет, бывший в употреблении*

*утес, выдающийся над водой
задание, ограниченное сроками*

Прилагательные

*блестящие способности
бывший дворянин (ср. бывшие
люди)*

*выдающийся писатель
ограниченный человек*

§ 178. Деепричастия, главным образом несовершенного вида, могут переходить в наречия, утрачивая при этом глагольные признаки и приобретая наречные. Деепричастия, перешедшие в наречия, в предложении обычно находятся в позиции сразу же после глагола и являются обстоятельством образа действия: *сидит сидя, говорит нехотя, читает стоя, пишет лежа*.

Большой интерес для наблюдения представляют некоторые деепричастия несовершенного вида, которые сохранили свою древнюю форму в застывших наречных фразеологических выражениях: *работать спустя рукава, говорить положить руку на сердце, сидеть сложа руки, бежать сломя голову, слушать разиня рот* и некоторые другие. Для того чтобы учащимся легче было заметить несоответствие этих форм формам современного языка, можно предложить образовать деепричастия от глаголов совершенного вида *спустить, положить, сложить, сломать, разинуть*. Учащиеся, согласно нормам современного языка, дадут формы на -о (*спустив, положив, сложив, сломав, разинув*). Так они еще раз убедятся в том, что застывшие фразеологические обороты часто сохраняют устаревшие формы языка.

Все эти и многие подобные исторические справки при изучении глагола и его форм могут убедить учащихся в том, что в языке на протяжении долгих лет происходят различные, часто едва заметные, изменения и взаимодействия в словарном составе и грамматическом строе, которые знаменуют собой непрерывный процесс обогащения и совершенствования языка.

НАРЕЧИЕ

§ 179. Интересной в историческом отношении частью речи являются наречия. В грамматике наречие определяется как знаменательная часть речи, которая обозначает признак действия, а также признак качества или предмета.

Характерным грамматическим отличием наречия от всех других знаменательных частей речи является отсутствие у него форм словозменения. Синтаксическая связь наречия в словосочетаниях с другими частями речи осуществляется посредством примыкания.

Изучая наречия, целесообразно рассказать учащимся, что этот старый термин встречается уже в древнерусском языке. В этом слове выделяется корень *-рен-*, который прежде был более

многозначным, чем в современном языке. Слово *речь* когда-то имело среди других значений и значение «глагол». Поэтому, если буквально перевести термин *наречие* на современный язык, мы получим искусственное слово «наглаголие».

Следовательно, между глаголом и наречием существует непосредственная связь. Какая?

Основная функция наречия — определять глагол, обозначать признак действия. Такую особенность наречий отмечали и древние римляне, которые эту часть речи называли *adverbium*. Слово *verbium* означает «глагол», а приставка *ad* — «при», т. е. буквальный перевод термина *adverbium* звучал бы как «приглаголие».

Итак, уже древние ученые правильно отметили особенность наречия в том, что оно должно быть связано с глаголом. Так оно и есть: наречие при глаголе выполняет ту же функцию, что и прилагательное при существительном, уточняя его и сообщая ему четкость и стилистическую выразительность. Ср. *работать* — *работать усердно*, *рабски*, *продуктивно* и т. п.

§ 180. Язык на протяжении всей своей истории активно пополняется наречиями. Как это происходит?

Уже неоднократно отмечалось, что грамматический строй языка непрерывно изменяется: появляются новые грамматические формы, уходят из языка некоторые старые формы. Но так как развитие языка происходит медленно, постепенно, старые формы обычно сразу и бесследно не исчезают. Некоторые бывшие регулярные грамматические формы застывают и превращаются в отдельные реликты. Так, ряд старых форм существительных и прилагательных — осколки бывших надежных систем — превратились в неизменяемые наречия.

§ 181. Круг наречий в древнерусском языке был ограничен, причем в этом языке можно выделить две группы наречий: а) первичные — наречия, которые непосредственно не связаны с другими частями речи, и поэтому установить их происхождение часто затруднительно; б) производные — наречия, которые явно обнаруживают связь с иными словами, и эту связь нетрудно восстановить.

К первой группе можно отнести наречия, образованные еще в дописьменную эпоху от древних местоимений: *куда*, *туда*, *сюда* — при помощи наречного суффикса места *-да*; *когда*, *тогда*, *иногда*, *всегда* — при помощи наречного суффикса времени *-гда*; *где*, *везде*, *здесь* — при помощи наречного суффикса *-де*; *сюду*, *отовсюду*, *повсюду* — при помощи наречного суффикса *-уду* (ср. *обойдный*, *обойодоострый*).

Происхождение подобных наречий можно выяснить лишь путем специального этимологического анализа.

Ко второй группе относятся наречия, образованные от различных частей речи, причем их образование вырисовывается довольно отчетливо, так как связь наречия с источником происхождения сохраняется.

Передки случаи превращения в наречия существительных в косвенных падежах в результате утраты некоторых старых падежных форм. Например, предложный падеж прежде назывался местным, так как он обозначал место, причем употреблялся обязательно с предлогами. Однако, начиная с грамматики Ломоносова, этот падеж стали называть предложным, так как он употребляется только с предлогами. С исчезновением местного падежа (употреблявшегося без предлога) связано появление такого наречия, как *кроме*: оно произошло от существительного *края* — «край, предел, граница» в местном падеже *кромя*, т. е. «на краю, на грани», а затем — «вне».

Застывшими падежными формами существительных являются такие наречия, как *шагом* (от *шаг*), *вечером* (от *вечер*), *днем* (от *день*), *осенью* (от *осень*), *зимой* (от *зима*) и т. д.

Выше (§ 127) уже говорилось, что краткие прилагательные, став сказуемыми, утратили склонение. Это способствовало появлению большой группы наречий типа *слева*, *справа*, *горяча*, *холодно*, *вдалеке*, *наготове*.

§ 182. Наречия образовывались в разное время, процесс их образования активно продолжается и в наше время. Это обстоятельство усложняет структуру наречий, а вместе с тем и их орфографию. Во многих наречиях учащиеся затрудняются выделить уже исчезнувшие из языка корни, например *неозначай*, *недомек*, *едосталь*, *наобум*, *насмарку*, *непомогуту*, *небравно*, *вприсак*, *враг-плох*, *чересчур*, *огудом*, *домла* (см. ниже этимологический словарь наречий). В некоторых наречиях непонятны словообразовательные элементы.

Часто процесс образования наречий (адвербиализация) еще не завершен. Поэтому передки случаи, когда одно и то же слово выступает то в роли наречия, то в роли изменяемой части речи, и с этим связаны различия в орфографии. Например: «Снег падает *на лицо*» и «Все учащиеся *налицо*»; «*В тайне* его не было ничего важного» и «Нападение готовилось *втайне*» и т. п.

§ 183. Учащиеся часто испытывают затруднения в определении конечного гласного наречий типа *справа*, *издавна*, *досвета*, *наконец*, *засветло*, *влево* (а или о). Если учесть, что эти образования возникли в ту эпоху, когда краткие прилагательные еще склонялись, как соответствующие существительные, то сопоставление этих наречий с сочетаниями существительных среднего рода с предлогами «подскажет», какую конечную гласную букву следует написать в наречии: *за окно* — *запно*, *в окно* — *влево*, *с окна* — *справа*, *до окна* — *докрасна* и т. п. Этот простой прием не только поможет учащимся избежать орфографических ошибок в написании данного разряда наречий, но и даст им возможность понять закономерность данной орфограммы, которая обусловлена не произвольным правилом, а происхождением этих наречий.

В школьном учебнике есть еще одно правило правописания наречий, которое может быть осмыслено при помощи историче-

ских комментариев. Речь идет о том, что в наречиях, оканчивающихся на шипящий, пишется *ь*: *навзничь*, *вскачь*, *настежь*, *наотмашь* и т. п. Это правило связано с древней мягкостью всех шипящих в русском языке. Но чем вызвано исключение из этого правила, согласно которому в наречиях *нестерпезь*, *замужь* и *ужь* буква *ь* не пишется? Объяснить это можно следующим образом. Слова *нестерпезь* и *замужь* пишутся без *ь* потому, что они образованы от существительных *терпезь* и *музъ*, которые относятся ко 2-му склонению и в современном языке не имеют на конце *ь*. Наречие *ужь* еще в Словаре В. И. Даля, т. е. в конце XIX в., писалось как *ужьь*.

§ 184. Ниже приводится словарь наречий, этимолого-орфографический анализ которых будет способствовать лучшему усвоению их значений и орфографии. В словаре учтены наречия, употребленные в школьных учебниках.

Здесь рассмотрены наречия только со слитным написанием. Наречия же типа *без умолку*, *без устали*, *в открытую* (говорить) являются предметом особого наблюдения. Также не рассмотрены наречия, образованные в наше время и не требующие этимологического анализа.

Материал этого словарика может быть использован учащимися для самостоятельного наблюдения над языком, над различными способами образования наречий¹.

бережливо — корень *беречь-* (*г ж*), суффикс прилагательного *-лив-*, суффикс наречия *-о* (ср. прилагательное *бережливый*);

безудержно — приставки *без-*, *у-*, корень *держ-*, суффикс прилагательного *-н-* и суффикс наречия *-о* (ср. прилагательное *безудержный*);

дребезги — образовано путем слияния предлога *о* и формы вин. пад. мн. ч. существительного (устар.) *дребезг* — «осколок», «черепок» (ср. *дребезжать*, *г//ж*);

весьма — образовано от местоимения *всѣ* (*вьсь*) и суффикса (устар.) *-ма*;

запертый — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) в вин. пад. мн. ч. *заперть* (ср. *запереть*);

запусти — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *запуск* в вин. пад. мн. ч. (ср. *пускать*);

кось — образовано путем слияния предлога *в* и бессуффиксного образования *кось* — «кривизна» (ср. *косой*, *косынка* — «косо срезаемый кусок ткани для покрытия головы»);

вкратце — образовано в результате слияния предлога *в* и краткого прилагательного *краткъ* (*краток*) в предл. пад. с чередованием *к//ц*: *вкратце* (ср. в современном языке слова с корнем *-крат-*: *сократить*, *прекратить*, *сокращение*, *т//ц*);

внутри — образовано путем слияния древнего предлога *вън*

¹ Этимология наречий дана по «Краткому этимологическому словарю русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской.

и существительного (устар.) *утрь* — «внутренность» (ср. *утроба*);
воочию — форма местн. пад. двойств. ч. с предлогом *во* (*въ*)

от существительного *око*; *оочию*; *воочию* — буквально «в глазах»;
вопреки — образовано путем слияния предлога *в* и формы

вин. пад. мн. ч. существительного (устар.) *прѣкъ* — «спор, препятствие, запрет» (ср. *прекословить*);
восвойси — образовано из словосочетания *во своя еси* — бук-

вально «в свои деревни, домой»;
впередѣ — образовано путем слияния предлога *в* с формой

местн. пад. ед. ч. существительного (устар.) *передь* — «передняя часть» (ср. *передовой*, *передовик*, *передник*, *передовица*, *передний*, а также приставку *пре* (*пере*), исторически образованную от этого же корня; ср. также старославянское образование *спрѣдѣ*);

вплотнѣю — форма вин. пад. с предлогом *в* от полного прилагательного *плотна*;

вплотнѣмъ — образовано путем слияния предлогов *в* и *по* с существительным *плѣмъ* в предл. пад. мн. ч.;

всмятку — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *смятка* — «некруглое состояние» в вин. пад. ед. ч.; ср. *мять*;

второнѣмъ — образовано путем слияния предлога *в* и существительного (устар.) *торонь* — «поспешность» в предл. пад. мн. ч.;

гуськомъ — форма твор. пад. ед. ч. от *гусек* — уменьшительно-ласкательного образования от *гусь*; *гуськомъ* — буквально «идти как гуси — друг за другом»;

дважды — образовано путем слияния числительного *два* и *шды* (ср. *шедший*); после утраты редуцированных в результате ассимиляции получилось *-жды* (с этим же суффиксом наречия *однажды*, *трижды*, *четырежды*);

долѣй — форма дат. пад. ед. ч. от существительного *долъ* — *долови*; в результате фонетических изменений *долови* > *доловь* и далее — *долой* (ср. *долъ* — «низ», *доловь* — «вниз»; *подолъ* — «нижний край платья» или «низкое место под горой»; (так же образовано *домой*);

домѣй — образовано путем слияния предлога *до* с существительным (устар.) *тѣло* — «почва, пол, основание» в род. пад. ед. ч.;

завтра — образовано от сочетания предлога *за* с существительным *утро* в род. пад. ед. ч.: *заутра*. В результате переноса ударения на предлог и изменений [y] > [и] развилось современное *завтра*. Ср. у Пушкина: «Завтра казнь, но без боязни Он мыслит об ужасной казни» («Полтава»);

замужъ — образовано от существительного *мужъ* и предлога *за* (в период образования данного наречия отсутствовала категория одушевленности, в результате чего форма вин. пад. совпадает с формой им. пад.), ср. также *замужемъ*;

зачастѣю — форма вин. пад. с предлогом *за* от полного прилагательного *часта*;

зря — образовано на базе выражения *делать на зря*, т. е. «на

глазок, наугад, необдуманно». Зря — старая форма краткого действительного причастия наст. времени мужского рода от глагола зреть — «смотреть, глядеть»;

зы́бка — образовано от глагола зыбати — «качать, колебать» (ср. сущ. зыбь, прилаг. зыбкий);

иско́нь — старославянское слово, образованное путем слияния предлога ис < из с устаревшим существительным конь — «начало» (ср. тот же корень в слово конец);

исподво́ль — образовано путем слияния сложного предлога испод (< из-под) с формой род. пад. ед. ч. от воля: ис-под-воли; конечное [и] утрачено в результате редукции;

исподтишкá — образовано путем слияния сложного предлога ис-под (< из-под) с формой род. пад. ед. ч. от существительного тишок; тишок — производное устаревшее слово с суффиксом -окъ (ср. тихо);

ку́барем — форма твор. пад. ед. ч. от существительного (устар.) кубарь — «волчок»;

лишь — образовано от лихъ — «лишний» и первоначально обозначало «больше»;

мельком — форма твор. пад. ед. ч. существительного мельк — «мгновение, миг» (ср. мелькать);

мимохо́дом — образовано путем слияния наречия мимо и существительного ход — «ходок» в твор. пад. ед. ч. (ср. пешеход, скороход);

молчкóм — форма твор. пад. ед. ч. существительного (устар.) молчок — «молчание» (ср. молчать);

набекрénь — образовано путем слияния предлога на и существительного (устар.) в вин. пад. ед. ч. бекрень — «бок»;

навернякá — образовано путем слияния предлога на с существительным (устар.) верняк в вин. пад. ед. ч. (ср. верный, вера, верить);

нагишóм — форма твор. пад. ед. ч. существительного (устар.) нагиш — «голый» (ср. нагой);

навзрýд — образовано от предлога на и существительного (устар.) взрыд (ср. рыдать);

наобýм — образовано путем слияния предлога на и обум (об + ум) — «зря, паудачу»;

на́стежь — образовано от предлога на и существительного (устар.) стезя — «крюк, столб»; буквально «на дверном крюке», т. е. открыто (ср. застегнуть — застезка);

нахрáпом — образовано путем слияния предлога на и существительного в твор. пад. ед. ч. хрaп — «сила»;

незначáй — образовано от чaяти — «ждать»: не-сз-на-чай (буквально «нечаянно, неожиданно»);

нена́рòком — образовано при помощи приставки не- и существительного в твор. пад. ед. ч. нарòкъ — «намерение, цель»;

неукротíмо — образовано от приставок не-, у-, корня крот- (ср. кроткий, укрощать), суффикса страдательного причастия

паст. времени -им- и суффикса наречия -о (ср. устар. глагол *кротити* — «успокаивать»);

нечаянно — от *не* + *чая* (ть) + *ни* + *о*; *чаять* — (устар.) «надеяться на что-либо, ожидать чего-либо»; первоначально *нечаянно* — «неожиданно»; ср. у Даля: «нечаянный гость»; *обыкновенно* — по происхождению является страдательным причастием прош. времени от устар. глагола *обыкнути* — «привыкнет» (с ч), *привычка*. Сюда же *чрезвычайно* — «то, что сверх обычного, привычного» (см. § 62);

опять — образовано с помощью приставки *о-* и существительного *пять* (*пята, пятка*); первоначальное значение «обратно» (ср. *вспять*);

пешком — образовано от древнерусского существительного *пешек* — «пешеход» в твор. пад.; ср. *пеший, пешота*;

поделом — образовано от существительного *дело* в дат. пад. мн. ч.; буквально означает «по делам», т. е. «заслуженно, справедливо, так и надо». Древнерусская форма *по дѣломъ* лексикализовалась, оторвалась от падежной системы и превратилась в наречие;

потом — образовано путем слияния предлога *по* и формы местн. пад. ед. ч. указательного местоимения *тъ* (буквальный перевод «после того»; ср. *потомок* — «той, кто появился позднее, после»);

почти — возникло от формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения глагола *почисти* — «счесть»; буквально означает «считать»;

сегодня — образовано путем слияния в одно слово сочетания *сего* (т. е. этого) *дня*;

сейчас — образовано путем слияния в одно слово сочетания *сей* (т. е. этот) *час* (в значении «время»);

теперь — образовано от сочетания *то нынче* в значении «в первый раз, впервые, сначала». Уже в древнерусском языке развилось значение «только что», а затем — «настоящее время». В первоначальном *то нынче* произошло сокращение — отпал слог *во*; а звуко сочетание [то] перешло в [те] в результате ассимиляции гласного первого слога гласному второго;

тихоходом — твор. пад. ед. ч. от существительного (устар.) *тихомолк* (от *тих* + *о* + *молк* + *ом*); ср. *тихомолку*;

торчком — форма твор. пад. ед. ч. от существительного (устар.) *торчок*; ср. *торчать*;

тотчас — образовано путем слияния указательного местоимения *тот* и существительного *час* — «время» (ср. *сейчас*).

ПРЕДЛОГ

§ 185. В древнерусском языке, как и в современном, предлоги выражали зависимость косвенных падежей существительных, числительных и местоимений от других слов в словосочетании;

вместе с падежными окончаниями они служили и служат для связи слов.

Предлоги как служебные слова не имели и не имеют самостоятельного значения, и поэтому они всегда употребляются только в сочетании со знаменательными словами; в предложении они не играют самостоятельной роли и поэтому не являются членами предложения.

По образованию и по своей структуре предлоги делятся на два разряда: а) непроизводные (или первообразные) и б) производные (или вторичные).

§ 186. Разряд *н е п р о и з в о д н ы х* предлогов немногочислен: *без, в, для, до, за, из, к, на, над, о (об), от, по, под, пред, при, про, с, у, через* и некоторые другие. Они состоят из одного, иногда из двух слогов. По своему происхождению эти предлоги древние. Большинство из них появились в праславянском и даже общеподоевропейском языках и давно утратили генетическую связь с теми знаменательными словами, от которых произошли. Только путем этимологического анализа можно установить их происхождение.

Характерной особенностью непроизводных предлогов является их многозначность. Некоторые предлоги могут выражать различные грамматические отношения и употребляться с несколькими падежами (например, предлоги *с, по* употребляются с тремя падежами: *снять с огня, величиной с окно, работать с интересом; говорить по телефону, вода по горло, скучать по матери*). Многозначность предлогов была также характерна для древнерусского языка.

Некоторые предлоги служат для образования слов; в этом случае они превращаются в приставки и пишутся слитно (*пригород, беспартийный, подписать, сверху* и т. п.). Через черточку приставки пишутся только с паречиями: *по-новому, по-комсомольски*. Историческая связь предлогов с приставками наглядно прослеживается в их дублировании (повторении) при сочетании глагола и предложной формы; ср. *сбросить с головы, подложить под голову, намотать на голову* и т. п. В древнерусском языке этот принцип осуществлялся особенно последовательно: какая приставка в глаголе, такой предлог при существительном (*пойти по воду, войти в город*).

§ 187. *П р о и з в о д н ы е* предлоги образовались в более позднее время от других частей речи, в результате чего появились отыменные, отглагольные, отпаречные и составные предлоги. Большая часть производных предлогов — застывшие падежные формы имен существительных как с предлогами, так и без них. Например, в предлог превратилось наречие *между*; по своему происхождению это — старославянская форма вып. падеж. ед. ч. существительного *межда* (в значении «граница, межа»), а предлог *меж* является застывшей формой предл. падеж. ед. ч. русского существительного *межи* (где безударное окончание [и] исчезло).

В древнерусском языке эти предлоги управляли не только творительным, но и родительным падежом, что для современного языка является устаревшим; ср. в народно-разговорной речи *меж крутых бережков* (вм. *между крутыми бережками*)¹. Предлог соединения предлога о к форме влн. пад. ед. ч. существительного *около* — «круг». Этот предлог еще в XVIII в. употреблялся в значении «вокруг, кругом» и даже «близ, подле» (ср. XVIII в.: «Путешествие *около* (т. е. *вокруг*) *земного шара*»)². Впрочем, и в значении «вблизи» он известен языку с давнего времени.

В современном русском языке разряд производных предлогов значительно пополнился сочетаниями существительных (в косвенных падежах) с простыми предлогами. В таких случаях знаменательные слова постепенно утрачивают свое лексическое значение и приобретают функцию служебных слов; например: *в течение, в продолжение, в отношении, со стороны, по поводу, в целях, по причине, по мере, вследствие, насчет, ввиду, вместо, наподобие; вокруг, вблизи, настрелу* и др. Немногочисленные предлоги, образованные от глаголов и их форм: *благодаря, несмотря на, спустя, включая, исключая, не считая, начиная с* и некоторые другие.

Благодаря — по происхождению деепричастие несовершенного вида от глагола *благодарить*; в современном языке образовалась омонимия: *благодаря* употребляется в значении и деепричастия, и предлога. В связи с тем что в обоих случаях смысловая связь с глаголом *благодарить* не потеряна, рекомендуется предлог *благодаря* (с дат. пад.) употреблять только в тех случаях, когда речь идет о положительных, желательных результатах. Например: «*Благодаря* (к о м у? ч е м у?) героизму рабочих катастрофа была предотвращена» (К. Паустовский).

Следует отметить, что процесс образования предлогов от знаменательных слов в современном языке продолжается. Это ведет к тому, что многие из этих образований могут выступать и в роли предлогов, и в роли знаменательных слов; ср. *вокруг* (предлог) *стола; смотреть вокруг* (наречие).

§ 188. Предлоги, оканчивающиеся на согласный, обычно выступают в двух формах: *без* — *безо*, *в* — *во*, *к* — *ко*, *над* — *надо*, *перед* — *передо*, *под* — *подо* и др.

Предлоги с беглым [о] чаще всего употребляются в тех случаях, когда знаменательное слово начинается с группы согласных; ср.

¹ Передки случаи, когда предлоги в процессе развития языка изменяют свое управление. Так, наречные предлоги, обозначающие место, — *воле, мимо, подле, против* — в настоящее время управляют только род. пад. (вместо прежнего влн. пад.).

² От устаревшего слова *кол(о)* образовалось немало производных слов, которые в современном языке уже не членятся, так как само корневое слово вышло из употребления: *колесо, кольцо, колея* (след от колеса на дороге), *околица* (местность вокруг деревни), *околыш* (часть фуражки, облетающая голову), *околоток* (окрестность) и др.

со слухом, со звуком, во встрече, во Вьетнаме. При этом предлоги с беглым [о] обычно устраниют трудно произносимые сочетания согласных: во взгляде, со взрослыми, ко встрече, со студентами, со мной.

Строгого правила употребления форм предлогов с беглым [о] и без него — нет. Обычно руководствуются благозвучием, удобством произношения. Иногда возможны даже обе формы с различным смысловым значением; ср. во главе (чего-либо) — в главе (книги), во славу (Отчизны) — в славе и т. п.

§ 189. Предлоги обычно находятся перед словом, с которым они сочетаются. Об этом говорит и сам термин «предлог», т. е. «перед словом». Однако в современном русском языке есть четыре предлога, которые могут находиться и перед словами, с которыми они сочетаются, и после них:

ср. ради скуки и скуки ради;
идти навстречу друзьям и вперед заре навстречу;
вопреки ожиданиям и рассудку вопреки;
наперекор стихиям и судьбе наперекор.

СОЮЗ

§ 190. Союз — служебная часть речи, которая связывает члены предложения и части сложного предложения.

По своей функции в речи союзы делятся на с о ч и н и т е л ь н ы е и п о д ч и н и т е л ь н ы е. Сочинительные союзы связывают однородные члены предложения или части сложносочиненного предложения как равноправные речевые элементы. Иное дело подчинительные союзы: они употребляются только в сложноподчиненных предложениях и выражают зависимость одного предложения от другого.

Исторически сочинительная связь древнее подчинительной. Первоначально сочинительные союзы были весьма многозначны и употреблялись не только при сочинительной, но и при подчинительной связи. Так, союз *а* часто выполнял функцию союзов *если*, *когда*; и наоборот, были случаи синонимического употребления нескольких союзов, например *аще*, *ажь*, *даже* — в значении условного союза; *зате*, *занеже*, *понеже*, *поелику* — в значении причинных союзов.

Говоря о древних и уже непонятных нам подчинительных союзах, целесообразно прочесть учащимся небольшой отрывок из повести А. П. Чехова «Мужики», в которой автор нарисовал потрясающую по своей правдивости картину страшной материальной и духовной бедности русского крестьянства. Забитая нуждой, суеверная крестьянка Ольга «каждый день читала евангелие, читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали ее до слез, и такие слова, как «аще» и «доидеже» она произносила со сладким замиранием сердца». Трагизм этих строк в том, что малограмотная Ольга не знала, что эти слова

не что иное, как древние союзы (в значении «если», «хотя», «разве», «но»)»

§ 191. Большой интерес представляет образование союзов от знаменательных слов, потерявших свое основное значение и получивших служебную роль. Например, союз *если* образовался от глагола *есть* и частицы *ли* (первоначально: *есть ли*). *Лишь* восходит к сравнительной степени от *малъ* (лишней) и первоначально означало «больше».

Хотя — по происхождению краткое действительное причастие наст. времени от глагола *хътити* — «хотеть». Уже в памятниках XIII в. оно употреблялось как союз. Союз *хоть* — преобразование формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения того же глагола — *хоти*.

От глагольных форм образованы и союзы *пускай* (*пусть*), *несмотря на то что*, *благодаря тому что*. Многие союзы представляют собой омонимы местоимений, наречий и частиц (например: *то, что, точно, когда, едва, лишь, чуть* и др.).

ЧАСТИЦЫ

§ 192. Частицы возникали позднее других частей речи. Они образовывались как от знаменательных, так и от служебных слов. Многие из них по звучанию совпадают со знаменательными словами — с глаголами (*пускай, давай* и др.), наречиями (*как, просто, точно* и др.), местоимениями (*то, все* и др.), а также с союзами (*а, да* и др.).

По значению и роли в предложении в школьном учебнике для V—VI классов частицы разделены на три разряда: формообразующие, отрицательные и модальные.

Наиболее многочисленны модальные частицы; они вносят различные смысловые оттенки в предложение, а также выражают отношение говорящего к тому, о чем говорится в предложении: вопрос (*ли, разве, неужели, как*), восклицание (*что за, как, так*), указание (*вот, вот, это*), сомнение (*вряд ли, едва ли*), уточнение (*именно, подлинно, точь-в-точь, ровно, точно, как раз*), ограничение (*только, лишь, исключительно, почти, единственно, хоть*), усиление (*даже, ни, и, же, ведь, у, все, все-таки, то*), утверждение (*да, так, точно*), сравнение (*будто, словно, ровно, как бы, якобы*), передачу чужой речи (*де, дескать, мол*), собственно модальность (*авось, небось, пожалуй, чай, едва ли, вряд ли*) и др.

§ 193. Для учащихся представляет познавательный интерес проследить происхождение ряда частиц, так как в их основе лежат слова из других частей речи:

байшь — образовано от глагола *баешь* — «говоришь» (ср. *байбай*; *баюшки-баю* в значении «сказки говорю»; *байка, басня* — первоначально «сказка, рассказ»); употребляется в разговорной речи;

вишь, ишь — связаны в своем происхождении с бывшей формой

повелительного наклонения от глагола *видѣти* — *вижь*; вводные просторечные частицы *вишь*, *ишь* — остатки этой формы; *там* — указательное местоимение *он* + протетическое *в* (ср. *осьмь* — *восемь*, *острить* — *наострить*); *вот* — протетическое *в* + междометие *о* + указательное местоимение *тъ*: *вотъ* > *вот*;

дѣскать — образовано путем сращения частицы *де* и фонетически измененной формы глагола *сказать* — *скасть*;

либо — образовано путем сращения частицы *ли* и союза *бо* (ср. *ибо*); первоначально усилительная частица;

лишь — сравнительная форма от *лихой* — «большой, лишней» — *лише*: безударное [е] отпало > *лишь*;

мол (частица) — возникла в результате сокращения глагола *молвил* > *мол*;

небось — сращение словосочетания *не бойся*;

неужели — образовано от частиц *не*, *у*, *же*¹, *ли*;

пущай — по происхождению 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения от глагола *пускать*;

пусть — по происхождению 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения от глагола *пустить*;

только — праславянское *толико* образовано от местоимения *то* + частица *ли* + суффиксальный элемент *ко*; *толико* в результате редукции и утраты безударного [п] изменилось в *только*;

якобы — образовано путем сращения устарелого наречия *яко* — «как будто» + *бы*.

* * *

Система
частей речи
в русском языке

§ 194. Все слова русского языка объединяются в лексико-грамматические разряды, называемые частями речи. Первые сведения о частях речи учащиеся получили еще в начальных классах. Задача заключается в том, чтобы углубить изучение частей речи и дать школьникам обобщенные сведения об их классификации.

Определяя часть речи, учащиеся зачастую сообщают неполные данные о ней. Следует обратить внимание на то, что слово каждой части речи характеризуется тремя особенностями: а) лексическим значением (что обозначает), б) морфологическими признаками и в) синтаксическими функциями. Например: а) имя существительное — часть речи, которая обозначает предмет и отвечает на вопросы *к т о?* *ч т о?* (лексическое значение); б) существительное

¹ Частица *же* (*ж*) в древнерусском языке была активна и входила в состав ряда союзов: *донележе*, *доньдеже*, *нежели*, *канеже*, *понеже*. В современном языке *же* может быть: а) самостоятельным сочинительным союзом («Я отгорил им житницы, я злато рассыпал, я им смыскал работы — они ж меня, беснуясь, проклинали!» — Пушкин. «Борис Годунов»); б) усилительной частицей, употребляемой в сочетании с наречием *так* и с местоимением *то* (например: «Я так же работаю, как и ты», «Я то же вижу, что и ты»). Частица *же* участвовала в образовании других слов: *неужели*, *уже ли*, *нежели*, *даже*, *также*, *тоже*.

относится к мужскому, женскому или среднему роду, являются собственными или нарицательными, одушевленными или неодушевленными (постоянные морфологические признаки); большинство имен существительных изменяется по падежам и числам (непостоянные морфологические признаки); в) в предложении существительные чаще всего бывают подлежащими или дополнениями (синтаксические функции). Из вышесказанного ясно, почему части речи рассматриваются как лексико-грамматические разряды слов.

В современном русском языке, как и в других языках мира, в процессе исторического развития сложилась определенная морфологическая система, которая в школьном преподавании включает десять частей речи. Задача заключается в том, чтобы учащиеся поняли логику общепринятого порядка расположения частей речи.

Изучение морфологии начинается с наиболее обширной и важной части речи — существительного, обозначающего предметность в широком грамматическом значении. Это вполне закономерно, так как к именам существительным относятся названия всего многообразного материального мира. В первую очередь сюда относятся названия живых существ и конкретных предметов, а также слова, которые обозначают «опредмеченные» качества и свойства, действия и состояния, явления и события. Этот процесс «опредмечивания» связан с развитием абстрактного мышления.

Так как материальный мир, главным образом, характеризуется качественными и количественными показателями, вслед за именем существительным рассматриваются имя прилагательное (обозначающее свойство предметов) и имя числительное (обозначающее количество предметов или их порядок при счете).

Эти три имени могут быть заменены словами, не называющими, а указывающими на название предмета (существительные), на их признаки (прилагательные) и количество (числительные), т. е. словами, выступающими вместо имени — местоимениями.

Известно, что весь материальный мир находится в движении, непрерывном изменении. Поэтому именам (существительным, прилагательным, числительным, а также местоимениям) противопоставлена часть речи, обозначающая действие предмета — глагол. Глагол противопоставлен именам не только лексически, но и грамматически: имена склоняются, а глагол спрягается.

Назначение наречия как неизменяемой знаменательной части речи в первую очередь заключается в том, чтобы обозначать признак действия или состояния, т. е. признак глагола.

Далее изучаются служебные части речи, которые в отличие от самостоятельных частей речи не называют ни предметов, ни признаков, ни действия и не могут быть членами предложения. Они выполняют служебную роль: выражают различные отношения между словами в предложении (предлог), или связывают слова

и части сложного предложения (союзы), или вносят различные смысловые оттенки в предложение (частицы).

Особое место среди частей речи занимает междометие, так как оно не относится ни к самостоятельным, ни к служебным частям речи; оно лишь выражает (но не называет) различные чувства и побуждения к действию. Междометия, как и служебные части речи, не являются членами предложения.

Такова логика системы частей речи в русском языке, которую должны понять учащиеся.

§ 195. По традиционной классификации мы различаем десять частей речи. Подавляющее большинство слов русского языка постоянно принадлежит к той или иной части речи. Однако в процессе исторического развития языка зачастую наблюдаются случаи нарушения границ: слова из одной части речи переходят в другие части речи. С этим явлением учащиеся V—VI классов знакомы (в учебнике приводится большое количество примеров подобного перехода). Следует лишь особо подчеркнуть, что этот процесс вполне закономерен, так как язык находится в состоянии непрерывного исторического развития, что ведет к трансформации частей речи, т. е. к переходу слов из одной части речи в другую. Это происходит в результате постепенной утраты или ослабления в трансформирующемся слове некоторых семантических, морфологических и синтаксических признаков, которые были присущи ему до перехода и накопления новых лексико-грамматических признаков той части речи, в которую это слово переходит.

В порядке повторения пройденного учебного материала можно проанализировать некоторые переходы прилагательных в существительные, выяснив, какие конкретно признаки прилагательных ими утрачены и какие признаки существительных приобретены.

СИНТАКСИС

§ 196. Раздел синтаксиса, как и разделы фонетики и морфологии, строится в виде исторического комментария к явлениям современного русского литературного языка, однако данный раздел имеет и существенное отличие. Это отличие определяется прежде всего тем, что исторические процессы в развитии русского языка, затронувшие его звуковую и морфологическую системы, оставили глубокие следы в явлениях, свойственных современному языку. Такого рода явления не находят своего объяснения в современных отношениях внутри языковой структуры, и понять и объяснить их возможно лишь при учете различного рода исторических процессов, восходящих к разным эпохам развития языка — иногда к очень отдаленным периодам истории праславянского языка, иногда — к древнерусскому периоду, а иногда — к эпохе, когда уже существовал русский (великорусский) язык,

отличающийся от близкородственных украинского и белорусского языков. Все это диктовало необходимость подробного исторического комментария в первую очередь при рассмотрении вопросов фонетики, так как многие фонетические процессы, пережив определенные изменения, находят свое отражение теперь в явлениях и морфологии, и лексики, и орфографии. В этом плане сами морфологические явления оказываются несколько проще в отношении их исторического комментирования, так как многие из них не обнаруживают следов древних исторических изменений в морфологической структуре и представляют единство в современном языке. Именно поэтому в разделе морфологии не рассматривались многие процессы в истории русского языка, ибо они не представляют интереса для понимания современных отношений (например, не рассматривалась подробно история видовременной системы), не рассматривалась и история целого ряда форм склонения имен и спряжения глаголов; современный русский литературный язык здесь не дает повода для сомнения в понимании подобных форм, ибо не сохраняет каких-либо следов прошедших исторических процессов (ср., например, большинство форм личных и возвратных местоимений, количественных числительных, полных прилагательных и др.). В разделе, посвященном морфологическим явлениям, рассматривалось только то, что определяет своеобразие тех или иных форм, колебания в их образовании, отклонения от закономерностей их употребления и т. д., что наблюдается в современном литературном языке или может быть встречено в литературе конца XVIII—XIX в.

§ 197. Совсем особо обстоит дело с синтаксисом. Конечно, история развития синтаксического строя русского языка, истории становления современных синтаксических конструкций является и сложной, и длительной, характеризуется многими процессами в области развития как простого, так и сложного предложения, как способов выражения тех или иных категорий, так и способов соединения предложений и т. д. Однако все эти процессы прошли в истории письменного литературного языка, привели к становлению современных отношений в синтаксисе, и реконструировать их можно только по данным памятников письменности разных эпох. В современном же русском литературном языке, в его письменной форме, большинство этих процессов не оставило никаких следов. Поэтому, рассматривая четко построенную систему современных синтаксических конструкций, мы в общем не догадываемся, чем отличалась эта система от более древнего синтаксического строя, как шла перестройка синтаксических конструкций, какие из современных синтаксических явлений оказываются более новыми, а какие восходят к прошлым эпохам и т. д.

Все сказанное и обуславливает то обстоятельство, что при изучении синтаксиса современного русского литературного языка, в большинстве случаев не возникает необходимости в историческом комментировании его основных черт и особенностей.

И вместе с тем, конечно, определенные синтаксические явления требуют такого комментария, особенно если речь идет о явлениях синтаксиса русского литературного языка, не очень далеко отстоящего от нашего времени, — языка XIX в., о явлениях, получивших отражение в художественной русской классической литературе. Этот комментарий, естественно, в силу чисто объективных причин оказывается отрывочным, ибо охватывает разрозненные синтаксические явления современного языка, а не всю систему, но тем не менее он необходим для понимания и объяснения определенных фактов.

Учащимся небезынтересно будет узнать, что *синтаксис* — слово греческое и состоит из двух частей. Приставка *syn-* означает «совместность, совокупность» (соответствует русской приставке *со-*: *соученик*, *сотосарин*). Слово *taxis* в греческом языке в первую очередь являлось военным термином и означало «построение, колонна, место в строю» и т. п. Позднее ученые приспособили этот термин к грамматике, так как грамматический строй, так же как и военный, требует четкости и строгого порядка. Древнегреческий ученый Аполлоний Дискол писал: «...из правильного соединения слов составляются предложения».

В школьном учебнике синтаксис определяется как учение о словосочетаниях и предложениях.

В этом разделе настоящей книги рассматриваются только те синтаксические явления современного русского литературного языка (или — иногда — явления, отражающиеся в литературе XIX в.), которые требуют для своей интерпретации исторического комментария.

§ 198. Внимания заслуживают прежде всего явления, связанные с именным составным сказуемым в современном языке. Речь здесь идет, во-первых, о возможности употребления в таком сказуемом именительного и творительного падежа (так называемые именительный и творительный предикативные), а во-вторых, о соотношении кратких и полных прилагательных в роли именной части сказуемого.

Древнерусский язык знал широкое распространение конструкций с именительным падежом существительного в качестве составной части сказуемого. Например: «Ты имъ будешь *начальникъ*»; «Кто будетъ брату *недругъ*, а язь *заказчикъ* быть» и т. д. Такие конструкции были характерны и для русского языка XIX в., например: «В то время был еще *жених* ее супруг» (Пушкин, «Евгений Онегин»).

Вместе с тем в древнерусском языке в такой же конструкции мог выступать и творительный падеж существительного, например: «Хто буде *изуменомъ*»; «Та два была *посломъ*»; «Бѣ была мати его *черницею*». Но эта конструкция с творительным предикативным выступала очень редко, и господствующим был именительный предикативный.

В истории русского языка процесс развития этих двух конст-

рукций пошел таким образом, что преимущественное распростра-
нение получили как раз творительный предикативный существи-
тельных: в современном языке при спяке *быть* в прошедшем
и будущем времени господствует творительный падеж существи-
тельного в роли именной части сказуемого, что, как видно, объ-
ясняется стремлением к синтаксической четкости построения пред-
ложения, т. е. к различию по форме существительного-подлеж-
ащего и существительного ст. сказуемого. Однако вместе с тем сохра-
няются и параллельные конструкции с именным предикатив-
ным, т. е. наряду с *Он был учителем*, *Он будет учителем* и *Он учителем* и *Он*
был учителем, *Он будет учителем* и *Он учителем*. Следовательно, существуют
какие-то различия между этими двумя конструкциями, которые
и позволяют им обитать рядом. Различия эти видны в том, что
конструкции с *быть* и *будет* употребляются тогда,
когда подлежащему приписывается постоянный, неизменный, в
общем не субъективный признак (например, *Он был учителем* — когда-то,
не всегда, не это главное), а конструкции с именительным —
тогда, когда подлежащему приписывается постоянный, харак-
терный, существенный признак (*Он был учителем* — это самое
характерное, самое существенное). Такое смысловое различие
данных двух конструкций должно учитываться при их употреб-
лении.

§ 199. Подобный же процесс шел и в истории употребления
полных прилагательных в именной части сказуемого.

В русском языке первоначально широко употреблялся име-
нительный предикативный, хотя надо сказать, что в такой роли
полные прилагательные появились не ранее XV в.:
«Их ризы *серебряны*, *золоты*, *бархатны*, *шубы* *бархатны*, *шубы* *бархатны*. Тво-
риТЕЛЬНЫМ прилагательным *серебряны*, *золоты*, *бархатны*, *шубы* *бархатны*, *шубы* *бархатны*»
XVII в.; ср. «Их ризы *серебряны*, *золоты*, *бархатны*, *шубы* *бархатны*»
Творительным предикативным прилагательным укрепился при
глаголе *быть* в прошедшем и будущем времени (*Он был учителем*), при стра-
дательных причастиях (*Он был учителем*), при некоторых гла-
голах (*Он был учителем*), при инфинитиве (*Он был учителем*), при
качестве (*Он был учителем*), при имущественных прилагательных (*Он был учителем*),
мать, зометь (*мать, зометь*), *мать, зометь* (*мать, зометь*), *мать, зометь* (*мать, зометь*)).

Рассуждая о значении именительного и творительного предикативного, надо учесть все выше-
прилагательные, выступавшие прежде всего как определяющие
существительным, префункционализировали в качестве именной части
сказуемого, до этого времени в таком качестве функционировали
краткие прилагательные: «Сихъ оружъе *обоюдоостро*»; «Будеть
земля ваша *пуста* и двори ваши *пусты* будутъ»; «Акъ бы миръ
твердо былъ» и т. д. Когда полные прилагательные начали упо-
требляться в составе именного сказуемого, сначала в именитель-
ном, а затем и в творительном падеже, стала развиваться семан-
тическая их дифференциация с краткими прилагательными в этой
роли, и теперь конструкции именного сказуемого с краткой фор-

мой и эти же конструкции с полной формой прилагательного (в именительном или в творительном падеже) различаются по значению: полная форма обозначает, что подлежащему приписывается признак, заложенный в самом предмете, присущий ему как свойство (*он был злой, он был злым*), а краткая — что подлежащему приписывается признак, который проявляется в зависимости от каких-то условий (*он был зол — по какой-то причине*).

§ 200. В связи с вопросом о главных членах предложения — подлежащем и сказуемом стоит еще одно явление, требующее хотя бы краткого рассмотрения. Речь идет об одном случае согласования подлежащего и сказуемого, а именно — о согласовании по смыслу. При распространенности грамматического их согласования как в современном, так и в древнерусском языке последний знает и такое явление, когда при подлежащих, выраженных собирательными существительными (типа *дружина, братия, народ, земля* в значении «страна, государство» в т. п.), сказуемое выступало в форме множественного числа, хотя грамматические признаки единственного числа у таких существительных были выражены вполне отчетливо (они относились к определенному роду и склонялись по единственному числу); например: «*рекоша (= сказали) дружина*», «*ходиша (= ходили) вся русская земля*», «*идоша (= шли) вся братия*» и т. д.

Такое согласование по смыслу в целом утрачено современным языком; следом его, пожалуй, можно считать колебания в употреблении глагола в единственном или множественном числе в таких оборотах, как *большинство склонялось (склонялись)* к чему-либо, *ряд лиц затруднялся (затруднялись)* сделать что-либо, *несколько человек ходило (ходили)*, *много людей считало (считали)* что-либо и т. п. В диалектах же сохранение старого согласования можно встретить еще довольно часто. Это иногда отмечается и в литературных произведениях XIX в., возможно, как стилизация, например:

Вкруг ее *стоит* грозная стража,
На плечах топорик *держат*.

(Пушкин. «Сказка о золотой рыбке».)

§ 201. Как известно, каждая падежная форма используется в современном языке для выражения определенного значения, причем, конечно, одна и та же форма может использоваться для выражения не одного, а нескольких значений, что обусловливается возможностями ее употребления в сочетании с разными словами, т. е. в разных конструкциях (ср. *встать на стол, встать на ноги, посмотреть на него* — винительный падеж имеет здесь разные значения). При этом у каждого падежа есть, так сказать, специфический, закрепленный круг значений, которые выражаются с его помощью и которые можно установить и перечислить.

Так было и в древнерусском языке, однако на протяжении его развития происходили определенные изменения в значениях надежных форм как в сторону их расширения, так и в сторону утраты определенных значений, которые могли выражаться той или иной формой. Именно это последнее явление и представляет значительный интерес, так как современный литературный язык нередко сохраняет некоторые конструкции, в которых те или иные надежные формы выступают в несвойственных им теперь значениях. Такие явления, без сомнения, требуют исторического комментария.

§ 202. Внимание заслуживает прежде всего родительный падеж. Ряд его значений был утрачен, но их следы сохранились в определенных конструкциях. Так, в древнерусском языке родительный падеж мог служить для обозначения времени. Например: «*Той же осени* много зла ся створи», «*Той же весни* (вм. *весны*) ожели ся князь», «*Того же лета* взяли болгаре Муромъ», «*Того утру* была мгла велика» и т. д. Такое значение родительного падежа в целом было утрачено литературным языком, и вместо древнерусских конструкций здесь выступает или творительный падеж (*той осенью, той весной*), или винительный с предлогом (*в ту весну, в то лето*). Однако старый родительный времени сохраняется в наречии *сегодня* (из *сего дня*), в сочетании *прошлого дня*, а также в точных названиях дат: *первого мая, седьмого ноября, восьмого марта* и т. п.

Для обозначения времени пользовались еще и творительный падеж, например: «*Приде мартомъ мѣсяцемъ*», «*Зимами черезъ волокъ волочился*»; «*И тако идый трѣми недѣлями*». При этом важно, что в творительном падеже употреблялись в этом значении слова, обозначающие любой отрезок времени: часть суток, время года, название месяца или дня недели и т. д. В истории русского языка творительный времени сохранился, но сузился круг лексик, которая может иметь эту форму в таком значении: такая конструкция может выступать теперь лишь при обозначении частей суток и времени года, причем творительный падеж здесь обязательно имеет определяющее слово, например: *темной ночью, поздней осенью, ранним утром* и т. п. (без определяющего слова функционирует не надежная форма существительного, а наречие).

В литературном языке XVIII в., а иногда и XIX в. творительный времени употреблялся еще для обозначения определенного промежутка времени, в течение которого совершается действие. Так, например, у Фонвизина встречается: «*Она в три часа* напроказить может столько, что и *веком* (т. е. *за век*) не пособить»; у Грибоедова: «*Я в сорок пять часов, глаз мигом* (т. е. *на миг*) не прищуря, верет боле семи сот пропесеня». Ср. в послонце: «*Впервые годом* (т. е. *за весь год*), да и то с горем». Такого употребления творительного падежа в современном языке не знает.

Для обозначения времени в древнерусском языке употребляли-

лись и
и м
«Вечер
обознач
ином
по он
действи
мался
иенце-
§ 203.
прост
(= чере
грота)»
оборота
стало в
логами
§ 204.
обнаруж
лим (и
в таком
ствия, та
т. е. по-
есть ло
тории рус
ся назван
сохранил
летами»
§ 205.
обозначен
велика на
сплошн
свои скла
языке вс
определен
погодкой»
Наконец
чений я.
иенно су
например,
«Аз своим
«красна 46»
§ 206. С
и т е л ь
и а н р а
и н а конст
и н а п у н к т а
Чернигов (=
Константи

лись и конструкции с беспредложным винитель-
ным падежом: «Аз *утро* пошлю по вы», «*Осень* умре князь»,
«*Вечер* водворится плачь»; общее значение этих конструкций —
обозначение времени, не полностью занятого действием. В совре-
менном языке есть такие конструкции с винительным временем,
но они обозначают отрезок времени, полностью охватенный
действием: «проспал *всю ночь*», «проработал *целый день*», «зани-
мался *все лето*» (но случайно здесь часто употребляется место-
именно-определение *ессы*).

§ 203. Творительный падеж в древнерусском языке мог иметь
пространственное значение: «Подаваше ему *окоцем*
(= через окно)»; «Входят в город *обиними вороты* (= через одни
ворота)». Это значение теперь сохранилось лишь в отдельных
сборотах (*крозь пошла горлом, идти берегом*), а в целом оно
стало выражаться конструкцией винительного падежа с пред-
логами *в* или *через*.

§ 204. Такое же сужение конструкции в лексическом плане
обнаруживается и в истории творительного падежа с орудий-
ным (инструментальным) значением. В древнерусском языке
в таком значении могли выступать как названия орудий дей-
ствия, так и названия людей и животных, а также частей суток,
т. е. по-древнерусски можно было сказать *рубить топором* и
ехать лошадьми, *защититься мечом* и *защититься ночью*. В ис-
тории русского языка в этой конструкции перестали употребле-
ться названия людей и животных и наименования частей суток, а
сохранились лишь названия орудий действия (ср. «Летайте *само-
летами*»).

§ 205. Творительный падеж мог употребляться еще и при
обозначении образа действия, например: «Явился звезда
велика на западе *копейным образом* (= в виде копья)»; «Они же
сплошишася и *небреженьем* (= небрежно) хожашу доспехи
свои складоша на телеги». Такое употребление в современном
языке встречается очень редко, ограничиваясь лишь вполне
определенным кругом лексики; ср.: «Он шел покачивающейся
походкой», «Он выдавал себя бегаящими *глазами*», и т. п.

Наконец, можно указать еще на творительный ограни-
чения, широко известный в древнерусском языке, но посте-
пенно суживающий свое употребление в истории языка; ср.,
например, др. русск.: «Очи имея велики черни... *телом* изобилею»;
«Аз своим *богитством* недостаточен» — и совр.: «мал *ростом*»,
«красна *цветом* волос», «прекрасен *сложением*» и т. п.

§ 206. Следует обратить внимание еще на употребление в ви-
нительного и дательного падежах для обозначения
направления. В древнерусском языке были распростра-
нены конструкции с винительным беспредложным для обозначе-
ния пункта, к которому направлено движение: «Глѣб же виждо
Чернигов (= в Чернигов)»; «Подступили *Костентин град* (= к
Константину городу). В подобных случаях современный язык

знает только винительный и дательный (с предлогами *в* и *к*), однако следы старой конструкции сохраняются в некоторых наречных выражениях, типа *иди сон, ступай прочь*.

Подобным же образом развивалась и конструкция с дательным предлога: «Приде Чернигову (= к Чернигову)»; «Зова к себе Києву (= в Киев)»; «Поиде Переяславлю (- к Переяславлю)»; «Иде к брату... Новгороду (= в Новгород)». Уже на примерах ясно, что в современном языке беспредложный дательный направления заменился винительным с предлогом *в* при обозначении направления движения к пункту с заходом в него; дательный же направления движения к пункту употребляется при обозначении направления движения к пункту без захода в этот пункт. Старый беспредложный дательный направления сохраняется теперь достаточно отчетливо в наречии *домой* (*иди домой*), которое по происхождению является формой дательного падежа единственного числа от *домъ*.

§ 207. Относительно винительного и дательного падежей древнерусского языка можно отметить еще три конструкции, сохраняющиеся в той или иной степени в современную эпоху.

Во-первых, это винительный причинный. В древнерусском языке конструкции с винительным падежом без предлога могли употребляться для обозначения предмета, который логически является причиной того или иного действия; например: «Мьщу русскую землю» (= за русскую землю); «Оже ли не будет кто его мьсти» (= не будет того, кто мог бы за него отомстить); «платити 40 гривень». Такие конструкции жили довольно долго, и еще в XVIII в. они выступали при глаголах *мстити*, *заступити* (= *заступиться*), *проникати*. Ср. у Радищева: «Готопы всегда на твоё поражение, если это отмстит порабощение человека (= за порабощение)»; «Они, соблазнуя о участи молодого крестьянина..., его заступили» (= заступились за него). В XIX в. эта конструкция уже была устаревшей, однако она изредка все же встречается в литературе; ср., например, у Пушкина: «Отметить поруганную дочь» («Полтава»).

§ 208. Во-вторых, это дательный принадлежностный. В древнерусском языке существовал принадлежностный беспредложный падеж, обозначающий принадлежность, например: «Се имена воеводам их (= имена воевод)»; «Копьё леге сквозе уши коневу (= уши коня)»; «Вьсть очи ему яко неврежне» (= очи его). На месте дательного принадлежности в современном языке выступает родительный с тем же значением или винительный с предлогом *на*, однако, хотя и редко, наряду с последними сохраняются и конструкции с дательным падежом: *цены билетам* (но и: *цены на муку*), *роспись книгам, реестр бумагам* (но и: *роспись книг, реестр бумаг*), *он сын ему* и т. п.

§ 209. В-третьих, наконец, это дательный «внутреннего переживания», также широко распространенный в древнерусском

я. м.р. Э
для обо
выпрещ
себя
вм); «И
твой д
судеб
судноб

Итак,
это мн
засте с
фун
блием с
рательн
§ 210.

ия с та
са не бы
днако, б
злучила
енности
XVIII вв.
лала соб
местоимен
чаством. Т
или време
тельный с
временных
ему Києву
он прише
воне)», «Н
на поганых
с ними на
пример, в
«Едину ми
я ехал на
Однако
синтаксиче
§ 211. П
ных предл
и сложных
складыван
инсменны
завершил
синтаксис
в структуре
бы для сво

языке. Это такие конструкции, в которых дательный падеж служил для обозначения предмета или лица, к которому направлено внутреннее переживание субъекта действия. Например: «Да любе ся падем (= падемся на тебя)»; «Посмеется ему (= над ним)»; «Нача ей негодовати (= на нее)». В современном языке такой дательный употребляется лишь в некоторых глаголах определенного значения; например: *правиться ему, улыбаться кому-нибудь, лстить ей, радоваться приходу кого-либо* и т. д.

* * *

Итак, одной из особенностей синтаксиса древнерусского языка было многообразие синтаксических функций косвенных падежей; вместе с тем эти функции не были дифференцированы: одна и та же функция могла выполняться рядом падежей. Особенным обилием функций, как это видно из вышесказанного, отличались родительный и творительный падежи.

§ 210. Особо в истории русского синтаксиса стоит конструкция с так называемым дательным самостоятельным. Возможно, она не была принадлежностью собственно древнерусского языка, однако, будучи заимствована из старославянских памятников, получила значительное распространение в древнерусской письменности и сохранялась в повествовательной прозе еще в XVII—XVIII вв. Конструкция с дательным самостоятельным представляла собой сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним в роде, числе и падеже причастием. Такое сочетание употреблялось для обозначения причины или времени действия, и потому в современном языке оборот дательный самостоятельный может быть передан причинным или временным придаточным предложением. Например: «И *пришебъшу* ему Киеву и *пробыбъшу* 4 лета на 5 лето помяну конь (= Когда он пришел в Киев и пробыл там 4 года, на пятый год вспомнил о коне)», «И *начаста* гнев имети на Олега, яко *не шедъшу* ему с нима на поганья (= И начали сердиться на Олега, так как он не пошел с ними на поганых)». Вот такой оборот и можно встретить, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева: «*Едушу* мне из Едрова, Анята из мысли моеи не уходила (= Когда я ехал из Едрова...)».

Однако, повторим, этот оборот, как видно, не принадлежал синтаксической системе собственно древнерусского языка.

§ 211. Если обратиться к истории структуры простых и сложных предложений, то в этой истории можно обнаружить много и сложных и интересных процессов, приведших постепенно к складыванию тех структур, которые характеризуют современный письменный литературный русский язык. Однако эти процессы завершились в достаточно отдаленное от нас время, и потому в синтаксисе современного языка по существу нет таких явлений в структуре простых и сложных предложений, которые требовали бы для своего понимания обращения к истории русского языка.

В силу сказанного в настоящей книге нет необходимости рассматривать те особенности, которые характеризовали строй простого и сложного предложения в древнерусском языке: такая задача может стоять перед историческим синтаксисом русского языка как отдельной областью науки, но не перед историческим комментарием современных синтаксических явлений.

Конкретный анализ различных синтаксических структур даст возможность учащимся прийти к выводу, что сложные предложения отражают более высокий этап мышления. Причем сложноподчиненные предложения среди сложных предложений — это высшая форма развития языка и мышления, так как в сложноподчиненном предложении выражены логические взаимосвязи между отдельными его частями, объединенными в единое целое. Вот почему сложноподчиненные предложения обнаруживают более позднее происхождение и являются более сложными по структуре.

Важ
этим
и в пер
В п
творчес
спить
и дейст
стера
десе
уащих
такой
тского
точно
В да
способ
напряж
решени
уделен
яются
языка.
Одна
ания,
ные исс
али, чт
учителя
непрочи
в процес
затрудн
новения
перед уч
трудност
Разви
происход
поисков
жение, п
1. Лого
в школе.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Важнейшей задачей современной методики является активизация мыслительной деятельности учащихся в учебном процессе и в период их самостоятельной работы над учебным материалом.

В настоящее время особенно остро стоит вопрос о развитии творческих потенций молодого поколения, так как школа должна воспитывать активных и инициативных, творчески относящихся к действительности граждан. Многие передовые учителя — мастера педагогического дела — все чаще и чаще в учебном процессе прибегают к созданию проблемных ситуаций, вовлекая учащихся в самостоятельную поисковую деятельность. Именно такой метод преподавания предостерегает учащихся от механического усвоения учебного материала, в частности — от недостаточно осознанного овладения грамматическими понятиями.

В данной книге изложены научные сведения, знание которых способствует языковому развитию учащихся, приобщению их к напряженной творческой работе мысли, к самостоятельности в решении трудных вопросов овладения языком. Большое внимание уделено выяснению различных закономерностей, которым подчиняются языковые факты в процессе исторического развития языка.

Однако вопрос о том, какими путями добываются учащимися знания, имеет важное дидактическое значение. Экспериментальные исследования и многолетний опыт преподавания языка показали, что знания, полученные в готовом виде путем объяснения учителя, без приложения усилий со стороны обучаемых, зачастую непрочны, малоэффективны. Иное дело, когда сами учащиеся в процессе самостоятельной поисковой деятельности, преодолевая затруднения, овладевают знаниями. «Одним из условий возникновения познавательной активности у детей является постановка перед учащимися познавательной задачи и наличие известных трудностей, вызывающих активные поиски путей ее решения»¹.

Развитие активности и познавательных способностей учащихся происходит в процессе преодоления этих трудностей, в процессе поисков ответов на поставленные вопросы. Умственное напряжение, по наблюдениям и учителей и психологов, повышает ак-

¹ Богоявленский Д. Н., Менчинская Н. А. Психология усвоения знаний в школе. М., 1959, с. 268.

тивность учащихся, развивает у них интерес к учению и создает положительный эмоциональный настрой.

Опыт показал, что знания, усвоенные в процессе преодоления трудностей, при активной познавательной деятельности самих учеников, особенно ценны и прочны, так как противодействие (трудность) вызывает активное действие. Однако когда говорят о трудностях познания, то имеют в виду такие трудности, которые могут быть преодолены учащимися, так как непреодолимые трудности сеют пессимизм в свои силы, отбивают желание и интерес к работе, тормозят умственную деятельность. Слишком же легкие задания ослабляют активность мышления учащихся. Таким образом, эффективное обучение строится на принципе непрерывного повышения трудностей.

Ниже даны познавательные задачи и вопросы по всем разделам данного пособия. Для того чтобы облегчить работу учителя, вместе с задачами и вопросами даны и примерные ответы.

Предлагаемые задачи и вопросы могут быть использованы не только в учебном процессе, но и во внеклассной работе с учащимися (на занятиях кружка русского языка, на олимпиадах по русскому языку, во время проведения «недели русского языка», а также на факультативных занятиях). Ответы на большинство вопросов учащиеся сумеют дать при условии творческого изучения материала действующих школьных учебников и путем самостоятельного наблюдения над фактами языка. Для ответов на отдельные вопросы потребуется помощь учителя, использование данного пособия и рекомендуемой ниже литературы.

1. Почему рифмуются выделенные слова в следующем отрывке из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Но говорят, вы немудим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блещим,
Хоть вам и рады *простодушно*.

Какой вывод о произносительных нормах литературного языка XIX в. можно сделать на основании наблюдения над рифмовкой выделенных слов?

В слове *скучно* сочетание *чи* произносится как [шв]. (То же наблюдается в словах *конечно*, *парочно* и др. См. § 66¹.)

2. Что вы можете сказать о структуре и об орфографии слов *женитьба* и *свадьба*?

Слова *женитьба* и *свадьба* образовались от неопределенной формы глаголов *женить* и *сватать* с помощью суффикса *-ьба*. Хотя оба эти слова произносятся одинаково (*жени*[д'б]а и *сва*[д'б]а), орфография первого определяется на морфологический принцип правописания, а второе слово пишется так, как произносится (см. § 18).

¹ Здесь и далее указаны параграфы данного пособия, куда учитель может обратиться за справкой.

3. Докажите, что слово *эфиоп* нерусского происхождения.

Для русского языка нехарактерны: а) начальное [э], б) звук [ф] перед гласным; в) внутреннее звияние (т. е. стечение гласных в составе слова) (см. § 9, 41).

4. В каких трех случаях употребляется *ь* в современном русском языке?

Мягкий знак употребляется: а) как показатель мягкости согласного (*сельдь*), б) как разделительный знак (*стулья, соловьи*), в) как показатель грамматической формы (*дочь, рожь, беречь, режь, идешь, навзничь*) (см. § 10).

5. Чем объяснить, что в народной речи иногда появляется беглое [е] там, где не было редуцированного [ь]: «журавель», «корабель», «мысель», «рубель»?

После падения редуцированных конечный звук [ь], находясь в слабом положении, исчез (он сохранился лишь как знак, обозначающий мягкость конечного согласного). Для облегчения произношения образовавшегося сочетания согласных в народной речи появляется беглый [е]: «рубель — рубля» (см. § 16).

6. Как называются жители *Томска, Тулы, Горького, Минска, Лекоса, Омска, Одессы, Баку, Курска, Ярославля, Парижа, Кубы, Лаоса, Конго, Перу*?

Томичи, туляки, горьковчане, минчане, лекосовичи (лексковичи), омичи, одесситы, бакинцы, куряне, яросланцы; парижане, кубинцы, лаотяне, конголезцы, перуанцы (см. Словарь названий жителей (РСФСР). Под ред. А. М. Бакина. М., 1964).

7. Какие окончания являются общими для всех имен существительных независимо от склонения?

Общими для всех существительных являются окончания дат., твор. и предл. пад. мн. ч.: *-ам (-ям), -ами (-ями), -ах (-ях)*. Исключения: *дети, дочери, дочь, лошадь, люди* в твор. пад. мн. ч. имеют форму: *детьми, дочерьми, дочерьми* (и *дочерями*), *лошадьми, людьми*; в устойчивых сочетаниях: *лечь костями, бить плетью* (см. § 97).

8. Укажите, какие из следующих слов имеют одинаковые окончания:

а) *домов, столов, коров, ковров, голов, основ*;

б) *степеней, ножей, батарей, шей* (от *шея*), *ушей, юношей*.

У слов *домов, столов, ковров* — окончание *-ов*; у слов *коров, основ* — нулевое окончание; у слова *голов* — либо нулевое окончание (если речь идет о головах), либо окончание *-ов* (если речь идет о голах).

У слов *степеней, ножей, ушей, юношей* — окончание *-ей*, а у *батарей, шей* — нулевое (см. § 98).

9. Образуйте форму род. пад. мн. ч. от слов *ангельсин, баржа, блюдо, ботинок, килограмм, монгол, носок, чулок, партизан, помидор, простыня, просьба, солдат*.

Род. пад. мн. ч.: *ангельсинов, барж, блюдца, ботинок, килограмм(ов), монголов, носков, чулок, партизан, помидоров, простынь, просьб, солдат* (см. § 98).

10. Какого происхождения слова *копейка* и *рубль*?

Название монеты *копейка* произошло от слова *копьё*: в старину на этой монете был изображён всадник с копьём. Существительное *рубль* исторически произошло от глагола *рубить*: в Древней Руси при размене крупных серебряных слитков их рубили на части.

11. В каком значении употреблено слово *глагол* в следующем четверостишии А. С. Пушкина:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Слово *глагол* употреблено здесь в старом значении: «речь, слово».

12. В каком значении употреблено слово *правый* в следующих словосочетаниях: «Наше дело *правое*», «Мы идем *правым* путем»; «*правый* поворот», «*правый* дождь»?

Слово *правый* первоначально означало «справедливый, справедливый», а для обозначения направления древнерусские люди пользовались словом *справа* (см. в словаре В. Даля: «справа, справа — правая рука»; Ср. у Пушкина: Руслан «в десные держит чёт кобылы»).

Постепенно слово *правый* стало реже употребляться и в значении «справосторонний» и, наконец, вытеснено из языка словом *десный*, *десница*¹.

В современном языке слово *правый* в старом значении употребляется только в торжественном, высоком стиле, например: Наше дело *правое*. В словосочетаниях же «*правый* поворот», «*правый* дождь» слово *правый* употребляется в новом значении.

Следует иметь в виду, что слово *правый* имеет еще два значения: а) веоповный (юридическое): «Суд пригнал его *претом*»; б) реакционный, оппортунистический (политическое): «человек *правый* убеждений»; *правдоопортунистический*.

Учитель на этом конкретном примере может рассказать учащимся о путях обогащения словарного состава языка:

а) основной путь обогащения словаря — словообразование; ср. *правый*, *правосудие*, *приговор*, *правонарушитель*;

б) второй путь обогащения словаря — заимствование слов из других языков; ср. *юрис*, *юридический*, *юрисконсульт*.

Наш пример со словом *правый* свидетельствует о том, что словарь может развиваться не только количественно, но и качественно: в уже известном в языке слове развивается новое значение (проследите историческое развитие значения слова *правый*).

Вместе с тем на примере слов *десный*, *десница* можно убедительно показать судьбу устаревших слов, которые постепенно исчезают из языка.

13. Запишите все известные вам производные слова от слова *жить* и при помощи «Краткого этимологического словаря» объясните историческое развитие данного словарного гнезда.

Живой — суффиксальное образование от того же корня, что и *жить*;
живот — первоначально означало «жила» и образовано от основы слова

¹ Учащимся из уроков географии известно, что левый приток Днепра еще в глубокой древности (VI—VII вв.) назывался Десной. Дело в том, что, переселяясь с юга на север (т. е. против течения Днепра), славяне видели этот приток справа. Вот почему он назывался Десной.

жизнь. Ср. у Крылова: «Волк из лесу в деревню забежал, Не в гости, во живот спасана» («Волк и Кот»). В современном языке *живот* — только «часть тела»; *животное* — образовано суффиксальным способом от слова *живот* (позначении «жизнь»), т. е. «все живое»; *жизнь* — образовано при помощи суффикса *-нь* (ср. *болезнь*, *боязнь*) от *жи(ть)*.

Исторически слова *жидкий*, *жижа*, *жила*, *жилой*, *жилище*, *жир*, *жито* также входили в словарное гнездо с корнем *жи(ть)*. Подробнее см. «Краткий этимологический словарь» Н. М. Шапского, В. В. Иванова и Т. В. Шапской.

14. Приведите примеры перехода нарицательных существительных в собственные и наоборот. Какой из этих процессов является более регулярным?

Собственные имена часто образуются из нарицательных. Имена людей: *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, *Роза*, *Лилия*; клички животных: *Шарик*, *Зорька*; названия населенных пунктов: *Зима*, *Горки*; печатных изданий: «*Правда*», «*Пионер*»; художественных произведений: «*Хачатурян*», «*Богатыри*» и т. п.

Значительно менее регулярно собственные имена могут переходить в нарицательные: *ампер*, *бойлот*, *бостон*, *браунинг*, *вольт*, *галифе*, *герц*, *бизель*, *курлон*, *макинтош*, *мартен*, *маузер*, *паган*, *ом*, *рейтген*, *силуэт*, *хулиган*, *шевелот* и др. (см. § 117).

15. В каких случаях обязательно употребление личного местоимения перед глаголом?

Оно обязательно тогда, когда окончания глаголов сами показывают, о каком лице идет речь (ср. *думаю*, *думаешь*, *думай*). Однако в формах прошедшего времени или в условном наклонении личные местоимения обязательны; например: *я (ты, он) пришел* или *пришел бы* (см. § 157—163).

16. К каким местоимениям и когда прибавляется *и*?

Оно прибавляется в косвенных падежах к личному местоимению 3-го лица после предлогов, например: *знал его*, *пошел к нему*, *был с ним*, *был у нее*, *у них* и т. д. Любопытно, что после предлогов *навстречу*, *благодаря*, *вопреки* и не появляется (ср. *навстречу ему, ей*). Это объясняется тем, что данные слова стали употребляться в качестве предлогов сравнительно недавно (см. подробно § 121).

17. Почему местоимения *каков* и *таков* не склоняются?

Местоимения *каков* и *таков*, как и краткие прилагательные и причастия, употребляются в роли сказуемого и, согласуясь с подлежащим, всегда находятся в именительном падеже (см. § 127).

18. Какой частью слова является *-ий* в словах *медвежий*, *синий*?

Состав этих слов *медвежий* и, *синий* и.

19. Почему краткие качественные прилагательные и краткие страдательные причастия в современном языке, в отличие от древнерусского, не склоняются?

В современном русском языке краткие качественные прилагательные и краткие страдательные причастия являются сказуемыми, а сказуемое согла-

судется с подлежащим, которое всегда выступает в именительном падеже (например: Наша страна велика и могуча. Задание выполнено). Следовательно, кратко прилагательные и причастия не могут склоняться (см. § 127).

20. Почему при числительных от пяти и далее вместо существительного *год* употребляется существительное *лето*?

Слово *лето* в древние времена означало «год». Это вполне естественно, если учесть, что наиболее деятельным временем года у скотов, как тем же пчелам и скотоводов, было лето, на которое приходились наиболее важные работы, обеспечивавшие материальное благополучие на целый год (ср. пословицу: *Летний день сд кормит*). В современном языке сохранились только подобные словоупотребления в старинных словах *человек лет*, *лет* (например, *лет* по годам, *летомесяц*). В старом значении слово *лето* и настоящее начиная с пяти (*пять, шесть, сто, ... лет*), а также в некоторых устойчивых сочетаниях: *человек преклонных лет, он сидит уже столько лет* и т. п.

Числительные *два, три, четыре* в современном русском языке сочетаются с существительным *год* в род. пад. ед. ч. (см. подробно § 139). Слово *год* имеет много исторически однокоренных слов, часть из которых не только в русском, но и в других славянских языках весьма разнообразно (ср. *годить, годиться, угодить, выгода, погода, устар. година* и др.).

21. Каков состав слов *двумястами, тремястами*?

Этот состав можно представить так: *два [умя] ст [ами]*, *три [емл] ст [ами]*.

Таким образом, в данных словах по два корня и по два окончания.

22. Какие числительные при склонении имеют только два окончания?

Числительные *сорок — сорока, сто — ста* и *девятьсот — девяносто* (см. § 142).

23. Являются ли глаголы *уехать, уехать, завязать* однокоренными?

В этих глаголах один и тот же корень *-ъезд-*; в последних двух глаголах звук [д] перед [н] и [з], по фонетическим законам русского языка, выпал. Поэтому корень выступает в виде *-въз-*. Ср. еще: *отвезти — съезжать, а не съезду*; *ведь — вел*, а не «ведл» (см. § 161).

24. Какие глаголы могут иметь только форму прошедшего времени ед. ч. ср. р. и форму 3-го л. ед. ч. настоящего времени?

Это наблюдается в безличных глаголах; ср. *вечерело, светало, анобило* или *вечерело, светает, анобит* (см. § 166).

25. Прочитайте внимательно § 14–18, в которых излагается судьба былой самостоятельной фонемы древнерусского языка [ě], обозначаемой буквой ѣ.

Как уже ранее было сказано, эта фонема в современном русском языке утрачена: в процессе исторического развития языка она совпала в произношении с другой фонемой — [е]. Таким образом, звук [е] в словформах *о теле, о деле* (по-древнерусски *о тѣль, о дѣль*) мы сейчас произносим так же, как и в словах

¹ Ср. у Пушкина: «Он так любил, как в наши *лѣта* уже не любил...» («Евгений Онегин»); слово *лѣта* воспринимается как устаревшее.

темя, день, хотя в первой паре слов *е* из *ь*, а во второй паре слов *е* ископное (*темя*) или из *ь* (*день* — *дня*).

Однако фонема *ь* по бесследно исчезла из языка: во многих случаях мы можем установить, в каких словах раньше был *ь* на месте современного *е*. Подумайте, как мы можем это установить и какое значение это имеет для языка.

Как известно, только ископное [е] и [е] из [ь] могут переходить в [о], а [е], возникшее из [ь], не переходит в [о]. Это дает возможность избежать лишней омонимии, так как в русском языке есть немало слов и форм, отличающихся друг от друга только наличием [е] или [о]; например: *мел* — *мел*, *сел* (глагол) — *сел* (род. пад. мн. ч.), *все* — *все* и т. п.

Если бы *ь* не сохранил своей общности и также переходил в [о], в языке образовались бы дополнительные омонимы.

26. Чем можно объяснить, что числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* в современном языке оканчиваются на твердый [т], несмотря на то, что в слове *десять* — [т'] мягкий?

Как известно, числительные от *пяти* сочетаются с существительными в род. пад. мн. ч. (ср. *пять столов*, *шесть телят* и т. п.). В древности числительное *десять* склонялось по особому типу основ на согласный, в данном случае — на -ят-, и в род. пад. мн. ч. имело форму *десять*; отсюда: *пять* + *десять* = *пятьдесят*.

27. Докажите, что слова *конец* и *начало* исторически однокоренные.

В слове *конец* исторически корень *кон-* и суффикс -ец (из -ьць).

Нетрудно доказать, что в звукосочетании *ча* в слове *начало* был носовой [е]; достаточно проанализировать следующий ряд: *начало* — *начинать* — *начини* (чл/члн/ч(ь)н). Звук [ч'] появился в результате чередования со звуком [к] перед гласными переднего ряда (а, и, ь).

Следовательно, в этих антонимах корни *-кон-* и *-ча-* исторически равнозначны. Исторически корень *-кон-* сохранил свою смысловую близость к полноте «начало чего-либо» в выражении *непокон секр*, *ископи* в значении «издава, с незапамятных времен».

28. Знаете ли вы историю слова *солдат*?

Это слово имеет сложную историю. В IV в. н. э. в Древнем Риме взамен старой серебряной монеты была выпущена золотая монета — *solidus*, буквально «золотан». От этого слова образовалось существительное *soldo* первоначально в значении «монета», затем — «жалованье», а слово *soldato* означало «получающий жалованье». Так впервые появилось слово *солдат*, обозначающее воинское звание.

Это слово было заимствовано многими языками мира. В русский язык оно проникло в XVII в. через немецкий или французский языки. Петр I, расправившись с восставшими стрельцами, возненавидел старое слово *стрелец* и стал активно внедрять интернациональное слово *солдат*.

29. Каково происхождение слова *палка* и имеет ли оно какое-либо отношение к глаголу *палить* в значении «жечь, обжигать огнем»?

Ученые считают, что между этими словами существует непосредственная историческая связь. Дело в том, что на Руси славяне перед посевом расчищали земли от растительности. При этом они сжигали дрова. Сожженный

лес назывался *налом*, а обожженные колья *палками*. Позже *палками*, *палица-*ми стали называть любые (и необожженные) колья.

30. Каково происхождение слова *травя*, и имеет ли оно какое-либо отношение к глаголу *травить*?

Этимологи отвечают на этот вопрос утвердительно.

Существительное *травя* первоначально обозначало «то, что потребляется, съедается, т. е. пища, корм». Любопытно, что в некоторых русских диалектах *травя* и сейчас означает «все съедасмое». Затем это слово сузило свое значение и стало обозначать «корм для скота».

Древнейшее однокоренное слово *травить* в значении «перетирать, съедать» дало префиксальные глаголы *оттравить* — «истребить траву», и *отравить* — «убить отравой или причинить чем-нибудь ядовитым вред». На базе этих глаголов возникли существительные: *оттравка* — «порча, истребление посевов трав» и *отрава* — «ядовитое вещество».

31. В книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» читаем: «Лунные белые пятна *сперемежку* с черными тенями ползли по траве у ног Алексея». В другом издании напечатано *сперемешку*. Какая разница в значении выделенных слов?

Всперемежку — попеременно, чередуясь, перемежаясь.

Всперемешку — в смешанном виде, в беспорядке.

32. Являются ли однокоренными в современном языке слова *побывать*, *забывать*, *добывать*?

Нет, эти слова разнокоренные, так как они различны по своему значению

и по структуре: побыва ть (ср. *быть*), забыва ть, добыва ть.

33. Каков морфемный состав слов *президиум*, *президент*, *префикс*, *препозиция*?

В русском языке эти слова не членимы, они корневые. Однако в языке-источнике (латинском) и этих словах четко выделяется приставка *пре-*, равнозначная русской приставке *пред-*: *президиум* — буквально «впереди сидящий»; *президент* — «сидящий впереди» (ср. в русском языке *председатель*, т. е. тот, кто занимает переднее место); *префикс* — «впереди прикрепленный»; *препозиция* — «постановка впереди» (например, *препозиция* придаточного предложения: «*Что волки жадны*, всякий знает», вместо «Всякий знает, *что волки жадны*»).

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Ванюшечкин В. Т. Из опыта применения этимологического анализа в орфо-орфографической работе с учащимися. — «Русский язык в школе», 1968, № 3.

Ветвицкий В. Г. Занимательное языкознание. Пособие для учителя. М.—Л., 1966.

Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское слово. Факультативный курс. Пособие для учащихся. М., 1974.

Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское слово. Факультативный курс. Пособие для учителей. М., 1974.

Гвоздев А. Н. Роль исторических чередований в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1954, № 1.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка М., 1961.

Горбачевич К. С. Язык — памятник культуры. Л., 1965.

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Григорян Л. Т. Язык — и значно ключ. М., 1968.

Дементьев А. А. Сборник задач и упражнений по исторической грамматике русского языка. М., 1964.

Долгачев Н. Г. Исторические комментарии на занятиях по русскому языку. — В сб. Для вас, словесники. Волгоград, 1970.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.

Иванова С. Ф. и др. Русское слово как предмет языкознания. Факультативный курс. М., 1972.

Иванова В. А., Панов Г. А., Потиха З. А. Тайны родного языка. Волгоград, 1969.

Ковалевская Е. Г. История слов. М.—Л., 1968.

Колесов В. В. История русского языка в рассказах. М., 1976.

Мережинская Е. К., Гуревич А. Ю., Зарицкий С. А. Занимательная грамматика. Киев, 1968.

Напольнова Т. В. Познавательные задачи в обучении русскому языку. — «Русский язык в школе», 1967, № 3.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Никонова Н. А. Элементы историзма на уроках русского языка в средней школе. — В сб. Повышение грамотности и культуры речи учащихся. Воронеж, 1968.

Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Изд. 2-е. М., 1973.

Панов М. В. И все-таки она хороша! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.

Попова Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.

Потиха З. А. Современное русское словообразование. М., 1970.

Преображенская Е. П. Кружок русского языка в школе. М.—Л., 1966.

Русский язык в современном мире. М., 1974.

Успенский Л. В. Слово о словах. Имя дома твоего. Л., 1974.

Шанский Н. М. В мире слов. Пособие для учителя. М., 1971.

Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.

Янко-Трилицкая Н. А. Имена букв.— «Русский язык в национальной школе», 1971, № 4.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ СЛОВАРЯМИ И СПРАВОЧНИКАМИ!

- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.
- Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. Л., 1974.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М., 1976.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., 1976.
- Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
- Словарь названий жителей (РСФСР). Под ред. А. М. Бабкина. М., 1964.
- Успенский Л. Почему не иначе? Этимологический словарик школьника. М., 1967.
- Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев., 1970.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 3-е, М., 1975.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ФОНЕТИКА 11	
Строение слога	11
Система гласных	11
ъ, ь	12
ê (ѣ)	14
[o] — носовое, [e] — носовое	21
Система согласных	26
Шипящие [ж], [ш], [ч'] и [ц]	31
Звук [ш]	32
Звук [ж]	—
Звук [ч']	—
Звук [ц]	—
Звуки [ф] — [ф'], [в] — [в']	34
j (йот)	—
Согласные глухие и звонкие	35
Согласные твердые и мягкие	38
Упрощение групп согласных и разрыв этимологических связей родственных слов	40
.	45
Полногласие	49
Система безударных гласных русского литературного языка и орфография	55
МОРФОЛОГИЯ 61	
Имя существительное	62
Род существительных	—
Число существительных	63
Типы склонения существительных	67
1-е склонение существительных	68
2-е склонение существительных	69
3-е склонение существительных	76
Разносклоняемые существительные	79
Замечания о форме именительного падежа множественно- го числа	80
Звательная форма	82
Категория одушевленности	—
Собственные и нарицательные существительные	85
Местоимение	88
Формы личного местоимения 3-го лица	—
Имя прилагательное	91
Краткие и полные прилагательные	95
Склонение прилагательных	99
Степени сравнения прилагательных	100
Правописание прилагательных	—

Числительное	101
Глагол	106
Инфинитив	—
Основа глагола	108
Формы настоящего времени	109
Формы прошедшего времени	112
Сослагательное наклонение	113
Повелительное наклонение	114
Безличные глаголы	117
Причастие	—
Причастия действительного залога настоящего времени	118
Причастия действительного залога прошедшего времени	121
Причастия страдательного залога	122
Наречие	124
Предлог	130
Союз	133
Частицы	134
Система частей речи в русском языке	135

СИНТАКСИС 137

Приложение № 1. Познавательные задачи при обучении русскому языку	147
Приложение № 2. Научно-методическая литература для учителя	155

ИБ 1264

*ИВАНОВ Валерий Васильевич,
ПОТИХА Зиновий Аронович*

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К ЗАНЯТИЯМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

*Редактор А. П. Грачев
Художник Е. Позднякова
Художественный редактор Т. Г. Никулина
Технический редактор Т. В. Самсонова
Корректор Л. П. Михеева*

Сдано в набор 2.06.78 г. Подписано к печати 20.09.78 г. 60×90^{1/16}.
Бумага № 3. Гарн. обычн. нов. Печать высокая. Усл.-печ. л. 10. Уч.-изд.
л. 10,59. Тираж 100 000 экз. Заказ № 8168. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение»
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
в областной типографии управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Ивановского облисполкома,
г. Иваново, ул. Типографская, 6.